

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSEVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 1992 г.

Внутренняя политика

- Информациологические константы имиджа России** 9
Э.Галумов

Автор рассматривает основные тенденции развития России, обращая внимание на информационные константы. При этом автором выделяется геополитический фактор, воплощающийся в устойчивые geopolитические образы. ГПО России – это сильное централизованное образование, что соответствует стремлениям россиян иметь сильное государство.

- Коммунистическая перспектива России:
возможен ли “новый старт”?** 16
А.Сентябрев

Автор рассматривает причины кризиса в КПРФ, показывая, что он начался не сегодня и корни его – в ошибочной кадровой политике, в отсутствие подлинных лидеров, способных вовремя и адекватно сориентировать партию на новые цели.

Внешняя политика

- Контуры обновления внешней политики России** 27
А.Никитин, В.Петровский

В статье подводятся итоги дискуссии по Концепции внешней политики РФ, проведенной Правлением Российской Ассоциации политической науки (РАПН), указываются устаревшие положения Концепции и даются предложения по их замене или совершенствованию.

Россия в меняющейся Европе

38

О.Приходько

Автор рассматривает проблемы взаимоотношения между Россией и ЕС, в том числе их различное представление о равенстве сторон, разногласия в вопросах распространения Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС на новые члены ЕС и проблемы сотрудничества в сфере безопасности.

Энергетический фактор во внешней политике России

49

А.Шныров

Тема надежного снабжения энергоресурсами – важнейшая в мировой политике. Энергетический фактор в современном мире является определяющим как для мира, так и конфликтов, и военных действий. Учитывая данные реалии, автор рассматривает конкуренцию, международное сотрудничество и политику России в области энергетики.

Военно-политические проблемы

Глобальная передислокация американских войск

57

П.Смирнов

Статья посвящена планам передислокации американских войск и военных баз, размещенных в Европе и Азии. Эти планы якобы связаны с изменением характера угроз, с которыми сталкиваются США. Сокращение крупных стационарных группировок войск, размещенных в Германии и Южной Корее, планируется компенсировать за счет создания опорных пунктов временного базирования на территории стран новых членов НАТО в Юго-Восточной Европе, откуда бы американские силы могли осуществлять быстрое развертывание для проведения военных операций.

Экономика

Сбалансированное экономическое развитие

67

Н.Извеков

Автор анализирует причины современного системного экономического кризиса в мировой экономике, рассматривает пути перехода к положительной динамике в экономике после кризисов XX столетия, указывает, что правящим кругам ведущих стран мира необходимо отказаться от нынешних либерально-рыночных догм в экономической политике и приступить к реализации новой парадигмы глобального экономического и социального развития.

Отношения государства и бизнеса

80

И.Бородычева

В работе проанализировано состояние жилищно-коммунального хозяйства России и показано, что опыт зарубежных стран и исторический опыт Российского государства позволяют рассматривать концессии как эффективную форму партнерства государства и бизнеса, в том числе в сфере коммунального хозяйства.

ВТО и развитие туризма в России

90

Д.Ковалев

Наиболее сложный комплекс проблем при вступлении России в ВТО, по мнению автора, находится в сфере услуг, регулируемой ГАТС, в частности проблема российского туристического, в том числе гостиничного бизнеса.

Право

Сотрудничество МТБЮ с государствами и международными организациями

96

Н.Михайлов

Указав, что правовой базой сотрудничества Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) с государствами и международными организациями служат положения, изложенные в докладе Генерального секретаря ООН от 3 мая 1993 г., автор показывает как на практике осуществляется механизм такого сотрудничества.

Наука

Роль человека в процессах социальной самоорганизации и эволюции системы управления обществом

105

А.Куличенко

В первой части статьи рассматривается роль синергетики в анализе влияния человека и государства на процессы социальной самоорганизации и эволюции системы управления обществом.

От подражания к имитации в политической практике

116

С.Пшизова

В работе рассмотрены становление демократических институтов в государствах на постсоветской территории; проанализированы отличия новых партий от классических западных образцов, а также вопросы идеологии, лидерства, массовости новых партий, пассивности избирателей и можно ли старые "заказные образцы демократии" адекватно получить в новых условиях.

Рецензии

Новое прочтение истории Кореи

123

В.Ким

Профессор Московского Государственного лингвистического университета рецензирует учебник по истории Кореи, написанной группой ученых под редакцией член-корреспондента РАН А.В.Торкунова на основе новых подходов к познанию истории – историко-хронологического и цивилизационного.

Ю.Лебедев

В рецензии на книгу А.И.Подберезкина и С.А.Абакумова “Гражданское общество и будущее российского государства: в поисках эффективного алгоритма развития” автор – генерал-майор в отставке утверждает, что в книге намечены пути развития России в обстановке глобализации с целью сохранить в перспективе её рейтинг ведущего государства.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель-Observer» включен в Перечень ведущих научных журналов, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

Summary

The current issue of the “Obozrevatel–Observer” Magazine covers September and October months (№ 9–10). It opens with the ”Home Policy” section, which contains two articles. In the first article “Informatiological Constants of Russia’s Image” by E.Galumov the author considers basic tendencies of Russia’s development, paying special attention to information constants. In addition he picks up geopolitical factor, incarnated into stable geopolitical images (GPI). Russian’s GPI is a strong centralized formation which corresponds to the aspirations of russian people to have a powerful state. In the second article “Communist Perspectives in Russia: Whether a “New Start” is Possible?” by A.Sentjabrev the author considers the reasons for the crisis in the Communist Party of Russian Federation, showing that it started not to-day and its roots – in erroneous trained personnel policy, in lack of true leaders able in time and adequately orientate the party towards new aims.

The “Foreign Policy” section begins with an article “Conception of Russia’s Foreign Policy: Outlines of Renewal” by A.Nikitin and V.Petrovski in which the authors sum up the results of the discussion on the Conception of Russia’s foreign policy by the management board of the Association of Political Science, point out obsolete principles of the Conception and propose their substitution or improvement. Then goes the first part of the article “Russia in Changing Europe” in which O.Prichodko on the background of changes that are taking place in Europe in connection with European Union and NATO enlargement examines problems of relations between EU and Russia, their different ideas of equality of sides, conflicting problems of spreading the Agreement about Partnership and Cooperation between RF and EU on new EU member-countries, as well as problems of security. In the last article of this section “Energetical Factor in Russia’s Foreign Policy” by A.Snirov the author stating that factor of power engineering in modern world is definable as for peace and conflicts examines market competition, international cooperation and Russia’s policy in the field of power supply.

Then the issue gives space to the “Military Political” section with one article “Global Redislocation of the American Troops” by P.Smirnov which is devoted to the plans of redislocation of the American troops and

military bases, stationed in Europe and Asia. These plans as it is officially stated are connected with the change of threats the USA are faced with. Reduction of large troop concentrations stationed in Germany and South Korea are planned to compensate by setting up temporary bases in new NATO member-countries in South-East Europe from where american troops could be quickly deployed to conduct operations against terrorist groupings.

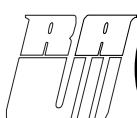
The “Economics” section gives coverage to three articles. In the first one “Balanced Economic Development” N.Isvekov analyses the reasons of current system economic crisis in world economy, considers the ways of transition to positive dynamics in economy after crises of XX-th Century, points out that the ruling circles of the world leading countries should renounce liberal-market dogmas in economic policy and start to realize new paradigm of global economic and social development. The second article “The Relations between State and Business” by I.Borodicheva analyses the state of housing and municipal services in Russia and shows that the experiences of foreign countries and Russian state permit to examine concessions as an effective form of cooperation between state and business including the sphere of municipal services. The third article “WTO and Tourist Development in Russia” deals with problems of tourist and hotel business in Russia in connection with Russia’s entry into World Trade Organization. These problems in author’s opinion have complex character in the service sphere, regulated by General Agreement on Tariffs.

The “Law” section contains only one article “Cooperation of International Tribunal on Former Yugoslavia (ITFY) with States and International Organization” by N.Michailov. Pointing out that the legal base for the cooperation of INFY with States and international organizations are provisions, set forth in the UNO General secretary’s report on 3-d of May, 1993, the author shows the work of this mechanism in practice.

The “Science” section contains two articles. The first one “Role of Human Being in the Process of Selforganization and Evolution of the Society Administration System” by A.Kulichenko examines the role of synergetics in the analysis of the human being and State on the process of social selforganization and the Society Administration system’s evolution. The

second article “From Imitation to Mimicry in Political Practice” examines formation of democratic institutes in the states on the postsoviet territory, analyses the differences between new parties and classical ones of western types, as well as problems of ideology, leadership and mass character of new parties, passivity of electorate and whether it is possible to get old “ordered models of democracy” identical to new circumstances.

Then the issue gives space to two reviews. In the first one “A New Reading of the Korean History” professor of the Moscow State Linguistic University V.Kim reviews the textbook on Korea’s History, written by a group of scientists on the base of new approaches to History knowledge – historical-chronological and civilizational. The second review “Globalization and Development Realities of Russia” by major-general Y.Lebedev is devoted to the book “Civil Society and Future of the Russian State: In Search of Effective Algorithm of Development”, written by A.Podberezkin and C.Abacumov. In the review the author states that the book outlines the ways of Russia’s development in the situation of globalization with the aim to preserve in future its rating of leading power.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSEVER E-mail:observer@mail.magelan.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- журнал «Обозреватель-Observer» (1992–2004 гг.);
- «Современная политическая история России», состоящая из двух CD-дисков: «Хроника» (1985–2004 гг.) и «Лица» (биографические сведения о 30 тыс. персоналий, представляющих политическую, научную, культурную и деловую элиту страны);
- электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 5 томах;
- информация и аналитика.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, ЕРЕМЕНКО И.Н. – исполнительный директор, НОВИКОВ Ю.Д. – заместитель главного редактора, АБАШИДЗЕ А.Х., БЕРКОВ А.А., ДЕРЯБИН Ю.С., ЗИМЕНКОВ А.Л., ИЗВЕКОВ Н.Н., КОМАРОВ И.К., КОТИЛЕВСКИЙ М.Д., ЛЕБЕДЕВ Ю.В., ЛУНЬКОВ А.Г., МЧЕДЛОВ М.П., ОРЛОВ А.А., ПЕТРАКОВ Н.Я., РЕПКИН Ю.М., ЯХЬЯЕВ Т.Г.

Научно-редакционный совет

- АБДУЛАТИПОВ Р.Г.– член Совета Федерации РФ, председатель Совета Ассамблеи народов России, доктор философских наук, профессор
- АРИСТОВ В.В. – директор ИПТМ РАН (Черноголовка), член-корреспондент РАН
- БАБАЯН Э.А. – председатель Постоянного комитета по контролю наркотиков при Минздраве РФ, член Международного комитета ООН по контролю наркотиков, доктор медицинских наук, профессор
- ГАБАРАЕВ Б.А. – генеральный директор ФГУП «Научно-исследовательский и конструкторский институт «Энерготехника» им. Н.А.Доллежаля», доктор технических наук
- ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной адвокатской палаты РФ
- ДЕЛЯГИН М.Г. – Председатель Президиума – научный руководитель Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
- ДУДАРОВА В.Б. – дирижер, народная артистка СССР и России
- ЕФИМОВ Б.Е. – народный художник СССР
- ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
- ЗОРИН В.С. – политический обозреватель государственной радиокомпании «Голос России», первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
- ИВАШОВ Л.Г. – вице-президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
- ИВЛИЕВ Г.П. – начальник Правового управления аппарата Госдумы РФ
- КАШЛЕВ Ю.Б. – первый проректор Дипломатической академии МИД РФ, доктор исторических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол
- КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора Института США и Канады РАН, доктор исторических наук, профессор
- ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Союза ветеранов военной разведки, генерал-полковник
- ЛАПТЕВ П.А. – Уполномоченный РФ при Европейском суде по правам человека
- ЛЬВОВ Д.С. – Заместитель академика-секретаря Отделения общественных наук РАН, академик РАН
- МАКАРОВ В.В. – президент АО «Химсинтез», доктор экономических наук, доктор технических наук
- ПОПОВ В.И. – начальник Общевойсковой академии Вооруженных Сил РФ, генерал-полковник
- ПРИМАКОВ Е.М. – президент ТПП РФ, академик РАН
- СЕМИГИН Г.Ю. – директор Института сравнительной политологии РАН, доктор политических наук
- СУХАРЕВ А.Я. – директор Научно-исследовательского института проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, доктор юридических наук, профессор
- ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
- ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО-Университет МИД РФ, председатель Российской ассоциации содействия ООН, член-корреспондент РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол
- ШАХНАЗАРОВ К.Г.– генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
- ЯКОВЛЕВ В.Ф. – председатель Высшего Арбитражного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Информациологические константы имиджа России

Геополитические образы России

Эраст Галумов,
кандидат экономических наук

Рассвет глобальной информационной цивилизации Россия встречает далеко не во всеоружии – о чём свидетельствуют даже не столько низкие рейтинги её социально-экономических и политических характеристик в мировой табели о рангах, сколько сама атмосфера неуверенности, утвердившаяся в стране с началом “демократической и рыночной модернизаций” тоталитарной советской системы. Нет нужды напоминать, что Россия совсем не случайно вышла из “купели” СССР с размытыми национальными ценностями, девальвированной национальной идеей, следствием чего стал плахомерный и широкомасштабный подрыв базовых оснований ее национального духа. Ярким выражением указанных сомнительных “достижений” является, к примеру, отсутствие государственного целеполагания власти, утрата ею стратегической инициативы развития российского общества, информационной активности и наступательности.

Это вовсе не диатриба, тем более не инвектива в адрес известных персонажей, а банальная констатирующая иллюстрация одного из популярных афоризмов нашего знаменитого историка В.О.Ключевского:

“Жизнь учит лишь тех, кто её изучает...”.

От себя не лишним будет уточнить: изучает и делает выводы. Причём в трёх взаимосвязанных горизонтах бытия: *ретроспективном, реальном и перспективном*. Сегодня должно и нужно заниматься такими исследованиями без разного рода идеологического “лукавства и камуфляжа”, поскольку несомненным (и может быть пока единственным!) достижением почти пятнадцатилетних институциональных и экономических реформ является тот факт, что *гены государственного рабства в информационно-ментальной структуре рядовых россиян, хотя и до обидного медленно, но всё же заменяются генами свободы и самореализации, которые, вполне вероятно, станут основой будущего национального генофонда*.

Пора, пора нам всем осознанно подходить к планируемым “наверху” модернизациям и безбоязненно вносить свои корректизы, обусловленные единственно собственным ценностным выбором. Но делать его следует не наобум, а с применением – раз уж мы живём в информационном обществе – так называемых “*информационологических констант*”,

под которыми понимаются здесь общезначимые сведения переустройства общества, создаваемые на основе аналитических выкладок социальными информационами (носителями, субъектами) его и их различными объединениями.

Возвращаясь к *национальной идеи России*, хочу лишний раз подчеркнуть: она важна не в качестве идефикаса любомудрствующих интеллектуалов, но прежде всего в силу её информациологической активности и эффективности в процессе инициирования опосредованных текущей реальностью социальных преобразований. В таком контексте она выступает важнейшей информациологической константой развития общества и государства. Не вызывает сомнения, что в России победит и будет успешной только та реформа, которая направлена на “сбережение народа”, поскольку никакие общечеловеческие ценности не могут достигаться ценой попрания национальных интересов, путем национального унижения, замедления темпов развития, а то и прямой стагнации общественной, производственной и культурной сфер государства.

Разумеется, Россия не стоит на месте. Правда, складывается почетутое иногда впечатление, что в мутных волнах мировой политики пока она плывет “без руля и ветрил”... В какую же сторону ей предпочтительнее двигаться?

По нашему твёрдому убеждению, направленность развития РФ определяется следующими обстоятельствами:

Во-первых, после распада СССР Россия унаследовала статус великой державы, который не требуется за-

воевывать. Нужно лишь научиться ему соответствовать с учётом геополитического положения, имеющихся ресурсов и возможностей, общемировой культуры, наконец, с учётом наличия все еще мощных сил ядерного сдерживания.

Нынешнюю Россию вполне уместно сравнить с великаном, обладающим торсом атлета и детской, доверчивой головкой. Потому-то и после шоковых “демократических преобразований” (а может, как раз благодаря им?) нам не верят и заслуженно нас боятся. Боятся – как потенциальных конкурентов... Боятся – российской непредсказуемости и безответственности...

Конечно, доверие мира нам предстоит заслужить, а статус великой державы – оправдать. Сложившуюся же в стране негативную ситуацию пора терпеливо исправлять, в том числе и в информационно-имиджевом поле.

Во-вторых, Россия исторически выполняет миссию регионального лидера, причем сразу двух регионов – Европы и Азии. Иначе говоря, лишь ей под силу решить ряд сложных задач цивилизационного масштаба. Это положение необходимо уметь использовать в информационно-имиджевой государственной политике.

В-третьих, полноправным партнером мирового сообщества Россия станет практически автоматически, если реформы дадут хоть небольшой положительный эффект, обеспечивающий предсказуемость государственной политики. Но это, в свою очередь, станет возможным лишь тогда, когда Россия определится со своей национальной идеей, с основным ценностным выбором, со стратегическими направлениями развития и доминантными приоритетами.

Ж.Ренан как-то справедливо заметил: “Жизнь – это борьба против

разрушающих начал”... В таком контексте краеугольным камнем национальной идеи России следует признать выживание и развитие её народов, а в индивидуальном плане – достойную жизнь каждого россиянина. Государство обязано поддержать и обеспечить этот выбор всеми имеющимися ресурсами, в том числе и средствами *public relation*, оно должно продемонстрировать решимость достижения заявленных целей и неизменность избранного курса.

Такова, на наш взгляд, информацио-
логическая константа реального и
перспективно-позитивных социальных
имиджевых планов России. Но практическое воплощение её невозможно без учёта ретроспективной политики-географической составляющей.

О бширность территории страны, масштабность ее исторических свершений, опосредованных генерально-информационологической совокупностью цивилизационных задач, формируют *геополитический фактор*, однозначно влияющий на имидж любого государства. Этот фактор, как принято считать, воплощается в массовом сознании через определенные устойчивые *геополитические образы (ГПО)*. Особую важность имеют политические приоритеты, утвердившиеся на конкретной территории, а также цивилизационные ценности, культтивируемые народом. (В России, к примеру, такого рода ценности на протяжении более чем тысячи лет оставались неизменными, следовательно, и образы её обладали относительной устойчивостью).

Геополитические образы можно определить как общественно наиболее значимые, предельно анаморфи-

рованные с точки зрения традиционного географического пространства и в то же время самые масштабные (то есть охватывающие значительные по площади территории и регионы Земли) информациологические географические константы. В силу особой динамичности, повышенной изменчивости и даже известной неустойчивости они являются естественным испытательным “полигоном”, на котором возможны эффективные научные исследования общих закономерностей динамики и трансформации образно-географических систем. Тем самым ГПО отражают целевую нагруженность и четкую структуру представлений о географическом ареале, включают максимально яркие и запоминающиеся символы, знаки и характеристики конкретных территорий, стран, регионов, которые маркируют политическую диверсификацию территориально-государственных образований. По сути дела, речь идет о сгущении политico-географических информациологических констант с помощью различных пространственных знаков и символов.

Что в этом смысле представляла из себя Древняя Русь?

Она была окраиной *византийского* культурного и политического круга, но одновременно размещалась на оси “Север – Юг”, соединявшей Балтику с Черным морем и Балканами. При формировании ее политico-географического пространства преобладали *экзогенные ГПО*, прежде всего ГПО Скандинавии, Швеции, Дании, Балтики, а также Византии. По мере приближения к центру представляемого выделенной совокупностью стран политico-географического пространства плотность ГПО падала¹. Иначе гово-

ря, наблюдалась своего рода *инверсия ГПО*: в центре – образная пустота, а наибольшая информациологическая образная политico-географическая плотность сосредоточивалась на реальной географической периферии.

Не в последнюю очередь именно благодаря указанным обстоятельствам *современной России* присущ смешанный ГПО. Картина напоминает качание маятника. Нередко такое положение является причиной неточностей в политической и/или политico-географической самоидентификации государства (политического союза). Главная сложность здесь – определение образной дистанции, позволяющей сформировать и использовать ГПО.

В общей информациологической структуре страны ведущую роль играют *ключевые ГПО* – образы, оказывающие решающее и долговременное влияние на структурирование остальных ГПО, а также формирующие и во многом скрепляющие совокупное образно-геополитическое пространство. Для конструирования *оптимального ГПО России* необходимо моделирование нескольких наиболее явных и действенных различных ГПО страны в единой “связке”, “оконтуривание” целостной образно-геополитической системы и дальнейшая проработка ее возможных конфигураций и структур.

Надежная и динамичная образно-геополитическая система должна включать ГПО отдельных регионов и иметь возможность активно манипулировать ими². Целенаправленная геополитика – это, в известной мере, и есть сбалансированность внешних и внутренних ГПО, рассматриваемых в едином образно-географическом поле. (Поэтому, например,

ГПО Сибири и Дальнего Востока конца XIX – начала XX в. неотделимы в своей динамике от ГПО Маньчжурии и Монголии.)

По сути дела, образно-геополитическая система страны – это арена столкновения, борьбы и взаимодействия порой довольно разнородных ГПО, иногда имеющих под собой и разные геокультурные фундаменты. Геополитические и геокультурные образы страны могут вступать в известное противоречие³, но именно эта разветвленная “цепочка” и позволяет осознать соответствующие системы как динамичные геоисторические информациологические протяженности, “длительности”, естественно “переваривающие” противоречивость и неоднозначность ГПО⁴.

Каковы же ключевые ГПО России?

Первый из них – так называемый “остров Россия” – впервые выделен и подробно описан как устойчивый архетип геополитического развития нашей страны М.В.Ильиным⁵. Этот ГПО, по мнению учёного, во многом базируется на этнокультурных, цивилизационных и языковых особенностях развития Древней Руси и средневековой России, которые и предопределили его аутентичность.

Следующий ключевой ГПО – “Россия–Евразия” – детально проработан в 1920–1930 гг. в концепции евразийства⁶, ориентировавшейся на выход за рамки традиционных геополитических возможностей России. Используя историко-географические основания, евразийцы создали мощный ГПО, до сих пор потенциально позволяющий разрабатывать весьма масштабные и разнообразные геостратегии.

Несколько ранее был осознан и транслирован вовне ГПО “*Россия-и-Европа*” или “*Россия как Европа*”⁷. Историософский план указанного образа проработан в основном в XIX в., хотя в политическом и культурном отношении понимание России как, в первую очередь, европейской державы стало складываться еще в XVII–XVIII вв. Важно отметить, что при этом Россия воспринималась (и воспринимается) в качестве маргинальной части Европы, во многом схожей, например, с Испанией, прежде всего, конечно, в историко-культурном смысле⁸.

На цивилизационной основе выделяется и еще один ключевой ГПО – “*Византия*”. Его происхождение очевидно: Россия входила в византийский культурный ареал; российскую цивилизацию по своим корням можно также назвать византийско-православной. Этот ГПО играл немалую роль в формировании внешней политики России с XVIII и до начала XX вв.

К числу ключевых для России относится и ГПО “*Восточная Европа*”. Конечно, понятие и образ Восточной Европы неоднократно менялись, особенно в XX столетии, охватывая порой совершенно разные страновые и региональные области. Но, несмотря на всю свою расплывчатость и изменчивость, этот ГПО (во многом пересекающийся с ГПО “*Византия*”) оказал и продолжает оказывать заметное влияние на формирование внешнеполитического имиджа России. Историческая память здесь задействована напрямую, поскольку и Киевская Русь, и Московское государство XVI–XVII вв. достаточно ясно осознавали свое geopolитическое положение в рамках Восточной Европы⁹.

Структура и информационическая организация геопространства непосредственно связаны с характером использования ключевых ГПО во внешней политике современной России.

Проиллюстрируем этот тезис в общих чертах, чтобы выявить его содержательно-имиджевый информационологический аспект.

ГПО “*Остров Россия*” весьма интенсивно использовался во внешней политике России в первый год президентства В.Путина, когда развернулся процесс постепенного дистанцирования от геополитических моделей, доминировавших в РФ в 90-е годы, и создания автономного геополитического пространства. “*Утилизация*” старых геополитических “запасов” сочеталась с геополитической поддержкой таких же “островов”-дублеров – Белоруссии и, частично, Украины.

ГПО “*Россия–Евразия*” наиболее активно культивировался в период премьерства Е.Примакова, о чем наглядно свидетельствуют визиты главы правительства в КНР и Индию.

Но попытка сформировать евразийский “треугольник” (несомненно, направленный против США и НАТО) не увенчалась успехом, поскольку образ самой России был не в состоянии заменить хорошо понимаемые в цивилизационном отношении образы Индии и Китая. Гораздо эффективнее рассматриваемый ГПО “работал” на дальних рубежах России, прежде всего в Центральной Азии, где Россия оказывала политическую, военную и экономическую помощь постсоветским государствам (Казахстану, Таджикистану, Киргизстану, и, в какой-то мере, Узбекистану). В зону его влияния входят также Закавказье, включая и часть самой России – Северный Кавказ.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в основе данного ГПО все же лежит образ России как европейской страны. Обращаясь к нему в своей внешней политике, Россия вынуждена постоянно оппонировать США, которые фактически выступают его внешней “упаковкой”.

На протяжении 90-х годов шло расставление с внешнеполитическими иллюзиями и

эйфорией по поводу вхождения России в Европу. Практическое воплощение идей создания единого европейского дома "от Атлантики до Урала", озвучивавшихся Миттераном, Колем и Ельциным, было отнесено в область туманной перспективы. В геополитическом пространстве Россия постепенно отдалась от Европы, однако сами образные расстояния стали более точными, выверенными и надежными. К концу 90-х годов ГПО "Россия-и-Европа", по сути дела, сузился до ГПО "Россия-и-Северная Европа" (проект сотрудничества ЕС и России "Северное измерение").

В известном смысле СССР был гораздо более европейской страной, и в его внешней политике ГПО "Россия-и-Европа" действительно играл одну из ключевых ролей. В 90-х годах большинство советских внешнеполитических представлений о Европе списали в архив. Современноеreprезентирование ГПО "Россия-и-Европа" связано, в основном, с "точечной акупунктурой" Совета Европы (права человека, свобода слова и СМИ) и деятельностью России в рамках ОБСЕ, а сам он заметно "съежился" – что полностью соответствует сложившейся внешнеполитической ситуации¹⁰.

В начале 90-х годов ГПО "Византия" пребывал в застывшем или "замороженном" состоянии, но во время конфликта в Косово быстро ожила – и не только в на-

строениях российского общества (это произошло еще в период войны в Боснии), но, главное, на государственном уровне. Его довольно интенсивно использовал премьер Е.Примаков, к нему не раз прибегал и министр иностранных дел И.Иванов. Активизация данного ГПО вполне реальна и сейчас – вероятно, в связке с ГПО "Восточная Европа". Он может быть актуален также относительно Грузии и Армении, хотя здесь необходимо учитывать сложившиеся историко-географические образы взаимодействия закавказских цивилизаций с византийской, включающие в себя элементы соперничества и противоборства.

ГПО "Восточная Европа" не нашел должного отражения во внешней политике современной России. Во многом это связано с несбалансированным развитием образа Европы в целом. Чрезмерное усиление образов Западной Европы, ЕС, частично НАТО и их фактическое внешнеполитическое отождествление привели к тому, что названный ГПО оказался вытеснен "на задворки". Тем не менее, на наш взгляд, именно его надо активно культивировать как оригинальный и автохтонный для России, в частности, постоянно артикулировать в отношениях с Белоруссией, Украиной и Молдовой. Ведь в перспективе ГПО самой России может составить ядро совокупного ГПО Восточной Европы.

Итак, самый общий информационологический анализ лишь традиционных для России геополитических констант показывает: в центре карты ГПО России наиболее прочны и устойчивы образы Европы и Евразии, в значительной степени пересекающиеся и взаимодействующие между собой. ГПО самой России во многом воспринимается в качестве сильного и централизованного образования, что подкрепляется стремлением россиян иметь собственное мощное и устойчивое государство.

Информационологический план указанных геоконстант нуждается в тщательном осмысливании, вдумчивом содержательном наполнении и активном продвижении в сознание собственной и мировой общественности. Его объём в имиджевом поле России следует постепенно увеличивать, соглашаясь с воплощением социально-информационологических имиджевых доминант реально-го и перспективного характера, составляющих сердцевину национальной идеи или, если хотите, национальной идеологии государства. Корреляция между собой всех выделенных элементов перспективной имиджевой кон-

структурции России и обеспечит устойчивую позитивизацию восприятия образа РФ в сознании россиян и иностранных граждан.

Не нами замечено: лучшее будущее наступает куда раньше, если двигаться ему навстречу. Недаром древние говорили: дорогу осилит идущий. Выражаясь словами Жореса, нам требуется взять “из прошлого огонь, а не пепел”, чтобы возродить, наконец, тепло и свет внутри и вокруг нашего общего дома – России. Продолжая этот образ, хорошим “горючим” для поддержания российского “пламени” и выступают обозначенные выше информациологические константы. Именно потому они и нуждаются в особом внимании, теоретическом осмыслении и практическом применении.

Примечания

- ¹ Аграшенков А. В. Исторический опыт воздействия на политическое сознание в переломные моменты общественного развития. СПб., 1994. С. 61.
- ² Белов Е. А. Россия и Монголия. М., 1999. С. 66.
- ³ Грузински С. Колонизация и война образов в колониальной и современной Мексике // Международный журнал социальных наук. 1993. № 1.
- ⁴ Цымбульский В. Л. От великого острова Руссии... (к прасимволу российской цивилизации) // Политические исследования. 1997. № 6.
- ⁵ Ильин М. В. Проблемы формирования “острова Россия” и контуры его внутренней геополитики // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1995. № 1.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Зимин А. И. Европоцентризм и русское культурно-историческое самосознание. М., 2000. С. 249.
- ⁸ Замятин Д. Н. Геополитика образов и структурирование метапространства // Политические исследования. 2003. № 1. С. 91.
- ⁹ Ильин М.В. Цит. соч.
- ¹⁰ Там же.

Коммунистическая перспектива России: возможен ли “новый старт”?

О КПРФ и её задачах

Александр Сентябрев,
политолог

Левое движение в России, в целом, и его безусловный на протяжении всего постсоветского периода лидер – КПРФ проходят сложный период. Упущены крайне благоприятные для продвижения левых идей в новых исторических условиях “ельцинские времена”, когда цинично антинародная политика властей вызывала глубочайшее недовольство и возмущение в обществе. Образно говоря, нужно было только поднять лежавшее на земле знамя социально-политической борьбы и решительно возглавить массовое движение протеста. И перед страной могли бы открыться совсем другие горизонты. Но этого не произошло. Левые в то судьбоносное для страны и народа время, когда через грабительскую и преступную приватизацию происходило качественное изменение базиса общества, оставались в стороне от реальной власти, пребывая в роли если и не совсем уж пассивного, то во всяком случае ограниченно дееспособного наблюдателя. Хотели левые и, прежде всего КПРФ, воспрепятствовать фундаментальной перекройке России по “либеральным” лекалам Гайдара, Чубайса и даже с ними? Ответ, думаю, очевиден. Не могли не хотеть. Иначе какие же это левые! Значит, не смогли, оказались не в состоянии эффективно противодействовать напору власти.

Запущенная в первые дни 1992 г. молотилка антисоциальных реформ методично, без крупных сбоев работала даже в тот период, когда КПРФ была крупнейшей общенациональной партией, имела самую представительную фракцию в Думе и могла рассчитывать на поддержку многочисленной группы своих влиятельных сторонников в еще что-то значившем Совете Федерации.

Можно утверждать, что именно в 90-х годах минувшего века, когда

всем стало очевидно, что у колосса не все в порядке с крепостью ног, была заложена мина замедленного действия под КПРФ.

Следующим весьма логичным и в целом прогнозируемым шагом в этой ситуации стал проект вытеснения КПРФ с части того политического поля, которое коммунисты по инерции привыкли считать своей эксклюзивной вотчиной. Кто, в каких местах и кабинетах разрабатывал этот проект, думаю, не столь уж и

важно. Хотя никакого секрета не существует. Важен конечный результат. А он – налицо. Причем задиристые и расторопные претенденты на часть коммунистического “надела” не ограничились вспашкой “целины”, то есть того сектора левого политического поля, который условно можно считать социал-демократическим, а весьма нахраписто заехали на территорию самого коммунистического соседа, вероятно, посчитав и, может быть, не без оснований, что она (территория) охраняется только соломенными пугалами.

Когда по результатам декабрьских парламентских выборов 2003 г. захват состоялся, коммунистам было уже поздно махать кулаками. Поэтому эпицентр выяснения отношений, которые протекали (и этот процесс, похоже, еще далек от завершения) исключительно бурно и скандалально, переместился в их собственный лагерь.

А тем временем власть сделала ряд крупных, рискованных и потенциально взрывоопасных шагов, способных привести к дальнейшему урезанию социально-экономических прав граждан России, в частности инвалидов, ветеранов войны и труда, а также других льготников и, соответственно, спровоцировать масштабный социально-политический катаклизм в обществе.

Однако, поглощенные междуусобицей, коммунисты, а точнее – их руководящий состав, как и 90-е годы, как-то очень вяло отреагировали на реальные для общества проблемы, лишь пунктирно, фактически по-минимуму обозначив свое негативное отношение к новому “рыночному” заходу властей. В результате, они снова не смогли занять бесспор-

но лидирующие позиции среди тех сил в российском обществе, которые выступают против наступления на социальные права трудящихся.

Не менее пассивно повел себя коммунистический актив и в связи с лавиной терактов, которые Россия пережила в конце августа – начале сентября с.г. Инициативу мобилизации общества на осуждение преступлений террористов взяли на себя власти, то есть те, кто должен отчитаться перед этим самым обществом, как в принципе стала возможной эта нескончаемая череда трагедий. А коммунисты в этот действительно судьбоносный для страны момент снова (как часто приходится употреблять это слово) оказались где-то в хвосте.

В инертности КПРФ как идеологической, так и мобилизационной, неумении “зажечь” и повести за собой массы, общество – зерно сегодняшних проблем партии.

Способны ли коммунисты на “новый старт” или проповедуемый ими исторический проект действительно выдохся, как утверждают приверженцы иных политических возврений?

Самый убедительный ответ на этот кардинальный вопрос может дать, как ни банально это звучит, одно лишь время. Но только уповать на его благоприятный вердикт, как десятилетиями делали коммунисты, значит впасть в некий политический фатализм, губительный для свободного полета мысли, характерного для основоположников марксизма. Любая теория, даже изначально гениальная по своей сути, становится со временем музеинным экспонатом, если не развивается в соответствии с динамикой исторических процессов, а превращается

усилиями ревнителей ее стерильной чистоты в окаменелость, вокруг которой собираются идолопоклонники, причем с каждым годом все в меньшем количестве. Марксизм такого удручающего будущего не заслуживает.

Проблемы сегодняшнего поколения российских коммунистов своими корнями уходят в глубь истории. После Ленина коммунистическая теория практически не эволюционировала, оставаясь, по сути дела, в пределах тех же организационно-идеологических параметров, до которых ее продвинул вождь Октябрьской революции еще в начале прошлого века. Пойдя по пути канонизации Ленина, когда шаг влево или вправо в трактовке его идей интерпретировался как ревизионизм, руководители советских коммунистов во многом сами загнали себя в исторический тупик, довели наиболее мощное и жизнеспособное левое движение XX в. до глубокого кризиса, выразившегося в крахе КПСС, развале СССР и всей социалистической системы в Восточной Европе, оттеснении на обочину политических процессов компартий в Западной Европе.

В Москве не хотели замечать, что окружающий мир меняется на глазах, отмахивались от необходимости последовательной и глубокой работы над развитием марксизма.

Проще было обвинять китайских коммунистов, смело пошедших на творческое развитие ленинских идей о НЭП, – в ревизионизме; западноевропейские компартии, пытавшиеся найти выход из своих проблем на путях “еврокоммунизма”, в – оппортунизме и т.д. Безусловно, – в идеях

“еврокоммунизма” многое было небесспорно и требовало широкого и свободного обсуждения этого направления мысли в коммунистическом движении. Но изначально было ясно, что “еврокоммунизм” появился не на голом месте, а является попыткой западноевропейских коммунистов дать ответ на те перемены в обществе, которые начали отчетливо проявляться еще с середины 50-х годов. В основе этой линии было стремление компартий ряда западноевропейских стран сохранить свое влияние на широкие слои общественности, в том числе интеллектуальную среду, которого они добились благодаря, прежде всего, самоотверженной борьбе с фашизмом, избежать такого положения, когда бы они превратились в рупор лишь наименее благополучной части рабочего класса и тех слоев общества, которые в силу тех или иных причин оказались в положении маргиналов.

Целенаправленной, предметной дискуссии в коммунистическом движении по всем животрепещущим проблемам современного общества так и не получилось. Проходившие время от времени встречи коммунистических и рабочих партий превращались в рутинные мероприятия. В выступлениях ораторов в основном звучали только те мысли, которые ласкали слух руководителей КПСС. Как будто мир остановился и в нем ничего не происходило! Из обихода исчезло само понятие коммунистического интернационала, хотя интернационализм изначально был одним из базовых постулатов марксизма. При всей относительности подобного сравнения подчеркнем, что социально-экономические трансформации, отмеченные в исторический пе-

риод между Марксом и Лениным, существенно уступали по своей масштабности тому, что произошло в мире в послеленинский период.

Ленину, однако, хватило в свое время и смелости, и воли, и мужества подкорректировать и осовременить марксизм, чего не осмелились сделать его последователи, продолжая бубнить по бумажке прописные истины.

Необходимость перемен и в советском обществе, и в коммунистическом движении были к тому моменту, когда М.Горбачевым была объявлена “перестройка”, для многих очевидны. Однако вследствие многолетнего идеино-политического застоя партия в целом и подавляющее большинство ее членов в отдельности оказались ни морально, ни организационно оказались не готовы к начавшимся трансформациям. Факт остается фактом: в КПСС за многие годы была отбита сама охота к свободной, самостоятельной мысли. Поэтому партийная масса в основном безропотно (отдельные всплески недовольства, конечно, были, но были они либо локальными, либо, если речь шла о борьбе в “верхах”, не очень понятными для рядовых членов партии) пошла за своим “поворотом”, который сам плохо знал, куда идет, руководствуясь в основном своим “партийным чутьем и знанием жизни”. Чем завершился этот беспримерный поход, всем сегодня хорошо известно. Кстати, помог угробить КПСС, как это ни парадоксально, принцип демократического централизма, поскольку все малопонятные и ошибочные по своей сути решения получали поддержку послушного, привыкшего ориентироваться на мнение руковод-

ства большинства, а стоило кому-то из рядовых коммунистов на собрании или каком-то ином форуме попросить прояснить тот или иной невнятный тезис, как “товарищи из президиума” указывали ему – в лучшем случае – на необходимость внимательнее почитать материалы пленумов ЦК, а в худшем – навешивали всякие ярлыки и делали оргвыводы. Как проходили дискуссии в самом руководстве партии, не знаю, но думаю, что по той же схеме.

С тех пор как в сталинские времена в компартии раз и навсегда покончили с внутрипартийными дискуссиями, этот атрибут партийной демократии канул в Лету, а взамен ему ничего субстантивного предложено не было. Компартия окончательно превратилась в организацию, где преобладала одна точка зрения, причем совершенно не обязательно, что правильная. Достигалось это, как сейчас принято говорить, путем использования “административного ресурса” в сочетании с соответствующей трактовкой положений Устава партии.

Бывшие руководители КПСС могут возразить: “Это неправда. У нас на Политбюро или еще где-то происходили жаркие дискуссии по тем или иным вопросам”. Вполне допускаю. Но в этих дискуссиях участвовала только “тончайшая прослойка” избранных. Уделом же партийной массы было только “внимать, да изучать”.

И такое положение вещей принципиально не изменилось до сих пор, хотя коммунисты (прежде всего имеется в виду КПРФ) уже давно не у власти и работать им приходится совсем в других исторических условиях, когда мерилом достоинства конкретного коммуниста должны быть не личная преданность и по-

корность, а идейная убежденность и инициатива.

Кстати, тема идейной неустойчивости, и прежде всего это касается значительной части высшего партийного руководства коммунистов, далеко не праздная.

Вернемся в нашу недавнюю историю. Пока КПСС была руководящей и направляющей силой советского общества, трудно было себе представить более твердокаменных и беззаветных борцов за идею, чем ее руководители. С какими верой в свою абсолютную непогрешимость и подлинно иезуитским усердием многие из них в лучшем случае “промывали мозги”, а в худшем – “ломали хребты” (естественно, фигулярно выражаясь) тем, кто выделялся из общей партмассы и на поверхку, как оказалось, был куда более истинным, чем все эти псевдо, коммунистом.

Один Б.Ельцин в его бытность первым секретарем Свердловского обкома и Московского горкома чего стоит. Сколько судеб он поломал... Не исключаю, что, не случись “перестройка”, он до сих пор верой и правдой служил бы идеалам коммунизма, и никто, включая и его самого, никогда бы не узнал, какой силы разрушительно-демократический заряд носил в себе этот человек.

Не буду утомлять читателя перечислением фамилий членов высшего руководства КПСС последнего перед крахом партии набора. Они всем хорошо известны.

Где сейчас эти люди? Кто из них остался верен тем идеалам, которые они с пением у рта отставали большую часть своей сознательной жизни? Единицы!

Подавляющее же большинство из них быстренько отреклись от коммунистических идеалов, в одноточье осознав всю их “иллюзорность и пагубность” и поняв ошиб-

бочность того, чем они занимались в течение десятилетий.

В Средней Азии и на Кавказе из них получились современные батыры, эмиры, прочие единоличные руководители (пусть даже кое-где называемые – в дань моде – президентами), в некоторых местах уже создавшие государства, по всем признакам соответствующие династическим монархиям.

В ряде бывших советских республик с европейским менталитетом некоторые из той блестательной в своей никчемности партийной когорты тоже по-прежнему в строю, занимая либо президентско-премьерские кресла, либо активно функционируя в местных парламентах.

Наиболее известные из их российских сородичей также в политическую тень не ушли, продолжая в течение какого-то времени, пока, видимо, позволяли силы, отстаивать свои новые (а, может быть, и не новые, но тщательно скрывавшиеся прежде) антикоммунистические воззрения.

Возьмем, к примеру, главного идеолога горбачевского Политбюро А.Яковлева, который, словно Штирлиц в тылу врага, долгие годы вел кропотливую “нелегальную” работу по подрыву КПСС, а в “демократические” времена активно продолжил свою борьбу с ненавистным ему коммунизмом, выйдя из политического подполья на свет Божий. Хотя, объективности ради, заметим, что до-перестроечные произведения А.Яковлева, в которых он с марксистских позиций подвергал уничтожительной критике современное капиталистическое общество, до сих пор не потеряли своей актуальности, будучи во многом правильными по своей сути.

Не следует забывать и о том, что упомянутые выше видные в прошлом “партийцы”, как правило, преуспели и на ниве набивания собственных и своих родственников карманов путем складывания в них того, что прежде принадлежало обществу или государству (не будем вдаваться в детали). Но, во всяком случае, не им лично или членам их семей.

Что-то не припомню, когда в современной политической истории происходило столь массовое дезертирство верхушки политической

партии, более семидесяти лет руководившей жизнью и деятельностью огромной страны. Причем партии не конъюнктурной, созданной для обслуживания сиюминутных интересов того или иного режима или какой-то личности, а основанной на ясных идеологических постулатах, с которыми можно соглашаться или которые можно отвергать, но никак нельзя сказать, что они – пшик, политический туман, от рассеивания которого ничего не остается.

В политической жизни, безусловно, бывают случаи, когда какой-то известный деятель меняет свою идеологическую окраску. Чаще это случается в переходный от молодости к зрелости период. Но, в принципе, это – нетипичное явление для серьезной, “большой” политики.

Мне, к примеру, трудно представить, что Б.Немцов или И.Хакамада, несмотря на всю неоднозначность этих личностей, вдруг резко переменят свои политические взгляды, даже если завтра в России произойдет социалистическая революция и все те, кто в свое время рвал и жег партийные билеты или метался в последние годы по разным пропрезидентским партиям, в едином порыве снова пойдут записываться в новую КПСС.

Вывод (печальный для коммунистов) очевиден: опыт нашей недавней истории показал, что идеологическая неустойчивость присуща представителям левого фланга политического спектра в гораздо большей степени, чем их оппонентам справа. Причем мнимая марксистско-ленинская твердокаменность зачастую напрямую зависит от положения конкретного “лидера” в партии, характера его взаимоотношений с парлуководством и ряда других чисто конъюнктурных факторов. Стоит появиться какой-то трещине и, глядишь, тот

или иной деятель уже сменил партийную ориентацию.

Это – крайне тревожный симптом для КПРФ. У партийной массы, как и у тех, кто просто симпатизирует этой партии, не может не возникнуть вполне закономерный вопрос, а кому же верить? Тем людям, которые сегодня – при одних обстоятельствах – говорят одно, а завтра – при других – совсем иное?

Массовый отказ представителей руководства КПСС во главе с бывшим генсекретарем от коммунистических идеалов, вне всякого сомнения, нанес мощный удар в спину всему левому, коммунистическому движению. Эти события в полной мере продемонстрировали всю ущербность тщательно отстроенной кадровой политики КПСС, основанной на анкетно-биографическом принципе, согласно которому – если говорить упрощенно – человек из народа с крепкими рабоче-крестьянскими корнями с молоком матери должен был впитать коммунистические идеалы и оставаться верным им всю жизнь. У бывших суперпартийцев со всеми “графами” анкеты проблем не возникало. Но вот на деле все обстояло куда сложнее. Примитивная лысенковщина в кадровой политике, как показал опыт истории, столь же абсурдна, как в поле или на огороде.

Конъюнктурная кадровая политика приводила к появлению в руководстве партии конъюнктурных людей, для которых идеалы были пустым звуком, а реальным делом – служение тем, кто их продвинул, то есть “хозяевам”. Потом ситуация повторялась, мультилицировалась. Подобные “служаки” занимали ключевые посты на всех пролетах партий-

ной лестницы. Кто-то, вероятно, рассматривал такое положение вещей как стабильность. На деле же это был самый настоящий омут. Поэтому совсем неудивительно, что тому или иному партбоссу ничего не стоило отречься от своих прежних “убеждений”, которые всегда были для него не более чем карьерным инструментом.

Подобные “родимые пятна” кадровой политики КПСС в полной мере присущи ее современным продолжателям. Каких-то кардинальных выводов до сих пор не сделано. Хотя и ребенку ясно, что кадровая стагнация, в основе которой – отказ от демократических принципов выборности и ротации кадров (который может быть закамуфлирован казалось бы вполне демократическими процедурами), столь же опасна для партии и общества, как и любая иная стагнация.

Путем назначений, продвижений и т.д. и т.п. к власти приходят серые и послушные, но не яркие, самобытные и способные. Приходят исполнители, с трудом формулирующие свои не очень-то замысловатые мысли, но не лидеры. А именно в лидерах КПРФ и все коммунистическое движение нуждается как в воздухе. В лидерах, которых всегда было много вокруг Ленина, хотя, как это известно, симпатизировал он далеко не всем. В лидерах, которые способны поднять и повести массы, притянув к себе симпатии общества.

Вернемся к проблемам КПРФ в современных условиях. Вопрос этот – принципиального свойства, поскольку речь идет об альтернативе, которая всегда должна существовать в демократическом обществе. А

КПРФ – это по-прежнему реальная альтернатива власти в современной России, хотя и сильно потрепанная в результате внешнего воздействия и внутренней нестабильности.

Не вызывает сомнений, что КПРФ является одним из системообразующих элементов российского политического ландшафта. Кто этого не понимает, тот не знает нашу страну, ее проблемы, живет в мире упрощенных представлений о характере и специфике российского общества.

Социалистическая идея материализовалась в России. Плох или хорош был тот исторический эксперимент, и почему плох или хорош, это – другие вопросы.

Социалистическая идея – это часть богатой и долгой истории нашего государства и вытравить ее методами современных политтехнологий или с использованием каких-то еще приемчиков из политической жизни современной России не удастся. Слишком глубоки ее корни, слишком близка она миллионам российских граждан.

Поэтому задача ослабления и маргинализации КПРФ, ее вывода за рамки политических процессов в стране, если ее кто-то ставит, – заведомо порочная и не слишком перспективная. Успехи здесь могут быть только кратковременными.

Кто может больше всех навредить КПРФ, так это сами коммунисты, если они не поймут, что живут во многом в другом, чем их классики, обществе, и не сделают надлежащих выводов в этой связи, прежде всего в организационном и идейно-теоретическом плане.

Сейчас для КПРФ во многом настал “момент истины”. Уповать только на дисциплинированность и орга-

низованность коммунистического электората в современных условиях явно недостаточно. Мнение руководства КПРФ о том, что исключение из рядов партии членов различных фронтов (а их в последние годы было несколько) организацию не ослабляет едва ли выдерживает серьезной критики. Процесс периодического размежевания в КПРФ изрядно затянулся, а любое деление, если оно становится хроническим, вряд ли может действительно способствовать укреплению партии. Так можно доделиться и до размеров инфузории туфельки. При этом идеально-политическая стагнация для партии, перефразируя слова Ленина, смерти подобна!

Так что же делать? Чтобы дать ответ на этот вопрос, вновь вспомним классика.

В организационном плане Ленин, как известно, начал с того, что создал партию нового типа. В начале прошлого века это был подлинный прорыв. Аналогичная задача стоит и перед нынешним поколением коммунистов применительно к новой исторической эпохе. Это должна быть по-настоящему демократическая партия, мозговой и дискуссионный центр всего левого движения России, некий интеллектуальный и организационный магнит, притягивающий к себе широкие слои общественности. В таком качестве компартия России смогла бы постепенно вернуть себе позиции и лидера мирового левого движения, которое вследствие конформизма социал-демократии, кризиса коммунистических партий осталось в начале XXI в. без четких и ясных ориентиров, дав оседлать себя всевозможным нахрапистым радикалам, включая и религиозных, весьма

далеких от научного взгляда на современный мир.

Следующий вопрос: на какие слои общества должна ориентироваться “компартия XXI века”? Если это в основном будет “протестный” электорат, то коммунистам рассчитывать на существенное укрепление своих позиций не приходится. “Протестный ресурс” уже практически исчерпан, если, конечно, находящиеся у власти в России политico-экономические силы не совершают какие-то грандиозные ошибки и не восстановят против себя большую часть общества.

Но только ли из этого источника должны черпать силы коммунисты?

Центральным звеном современного общества, его наиболее динамичной силой становятся **интеллектуальные трудящиеся массы** (квалифицированная часть рабочего класса, многочисленные служащие, в том числе работники предприятий различных форм собственности, представители научной, технической, культурной и иной интеллигенции, передовая часть работников сельского хозяйства и т.д.), объединяющие всех тех, кто, если говорить повседневным языком, зарабатывает средства для существования своим трудом.

Марксизм – идеология этого нового неэксплуататорского большинства. Именно в этой среде должна работать “компартия XXI века”, именно здесь ее жизненные силы и будущее.

Безусловно позитивным является то, что коммунисты осознали важность установления партнерских отношений с социально ориентированной частью российского предпринимательства, объединяющей самостоятельно мыслящих и действующих людей.

Марксизм – это живое, постоянно развивающееся и совершенствующееся учение, реальный прогресс которого напрямую связан с динанизмом творческой мысли. Это своего рода учебник того, как сделать лучше, богаче и совершеннее жизнь значительного большинства общества. Поэтому ему абсолютно противопоказано доктринерство, с которым коммунисты уже пытались бороться, но, как видно, не очень успешно, а, возможно, и просто для “галочки”.

Современный марксизм призван найти возможность совместить в единых идеяных рамках как классические, генетически присущие этому учению понятия, так и те принципы, которые являются неотъемлемыми элементами современного общества, в том числе принципы представительной демократии, прав человека, индивидуальной инициативы и т.д. Марксизм должен раскрепощать человека, предоставлять ему простор для постоянного самосовершенствования, проявления активности и инициативы в различных сферах жизнедеятельности, включая, разумеется, политику и экономику, а не сковывать его, загоняя в “прокрустово ложе” устоявшихся догм и схем. Он, образно говоря, должен быть идеальным кислородом, способным очистить разум и наполнить силами наше уставшее от стрессов и деформаций, морально измотанное общество.

Как представляется, среди российских коммунистов, причем независимо от того, состоят ли они в КПРФ или иных партиях, или являются, как раньше говорилось, “беспартийными большевиками”, **назрела потребность в проведении широкой и открытой дискуссии относительно будущего марксизма, стра-**

тегии и тактики коммунистической организации в современных условиях, формах и методах ее деятельности.

Сразу хочу оговориться: речь не идет о каком-то очередном подкопе под руководство КПРФ. В конце концов, вопрос о лидерстве, важный сам по себе, это все же частность на фоне глобальной задачи придания нового импульса как самой марксистской идеи, так и партии, которая руководствуется ею в своей практической деятельности.

Конечной целью такой дискуссии должно стать объединение коммунистов, которые в силу различных причин оказались во многом дезорганизованными и разобщенными. Сам собой напрашивается и лозунг текущего политического момента: **“Коммунисты в делах и в душе, объединяйтесь!”**

Только на путях объединения коммунистов в рамках сильной демократической партии нового типа можно будет избежать повторения негативного опыта 2003 г., когда КПРФ оказалась абсолютно беспомощной перед лицом использованных против нее властью технологий политического удушения. Жизнеспособной, уверенной в себе, мощной партии подобные приемы будут не страшны.

Коммунистическая идея нуждается в новом ускорении. И не только в России, но и на мировом уровне. Причем задача эта, как говорил классик, архисрочная по целому ряду причин. Выделим не все, а только некоторые из них.

Коммунистам необходимо наконец-то серьезно задуматься над тем, как сломать наметившуюся еще в

последней четверти минувшего века, а затем материально оформившуюся в результате распада СССР и социалистической системы в Восточной Европе тенденцию на поэтапное ослабление их позиций в современном обществе, прежде всего в развитых странах. О каком-то отступлении левого движения в целом в этот период говорить не приходится. Дело в другом: произошло перераспределение сил в его векторах и перераспределение не в пользу коммунистов. В частности, во многих странах появились и завоевали прочные позиции в обществе “зеленые”, выступающие как защитники окружающей среды, но, как правило, с левого фланга. Сильно потеснили коммунистов социал-демократы, которые заметно укрепились и в профсоюзах, и в студенческо-молодежной среде. На тех же направлениях, причем порой весьма успешно, работают левацко-анархистские организации.

Стремительно набирает силу движение антиглобалистов. О нем следует поговорить особо. Антиглобализм – это реакция части общества на деформации современного капитализма, его врожденную уродливость, выражющуюся, в первую очередь, в глобальном неравенстве во всем и повсюду: и между странами, и между людьми, и в экономике, и в политике, и в образовании, и в здравоохранении, и в науке, и в культуре, и просто в быту – одни не знают, что делать со свалившимся на их головы богатством, а другие – как прокормить и во что одеть себя и своих детей. Последних, естественно, неизмеримо больше тех, кто буквально бесится от жира. При этом все прекрасно понимают, что за богатством, как правило, ничего не

стоит, оно не связано с каким-то особым вкладом той или иной личности или ее предков в развитие человеческой цивилизации. А те, кому наша цивилизация действительно обязана своим прогрессом и процветанием, обычно живут в пределах достатка среднего человека.

В принципе все это прописные истины. И вопросы о природе неравенства, тем более тогда, когда оно приобретает ужасающие гипертрофированные формы, будет возникать у каждого нового поколения с закономерностью восхода Солнца. Как это происходит и сейчас. Правда, больше не у нас, в России, а в других местах. Но это пока. Левый потенциал современного общества велик как никогда. Но он во многом стихиен, необуздан, интуитивен, не заключен в интеллектуальные рамки передовой социально-политической теории. Нанесенный на стыке 80-х и 90-х годов прошлого века чувствительный удар по устоям марксизма сильно ослабил это течение общественной мысли, явившееся на протяжении целого столетия безусловным лидером на левом фланге политico-идеологического поля. Колесо истории как будто вернулось на пару веков назад и в недрах современного общества, как это было в первой половине XIX в., развивается процесс вызревания зерен новой идеологии, которая, независимо от названия, во многом будет опираться на классический марксизм и явится его творческим развитием применительно к современной эпохе. Занять в этом новом левом движении достойное место, а еще лучше – возглавить его, эту задачу должны ставить перед собой и решать современные коммунисты. Но это – вопрос тактики.

Что же касается стратегии, то коммунисты должны стремиться показать современному обществу, что существует альтернатива навязываемой ему “западной”, “атлантической” модели мироустройства, что они (коммунисты) способны предложить ему иной алгоритм развития нашей цивилизации.

Число и характер рисков и угроз, с которыми сталкивается человечество, тревожным образом растет. Капиталистическое общество, лидером которого выступают США и в которое влилась современная Россия, как показывает опыт последних десятилетий, не в состоянии преодолеть эти проблемы. Мир с каждым годом становится все более нестабильным, хрупким, опасным. Едва ли среди серьезных ученых и политиков найдется много оптимистов, действительно верящих в безоблачные перспективы для нашей цивилизации.

Способен ли капитализм решить проблему международного терроризма? Весьма сомнительно. А это лишь один из примеров. Но суще-

ствуют еще более масштабные угрозы техногенного свойства, с которыми человечество начнет сталкиваться в ближайшие десятилетия.

Для противодействия нарастанию факторов глобальной катастрофы нужна срочная концентрация ресурсов большинства человечества. Это возможно только в условиях формирования справедливого миропорядка, основанного на более совершенных принципах взаимодействия между государствами, народами и людьми. По сути дела, формирования новой цивилизации. Капитализму это не по плечу.

Выживание человечества зависит от утверждения на планете социалистических принципов. Чем раньше это будет понято, тем лучше для всех. Это должны осознать, прочувствовать и в России. В постсоветский период сознание многих граждан нашей страны изрядно замутнено капиталистическими иллюзиями. Но это пройдет. Отрезвление наступит гораздо скорее, чем может показаться сегодня.

Нынешнему поколению российских коммунистических лидеров пора проникнуться пониманием своей особой ответственности перед историей, перед теми, кто живет сегодня в России и за ее пределами, перед теми, кто будет жить завтра. Это отнюдь не пафос и патетика, а голая правда жизни. Объективная реальность. В условиях капитализма уникальная цивилизация планеты Земля обречена на исчезновение. Только объединив усилия, создав более справедливое, подлинно демократическое общество, народы мира могут расчитывать на выживание.

“Дорогу осилит идущий”. Эта народная мудрость известна едва ли не каждому. Решение самых крупных и масштабных задач начинается с первого шага. Для российских коммунистов таким шагом должно стать прекращение бесплодной, губительной междоусобицы и реальное начало процесса идеино-го и организационного созидания.

Контуры обновления внешней политики России

Материалы дискуссии
по Концепции внешней политики РФ,
проведенной Правлением РАПН

Александр Никитин,
доктор политических наук,
первый вице-президент Российской
Ассоциации политической науки
Владимир Петровский,
доктор политических наук,
член правления РАПН

27 апреля с.г. Российская ассоциация политической науки (РАПН) провела (в сотрудничестве с Международной Федерацией мира и согласия) дискуссию “Внешнеполитическая концепция России и современные реалии”.

В дискуссии приняли участие и выступили: главный советник Департамента внешнеполитического планирования МИД РФ А.Н.Егоров; директор Информационного центра ООН в России А.С.Горелик; зам. директора Института мировой экономики и международных отношений, член-корреспондент РАН В.Г.Барановский; директор Ассоциации Евроатлантического сотрудничества Е.К.Силин; зам. председателя Федерации мира и согласия В.И.Камышанов; директор Центра стратегических оценок С.К.Озобищев; руководитель программы Московского центра Карнеги А.В.Малащенко; директор российского представительства Центра обороны информации И.А.Сафранчук; директор Центра европейской безопасности Т.Г.Пархалина; зав. кафедрой международного права Военного университета В.Леншин, председатель РОО “Генералы за демократию и гуманизм” Ю.Я.Киршин; научный сотрудник Центра евроатлантической безопасности МГИМО (У) МИД РФ А.Казанцев и др.

Вел Дискуссию первый вице-президент РАПН, председатель Правления РАПН проф. А.И.Никитин.

При обсуждении внешнеполитической концепции России в контексте изменившихся международных реалий проявили себя альтернативные точки зрения. Ряд участников отстаивали необходимость глубокого пересмотра действующей с 2000 г. внешнеполитической концепции России, отмечали моменты ее несоответствия современной изменившейся ситуации и новым политическим установкам руководства страны.

При этом высказывались предложения о новом формате доктринального оформления внешнеполитической деятельности: при сохранении долгосрочных концепций и последовательной внешнеполитической стратегии в масштабах каждого четырехлетнего срока президентской администрации ввести

практику ежегодных посланий Президента по внешней политике, в которых могли бы обозначаться более краткосрочные тактические задачи и проводиться адаптация внешнеполитической стратегии к меняющимся политическим реалиям.

Концепция внешней политики РФ, утвержденная Указом Президента В.Путина 30 июня 2000 г., разрабатывалась как доктринальный документ несколькими ведомствами при координирующей функции Совета Безопасности.

Обсуждаемый документ разрабатывался в период деятельности ельцинской администрации*, когда было еще неясно, кто сменит президента на его посту. Он достался "в наследство" администрации В.Путина и был позиционирован как ее документ. Хотя на самом деле он не вполне точно выражает ее ценности и интересы, тем более что В.Путин, прия к власти, свои внешнеполитические приоритеты сформировал лишь какое-то время спустя уже после принятия нынешней редакции Концепции внешней политики.

Многие участники дискуссии отмечали, что Концепция внешней политики, как и Концепция национальной безопасности, и действующая редакция Военной доктрины – документы ельцинские, а не путинские.

В ходе дискуссии отмечалось, что Концепция внешней политики (впрочем, как и остальные доктринальные документы) должна быть производной от понимания и определения на-

ционально-государственных интересов. Прежде всего, нужно определить, какое государство мы строим. А в Концепции внешней политики, соответственно, кого Россия хочет видеть своими потенциальными союзниками, партнерами, где видит потенциальные угрозы.

Документ начал требовать адаптации к изменившимся международным реалиям уже в 2001 г. События 11 сентября 2001 г. в корне изменили многие приоритеты и подходы к обеспечению внешней безопасности. Однако эти фундаментальные изменения не отражены в ныне действующей Концепции. Сохраняются определенные противоречия между ее установками и той внешней политикой, которую Россия реализует сегодня.

Новый внешнеполитический курс был сформулирован в администрации Президента и затем с большим трудом стал претворяться в жизнь министерствами и ведомствами. Вместе с тем, в российском политическом истеблишменте существует определенная оппозиция внешнеполитическому курсу Путина. Несмотря на то, что в России по-прежнему преобладает "византийский" тип организации, когда многое зависит

---

* Хронологию разработки и утверждения основных доктринальных документов в период президентства Б.Ельцина: январь 1993 г. – Концепция внешней политики; ноябрь 1993 г. – Основные положения военной доктрины (документ остается секретным, были опубликованы только выдержки из него); 1996 г. – Послание президента по национальной безопасности, декабрь 1997 г. – первая редакция Концепции национальной безопасности.

В течение 2000 г. Президентом В.Путиным были утверждены новые редакции этих документов: Концепции национальной безопасности (январь), Военной доктрины (апрель) и Концепции внешней политики (июнь).

от мнения первого лица, эта оппозиция проявляется во влиянии бюрократии, которая сделала свою карьеру в предшествующие десятилетия на противостоянии Западу.

Оппозицию нынешнему курсу составляет, по мнению некоторых участников дискуссии, значительная часть российского ВПК, консервативно мыслящая часть политического истеблишмента, левая часть политического спектра. И опасения относительно нынешнего курса на партнерство с Западом можно понять.

В отношениях Россия-Запад уже складывалось “партнерство номер один” в период президентства Б. Ельцина, и оно оказалось скомпрометированным не в последнюю очередь благодаря эгоистичной и недальновидной политике Запада в отношении России, которая в 90-е годы разочаровала многих сторонников партнерства среди демократов и либералов и укрепила позиции “антизападников” в самой России.

Моментом истины стал 1999 г., когда Россия оказалась, по сути дела, маргинализирована на международной арене. Вспомним Стамбульский саммит ОБСЕ и жесткую критику его участников в адрес России. После этого пришел новый, прагматически мыслящий человек в Кремль – и корректировки курса стали неизбежны.

Взгляд на перспективы российско-американских отношений, отраженный в Концепции, явно устарел. Ушли в прошлое “значительные трудности последнего времени в отношениях с США”, и требуется детальное изложение российского видения проблем и перспектив развития партнерства с Соединенными Штатами, основанного на противо-

действии общим угрозам и совместном решении глобальных проблем.

Концепция внешней политики, безусловно, должна отражать видение долгосрочных тенденций мирового развития и стратегические направления внешнеполитической деятельности страны. Однако фактор неопределенности также нельзя сбрасывать со счетов в международных отношениях. В Концепции недаром говорится о “*фундаментальных и динамичных переменах*”. В условиях этих перемен, как считают некоторые эксперты, пытаться дать установки внешней политики на 10–15 лет вперед нереально, не говоря уже о том, что попытка написать хороший стратегический документ может мешать внешнеполитической тактике и переговорной практике.

И, тем не менее, в действующей Концепции в целом адекватно описана динамика современной международной жизни и долговременные тенденции формирования нового мирового порядка. Нужно лишь должным образом сфокусировать некоторые ключевые формулировки, чтобы они отражали дух времени и нынешнюю внешнеполитическую практику. Именно поэтому участники дискуссии говорили о целесообразности обновления, а не полной замены существующего документа.

Наибольшие споры вызвали формулировки Концепции, касающиеся характеристики современного мира и главных приоритетов российской внешней политики. В частности, положение о том, что ООН “должна оставаться главным центром регулирования международных отношений”. Укрепление роли ООН в мировых делах невозможно без последовательного и радикального рефор-

мирования этой организации. В Концепции говорится о реформе ООН, но в весьма расплывчатых тонах. Целесообразно было бы дополнить этот раздел Концепции более четким видением основных направлений реформирования ООН, включая ее Совет Безопасности, а также специализированные агентства и программы.

Проблема также и в том, как поднять ООН на более высокий уровень эффективности, не подрывая ее Устава. Здесь вполне уместна логика преобразования СБСЕ в ОБСЕ: принимались новые документы, которые по статусу выглядели не менее весомо, чем прежние, основополагающие, но которые обозначали новые темы и взаимные обязательства государств, новые ориентиры развития.

В рамках ООН также можно принять новый документ, который обошел бы вопрос о ее реформировании и изменении Устава. Можно сформулировать в этом документе новые основополагающие принципы, на которые будет ориентироваться в новых современных условиях международное сообщество.

Вообще в Концепции явно преобладает одна из крайностей в отношении к ООН: с одной стороны, тотальный пессимизм (ООН не способна своевременно принимать решения и эффективно исполнять их и т.д.). Другой экстремум – легалистский: есть Устав ООН, там все написано, так и надо действовать. Но ведь Устав ООН – не свод международных правил и не международный закон. Кстати, даже если бы он и был таким, это вопрос интерпретации.

Еще один насущный вопрос, не отраженный в Концепции: как сделать ООН более действенной для решения

внутригосударственных проблем и разрешения немеждународных конфликтов? В Концепции необходимо также прописать алгоритм взаимодействия России с другими международными организациями и режимами, такими как Большая “восьмерка”, контактная группа по Югославии, пул спонсоров “Дорожной карты” на Ближнем Востоке и пр.

Концепция весьма категорично говорит о “*неприемлемости вмешательства в международный оборот концепций или ограниченного суверенитета*”, в то время как де-факто концепция гуманитарного вмешательства реализуется на практике под эгидой ООН уже не первый год.

Здесь уместно напомнить, что в 1999 г. разгорелась полемика между Генеральным секретарем ООН и рядом государств-членов, включая Россию, по этому поводу. Расхождения были очевидны. Генсек ООН заявил тогда, что массовые и систематические нарушения прав человека вынуждают международное сообщество реагировать и подчас вмешиваться в развитие ситуации внутри той или иной страны. Россия тогда возражала против этого.

В результате полемики Генеральный секретарь перестал употреблять термин “гуманитарная интервенция” и начал поиски других подходов к проблеме. Он одобрил результаты работы и доклад “Обязанность защищать” комиссии под руководством Сануна-Эванса, которая по поручению ООН занималась изучением вопроса об обязанности защищать жертвы агрессии и геноцида.

Потенциал этого документа далеко не востребован, и к нему начали возвращаться-

ся после завершения военной операции в Ираке. К этому документу следует привлечь внимание российских политиков, дипломатов и экспертного сообщества тем более, что комиссия Сануна-Эванса продолжает свою работу, в которой участвуют и российские представители.

Ряд положений Концепции, касающихся укрепления международной безопасности, очевидно устарел. Это касается и формулировок относительно Договора о ПРО 1972 г., и инициативы по созданию Глобальной системы контроля за распространением ракет и ракетных технологий, которая в последние годы не подкрепляется практическими шагами по ее реализации.

Не совсем понятно, почему обеспечение информационной безопасности является “аспектом укрепления стратегической стабильности”, которому следует уделять особое внимание. Борьба с международным терроризмом поставлена в списке внешнеполитических приоритетов на предпоследнее место, что также явно не соответствует реалиям сегодняшнего дня.

В Концепции, как отмечали некоторые участники дискуссии, занижена роль силового фактора и роль России в современной геополитической ситуации. Россия расположена в окружении основных центров терроризма, и ее роль в противодействии угрозе международного терроризма сейчас возрастает. При этом в Концепции допущен определенный перекос в изложении всей проблематики безопасности, которая должна быть более развернуто отражена скорее в Концепции национальной безопасности.

Нуждается в корректировке положение о необходимости коллектив-

ного реагирования на международные кризисы “на основе четкого соблюдения норм международного права”. Как известно, эти нормы отнюдь не идеальны и не дают ответа на многие злободневные вопросы, касающиеся современного международного миротворчества. Более приемлемой представляется формулировка “на основе соблюдения и развития норм международного права”.

В Концепции говорится: “Россия исходит из того, что только Совет Безопасности ООН правомочен санкционировать применение силы в целях принуждения к миру”. Однако в ряде случаев Россия сама применяет принципы, которыми пользовались, например, страны Запада в 1999 г. во время операции в Югославии. Ведь ни на одну из миротворческих операций в СНГ Россия не имела мандата Совета Безопасности ООН, и в международно-правовом плане эта ситуация была, по сути дела, обойдена.

Российская сторона довольствовалась наблюдательными операциями со стороны ООН или регулярным информированием Генерального секретаря ООН, она заручалась резолюциями со стороны ООН о том, что в целом одобряется деятельность региональной организации (СНГ) и пр. В интересах России сейчас – повышать роль региональных организаций в проведении операций по поддержанию мира.

Здесь уместно напомнить о выступлении В. Путина на Саммите тысячелетия ООН в 2000 г., где он развернуто выскажался по вопросам внешней политики, в частности, упомянул о делегировании функций ООН региональным организациям, назвав среди них и НАТО, и ЕС, и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС).

В Концепции вместо огульного осуждения гуманитарного вмеша-

тельства следовало бы сказать о необходимости выработки общепринятых критериев, при которых допустимо вмешательство во внутренние дела государств с применением силы. В частности, следует упомянуть в Концепции варианты, когда такое возможно:

- при возникновении угрозы международному миру и безопасности – “классическое” положение, прописанное в Уставе ООН;
- при возникновении гуманитарных катастроф и необходимости защиты мирного населения – “обязанность защитить”, по терминологии авторов доклада Сануна-Эванса;
- при воцарении хаоса и неуправляемости на территории распадающихся государств с возможными негативными международными последствиями (концепция *Failed States*).

В данном контексте уже сформулированы критерии вмешательства, о них можно спорить, но их нельзя игнорировать. Проблема усложняется тем, что существует много пробелов в существующем международном праве, которые не дают возможности четко определить объекты военного воздействия, санкционировать применение силы в целях принуждения к миру. Устав ООН, особенно его ст. 51 о праве на самоборону, трактуется по-разному разными государствами. Нет и общепринятого, конвенционного определения терроризма, включая государственный терроризм.

Участники дискуссии говорили в этой связи о необходимости принятия международной конвенции, в которой все вооруженные конфликты, в зависимости от степени насилия противоборствующих сторон, делились бы на уровни:

первый уровень – наблюдательные миссии и миротворческие операции;

второй уровень – превентивное развертывание войск и помощь гражданским властям, операции по доставке гуманитарной помощи и пр.;

третий уровень – самый серьезный – ввод войск и широкомасштабное применение вооруженных сил.

В части внешнеполитических приоритетов, касающихся обеспечения и соблюдения прав человека, имеющиеся положения следует дополнить упоминанием о том, что Россия будет добиваться уважения прав и свобод человека во всем мире “на основе соблюдения норм международного и гуманитарного права, общепринятых принципов демократии и гуманизма”.

В Концепции внешней политики отмечается, что среди региональных приоритетов внешней политики России на первом месте стоят страны СНГ.

Так ли это именно сейчас?

И не дань ли это ситуации 90-х годов, которая уже изменилась?

Мнения участников дискуссии по этому поводу разделились. Однако все сошлись в том, что главными региональными приоритетами для России являются сейчас европейский и североамериканский.

Главной целью российской внешней политики на **европейском направлении** Концепция постулирует “создание стабильной и демократической системы общеевропейской безопасности и сотрудничества”. Представляется, однако, что акцентировка надежд, связанных с ролью ОБСЕ, уже несвоевременна. Дискуссия вокруг адаптированного Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) также представля-

ется сейчас несколько архаичной, здесь нужно ставить новые цели.

Сейчас главной и неотложной задачей для России является выработка новой модели взаимоотношений с ЕС и НАТО в контексте расширения обеих организаций на Восток, что создает качественно иную геополитическую и геоэкономическую ситуацию для нашей страны.

В ныне действующей Концепции отражено противоречивое стремление совместить позитивные отношения с одним интеграционным комплексом в Европе (ЕС) и сдержанно-негативное отношение к другому интеграционному объединению (НАТО). При этом не учитывалось, что большинство европейских стран входят и в тот, и в другой интеграционный комплекс.

После 2001 г. пришло понимание того, что с точки зрения интересов России бессмысленно и контрпродуктивно противопоставлять НАТО и ЕС, США и Западную Европу (этой проблеме была посвящена специальная Коллегия МИД РФ). Все, что происходит в ходе расширения ЕС и НАТО на Евро-Атлантическом пространстве – логическое развитие европейских интеграционных процессов. С этой точки зрения и нужно рассматривать расширение ЕС и НАТО.

Пассаж об “избирательно-ограничительном характере” интеграционных процессов в Евро-Атлантическом регионе требует значительных корректировок. Что имеется в виду – желание России вступить в ЕС или НАТО, прием туда стран Балтии? Следует помнить, что Россия официально заявила об отсутствии намерений вступать в ЕС или хотя бы ориентироваться на такое вступление в будущем. Однако такая ориентация

отражала соотношение сил и приоритетов в конце 90-х годов, и не очевидно, что именно она должна быть закреплена в новой редакции Концепции.

В настоящее время происходит становление новых механизмов партнерства и сотрудничества России с ЕС и НАТО. Их российское видение обязательно должно быть отражено в Концепции. Это касается и достигнутого компромисса по поводу распространения Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Россией и ЕС на вновь вступившие в Европейский Союз страны Центральной и Восточной Европы, и начавшего успешную работу механизма Совета Россия–НАТО (СРН).

В Концепции было бы уместно развернутое изложение долгосрочных интересов России относительно ее возможного вступления в ЕС и/или развития отношений стратегического партнерства, а также позиций по остающимся проблемным вопросам (Калининград, перспективы введения безвизового режима, права русскоязычного населения в странах Балтии и т.д.).

В практической внешней политике России уже возобладал реалистичный и прагматичный взгляд на Североатлантический альянс как на мощный военно-политический фактор, с которым возможно развитие партнерства. НАТО присущи, с одной стороны, инерция и стремление к внешней экспансии сферы своей ответственности, но, в то же время, способность к переменам и готовность учитывать интересы России.

Новые угрозы международной безопасности создают более четкие ориентиры и возможности для кон-

структурного взаимодействия России и НАТО. Это проявилось в решениях Римского саммита НАТО в 2002 г. Создано более десятка совместных рабочих групп по разным направлениям. Рабочая группа по борьбе с терроризмом подготовила несколько докладов с оценками угроз в Евро-Атлантической зоне.

В сентябре 2002 г. Совет Россия–НАТО утвердил документ “Политические аспекты Концепции совместных миротворческих операций НАТО–Россия”. К сожалению, документ остается закрытым, однако некоторые его ключевые тезисы могли бы быть изложены в Концепции. Имеется в виду совместный поиск конкретных форм реагирования международного сообщества на кризисные и конфликтные ситуации при соблюдении норм международного права.

Противоречивость таких ситуаций, как, например, в Ираке, требует от российской дипломатии применения более разнообразных средств, чем это предусмотрено в Концепции. В аналогичных случаях совместными усилиями можно более эффективно добиваться предотвращения подобных конфликтов. Наличие таких конфликтов, как, например, борьба с талибами в Афганистане, потребовало применения Россией более разнообразных внешнеполитических инструментов. Участие в международных операциях с применением силы становится для России в ряде случаев неизбежным с точки зрения национальных интересов страны.

В повестке дня стоит и вопрос о сотрудничестве с ЕС при формировании общей политики ЕС в области обороны и безопасности и созда-

ния соответствующего военного потенциала. В какую бы коалицию со странами-членами ЕС и НАТО Россия ни вступала в этих целях, условия ее участия должны базироваться на следующих подходах:

- совместное с заинтересованными государствами определение угроз безопасности и стабильности;
- совместная выработка мер предотвращения и ликвидации таких угроз;
- совместное определение участия сторон в коалициях по реализации согласованных мер;
- согласованное проведение намеченных мероприятий;
- согласованное участие в постконфликтном урегулировании, укреплении мира, демократии и стабильности в затронутом конфликтом регионе или стране.

Безусловно, нуждается в прояснении тезис о том, что Россия намерена продолжить участие в деятельности Совета Европы, *“исходя из собственных потребностей в построении гражданского общества”*. Означает ли это, что такие потребности не совпадают с общеевропейскими, международно признанными стандартами?

Отдельные региональные приоритеты российской внешней политики изложены в Концепции весьма фрагментарно и непоследовательно.

Это касается взаимоотношений России со странами **Азиатско-Тихоокеанского региона, Африки и Латинской Америки**.

Общий изъян данного раздела, прежде всего относительно политики России в конфликтных регионах (Ближний Восток, Афганистан) – это декларируемое *“восстановление и укрепление ее позиций”*. Это возможно

не само по себе, а лишь в том случае, если российская дипломатия реально докажет свою полезность и незаменимость в решении существующих региональных проблем. Пути и способы их разрешения, пусть в самом общем виде, также должны быть отражены в Концепции.

Вобще в Концепции следует акцентировать роль России как нового активного участника в решении глобальных проблем, субъекта, а не объекта мирового политического процесса, полноценного члена Большой "восьмерки", определяющей сейчас макротенденции глобального развития. Тезисное изложение новых подходов к путям разрешения этих проблем по всему их спектру (борьба с бедностью и голодом, содействие социально-экономическому развитию, борьба с распространением ВИЧ/СПИД, решение экологических проблем и пр.) было бы более чем уместно в обновленном варианте Концепции внешней политики, особенно накануне председательства России в Большой "восьмерке" в 2006 г.

В этой связи целесообразно включить в Концепцию предложение о создании в системе МИД РФ (или в качестве независимого органа) Российского Агентства международного развития, которое взяло бы на себя функции межведомственной координации усилий в области содействия развитию и технической помощи, основными адресатами которой будут выступать, в первую очередь, страны СНГ, а также развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки.

Агентство укрепило бы культурно-гуманистическую составляющую интеграции на постсоветском пространстве, создав институциональную основу для развития сотрудничества и партнерства государственных и неправительственных общественных организаций в России и странах СНГ.

Создание подобного Агентства в преддверии саммита Большой "восьмерки" в Москве, запланированного на 2006 г., явилось бы зрымым свидетельством того, что Россия стала полноценным участником клуба великих держав, а формула "Семерка плюс Россия" уходит в прошлое. Это был бы очевидный разрыв с недавним прошлым, когда Россия выступала объектом экономической, финансовой и технической помощи со стороны других великих держав, что вызывало сомнения относительно ее статуса и роли в мировых делах.

Среди приоритетов российской внешней политики в области международных экономических отношений в Концепции внешней политики не упомянуты подготовительная работа и переговорный процесс по вступлению России в ВТО при том, что эта задача, как следует из Обращения президента к Федеральному Собранию в 2002 г., "Россия должна быть сильной и конкурентоспособной", является одной из наиболее приоритетных. Эта работа по вступлению в ВТО требует больших усилий и значительной подготовительной работы в части совершенствования внутреннего российского законодательства и экономической политики.

Наконец, чтобы сделать обсуждаемый документ достаточно работоспособным на продолжительное время, раздел V Концепции, посвященный формированию и реализации внешней политики, необходимо существенно нарастить. Этот раздел описывает механизм формирования и реализации внешней политики: Президент – Совет Федерации – Государственная Дума – Совет Безопасности – МИД. Здесь нуждаются в уточнении сферы и пределы компетенции органов различных ветвей государственной власти.

В частности, нуждается в более детальном изложении предусмотренное Указом Президента положение о том, что “*МИД России осуществляет координацию внешнеполитической деятельности федеральных органов исполнительной власти и контроль за ней*”. В Концепции желательно прояснить механизмы такой координации и контроля.

В Концепции необходимо более четко определить характер взаимодействия неправительственных общественных организаций (НПО) с властными структурами в сфере разработки и осуществления внешнеполитического курса. Государство должно взаимодействовать с НПО не “*по мере необходимости*”, как это предусмотрено сейчас, а на регулярной и упорядоченной основе.

Речь идет не только об участии представителей академического сообщества и институтов гражданского общества в выработке внешнеполитических решений, но и о поддержке со стороны государства внешних связей и международной деятельности, осуществляемых российскими НПО (а также НПО, имеющими международный статус), так как на практике этот инструмент поддержки со стороны государства работает (содействие МИД РФ в предоставлении ряду неправительственных организаций статуса члена Совета Европы и организаций, имеющих статус при ЭКОСОС ООН).

Информационному сопровождению внешнеполитической деятельности и созданию позитивного имиджа России за рубежом в Концепции удлено, как представляется, недостаточное внимание. Одной из важнейших задач сегодня становится пропаганда русского языка и культуры в

мире, в первую очередь в странах СНГ. Как показывает опыт развитых стран, это – действенный инструмент влияния, способный значительно нарастить ресурс не только гуманитарного, но и межгосударственного сотрудничества. Не случайно, например, Британский Совет, исполняющий сопоставимые функции, является основным средством укрепления влияния Великобритании в странах Британского Содружества. Русская культура – также мощный потенциальный ресурс международного влияния.

В этой связи целесообразно упомянуть в Концепции о необходимости создания в системе МИД РФ (или в качестве независимого межведомственного агентства или комиссии) специального органа, уполномоченного развивать международное информационное и культурное присутствие России за рубежом, – например, Российского информационно-гуманитарного агентства.

В Концепции целесообразно предусмотреть также механизм и периодичность обсуждения и обновления самого документа. Уместно вспомнить о схеме 90-х годов, когда планировалось иметь три параллельно и постоянно действующих документа: Концепцию (краткосрочный документ), Политику (5-летний срок) и Стратегию (10–15 летний срок).

Следует учсть опыт ежегодных Посланий Федеральному Собранию Российской Федерации по национальной безопасности.

В “ельцинскую” эпоху это был единственный документ с прямой ссылкой к ст. 81 Конституции Российской Федерации, гласящей, что президент определяет основные направ-

ления внутренней и внешней политики. Такая форма была более оперативной, чем Концепция.

С точки зрения обновления содержания документа можно воспользоваться опытом американской Стратегии национальной безопасности, где даются директивы для американской внешней политики. Там они зафиксированы постранично и

по разделам и из года в год находятся на одном и том же месте в структуре документа, получая в то же время обновленную трактовку. При таком порядке постоянного ежегодного обновления Концепции ей, безусловно, нужен единый идеолог, возможно, сам Президент, а также четко установленный порядок межведомственного согласования.

Вышеупомянутые предложения помогут упорядочить процесс стратегического планирования и межведомственного согласования при разработке и осуществлении внешнеполитического курса, адекватно представить мировому сообществу реальные цели и задачи внешней политики новой демократической России.

**Подписка на 2005 г.
на журнал «Обозреватель – Observer»
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

Россия в меняющейся Европе

Олег Приходько,
кандидат исторических наук

Изменения, происходящие в Европе в связи с расширением НАТО и ЕС, как и процессы трансформации самих этих союзов ощутимоказываются на положении России. Вхождение Чехии, Венгрии, Польши, Словакии, Словении, Литвы, Латвии, Эстонии, Кипра, Мальты в состав Европейского Союза и восьми из этих стран – в НАТО зафиксировало новую и еще во многом непривычную для России геополитическую карту Европы.

Продвинувшись в глубь Центральной, Восточной и Южной Европы, ЕС теперь охватывает 25 государств с общей численностью населения 380 млн. чел.

На Евросоюз приходится более 50% российской внешней торговли. Однако важны не столько количественные параметры изменений, сколько влияние этих перемен на положение России в Европе и качественное содержание ее отношений с ЕС.

Более спокойное восприятие Россией расширения ЕС по сравнению с ее реакцией на очередной раунд расширения НАТО коренится, в глубоком заблуждении, что России проще иметь дело с ЕС, чем с НАТО, и что расширение Евросоюза не ставит перед РФ столь же трудных проблем, как расширение Североатлантического альянса.

Россия и ЕС: партнерство или конкуренция?

Нынешний год стал для России и ЕС временем принятия важных решений, определяющих стратегию развития их взаимоотношений на длительную перспективу. Формулирование обновленной политики объединенной Европы на российском направлении связано с растущей взаимозависимостью РФ и ЕС в результате восточного расширения Евросоюза. Изменение политической географии Европы приблизило их друг к другу: протяженность об-

щей границы увеличилась до 2000 км. ЕС исходит из того, что Россия является самым большим его соседом, одним из ключевых партнеров на региональном и глобальном уровне, для взаимодействия с которым существуют весомые предпосылки. Москва и Брюссель считают, что их безопасность и благополучие становятся все более тесно связанными между собой, поэтому они должны эффективнее сотрудничать друг с другом.

Россия и ЕС заявляют о приверженности стремлению строить отношения стратегического партнерства

на основе “позитивной взаимозависимости”, равенства прав и обязанностей сторон. Они согласовали процесс движения к этой цели – создание в долгосрочной перспективе общего экономического пространства, а также еще четырех “общих пространств”: в области внешней безопасности, юстиции, научных исследований, культуры и образования. Реальная ценность этой концепции, одобренной на двустороннем саммите (Санкт-Петербург, 31 мая 2003 г.), зависит от того, насколько она будет наполнена конкретными интеграционными проектами. Наибольшее продвижение достигнуто в энергетическом сотрудничестве, что является отражением очевидного топливно-сырьевого кризиса в торгово-экономических отношениях России с объединенной Европой.

Россия и ЕС сходятся в понимании необходимости партнерства, но у них разные представления о том, что должно означать на практике равенство сторон. В политике ЕС просматриваются стремление навязать свое видение того, как Россия следует интегрироваться в Европу; желание связать Москву обязательствами следовать *его* трактовке ценностей и диктовать ей правила интеграции, игнорируя специфику и объективные трудности переходного процесса, который переживает Российское государство. *ЕС исходит из того, что интеграция России в Европу возможна лишь при условии, что Москва будет принимать на себя нормы, устанавливаемые его законодательством, не имея возможности влиять на их содержание.* Подобный подход, требующий значительных и не всегда компенсируемых уступок от России, способен вызвать стагна-

цию и даже напряженность в двусторонних отношениях: нормы ЕС разрабатываются в процессе сложной борьбы между странами и институтами Евросоюза в соответствии с условиями *их жизни*, и далеко не все они отвечают российским реалиям.

Формулирование обновленной стратегии ЕС в отношении России опиралось на выводы, сделанные Еврокомиссией на основе ревизии всего массива двусторонних связей. Еврокомиссия пришла к заключению, что, несмотря на определенные положительные результаты, в двустороннем сотрудничестве в целом не достигнут достаточный прогресс по существу¹. Она призвала государства-члены ЕС тесно координировать свою позицию, чтобы все, кто выступает от имени Евросоюза, говорили с Россией одним голосом. По ее мнению, ЕС должен на переговорах с Россией твердо проводить свою линию, избегая политизации экономических и технических вопросов. Подобная постановка вопроса грозит обернуться тем, что вопросы, представляющие для России важное политическое и даже стратегическое значение, как, например, “калининградский транзит”, ЕС будет решать на сугубо бюрократической основе без проявления должной политической воли.

Еврокомиссия рекомендовала шире применять к России метод взаимоувязки, который предусматривает конструктивный подход к рассмотрению существенных для РФ проблем лишь при условии встречных российских уступок в важных для ЕС вопросах. Учитывая самообеспеченность экономики России всеми необходимыми ресурсами и ее geopolитическую историю, ЕС при-

знает ограниченность своих экономических рычагов воздействия на нее. Предложение перспективы членства является самым эффективным средством влияния ЕС на восточноевропейские государства, но на Россию оно не распространяется. И все же ЕС считает, что может оказать значительное влияние на некоторые стратегические интересы Москвы.

На основе рекомендаций Еврокомиссии лидеры стран ЕС одобрили стратегию расширенного Евросоюза ("ЕС 25-ти") в отношении России. Евросоюз решил перейти в отношениях с Россией от амбициозных политических деклараций к ведению дел на прагматической основе, что подразумевает определение двусторонней повестки дня, в большей мере учитывающей приоритеты Евросоюза и откровенное обсуждение действий Москвы, которые расходятся с его представлениями о демократических ценностях и нормах.

В шкале ценностей российской политики на первом месте стоит государственный суверенитет, укрепление государства, тогда как европейская концепция гуманитарного права (прав человека) не признает государственных границ, а сам ЕС развивается на основе все большего объединения национальных суверенитетов входящих в него государств. Различающаяся иерархия ценностей не является непреодолимым барьером для сотрудничества РФ и ЕС в борьбе с общими угрозами и вызовами, но она устанавливает пределы партнерства. ЕС считает, что Россия еще не полностью привержена европейским ценностям, что она только осваивает их и процесс ее "европеизации" не завершен. "Ценностный разрыв" отражается не только в претензиях ЕС

к России по части неполного соответствия европейским стандартам, но и в стратегической культуре и практике использования военной силы. В политике ЕС оказывается влияние тех, кто стремится акцентировать имеющиеся различия и видит укрепление идентичности ЕС в его противопоставлении якобы совершенно иной природе российского государства².

В борьбе с международным терроризмом эти различия уже сейчас весьма существенно сдерживают двустороннее сотрудничество. Россия не находит взаимопонимания и не получает поддержки со стороны ЕС, когда речь идет о задержании в Европе и выдаче вдохновителей и пособников чеченских террористов.

На совместной пресс-конференции с итальянским премьером С.Берлускони 21 апреля в Липецке президент РФ В.Путин не смог скрыть своего недовольства в отношении предложения ЕС вступить в переговоры с лидерами чеченских боевиков.

Европейцы отвергли предложение бен Ладена начать переговоры о перемирии, но в то же время настойчиво предлагают Москве вести переговоры с его учениками и сподвижниками, действующими на Северном Кавказе.

Как сказал В.Путин, в борьбе с терроризмом европейцы хотят оставаться "белыми, чистыми и пушистыми".

Специфика европейского подхода к борьбе с международным терроризмом видна на таком примере: если США, несмотря на свою непоследовательность, признали террористическими хотя бы три группировки чеченских боевиков, то в списке ЕС, в котором перечислены террористические организации и террористы, нет ни одного из тех, кто причастен к терактам, совершенным в России.

Борьба России с терроризмом, идущим с Северного Кавказа и экспортируемым зарубежными экстреми-

мистскими исламистскими кругами, не воспринимается ЕС как часть борьбы с международным терроризмом, хотя на уровне двустороннего сотрудничества со спецслужбами ряда ведущих европейских держав присутствует совершенно иное, объективное и политически неангирированное восприятие терроризма, с которым сталкивается РФ.

То, что приоритеты России и ЕС далеко не во всем совпадают, является объективной закономерностью, ведь они находятся на разных стадиях развития.

Это несовпадение, как и различия между их экономиками и обществами, неизбежно порождает расхождение и, порой, конфликт интересов.

Нормы и правила, действующие в ЕС, разработаны для высокоразвитых обществ и не пригодны для использования в качестве инструментов реформирования постсоциалистических систем и социально-экономического развития стран переходного периода.

Сами европейские аналитики признают, что технократический подход не всегда стыкуется с политическими задачами ЕС.

По нашему мнению, России следует принимать лишь те нормы ЕС, которые отвечают ее собственным потребностям развития, а не абстрактным и мифическим “общим европейским интересам”. ЕС вовсе не собирается предоставлять России преимущества и выгоды (доступ к рынку ЕС, включая свободу передвижения товаров, услуг, людей, капиталов и т.д.), которыми пользуются страны, входящие в Европейский Союз, в обмен на исполнение этих норм, как и допускать ее к своим механизмам принятия решений.

У России и ЕС обширная область общих интересов – от борьбы с транснациональной оргпреступностью до регионального сотрудничества на северо-западе Европы. Их позиции близки или совпадают по многим проблемам мировой политики: роль ООН и международного права в международных отношениях, ситуация в Ираке и на Ближнем Востоке, борьба с современными глобальными угрозами.

Вместе с тем, разногласия между Россией и ЕС также достаточно велики: в подходах к “замороженным” конфликтам в СНГ; положение в Чечне; проблемы соотношения свободы и безопасности, государства и личности; ситуация с законностью в России; Киотский протокол; принципиальные разногласия в оценке положения русскоязычного населения в Латвии и Эстонии.

Основное препятствие на пути развития сотрудничества РФ и ЕС заключается в принципиальном различии их подходов: российский подход основывается на совпадении и общности интересов РФ и объединенной Европы, а подход ЕС – на примате европейских ценностей и норм. Разные точки отсчета неизбежно создают потенциал для разногласий и противоречий.

Расширение ЕС и Россия

Заметную напряженность в российско-европейских отношениях вызвали разногласия по вопросу о распространении Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между РФ и ЕС на десять новых стран Евросоюза, включая прибалтийские республики. Для Брюсселя этот вопрос имеет принципиальное

значение как акт признания Москвой вхождения Восточной Европы в состав Европейского Союза. Заявление Москвы о том, что не может быть автоматического распространения СПС на новых членов ЕС, вызвало переполох в Брюсселе. В необычно жестких выражениях России было предложено сделать это без всяких условий и исключений до 1 мая, в противном случае Евросоюз обещал серьезные последствия для двусторонних отношений. ЕС фактически предъявил России ультиматум: либо выполнить данное требование, либо подвергнуться санкциям.

В отношениях ЕС и США нет аналогичного precedента, чтобы европейцы столь жестко говорили с Вашингтоном по спорным политическим вопросам. В истории были примеры, когда США пытались говорить с Россией с позиции силы. Однако в случае с СПС и Европейский Союз попытался навязать свою волю России также с позиции силы, пусть и “мягкой” – политической и торгово-экономической.

Найденный компромисс был зафиксирован в ходе первого заседания Постоянного совета партнерства (ПСП) 27 апреля. Министр иностранных дел РФ С.Лавров и руководители ЕС подписали Протокол о распространении СПС и совместное Заявление. Вопросы, вызывающие наибольшие опасения у Москвы в связи с расширением ЕС, – “калининградский транзит”, новые условия торгово-экономических отношений России с Восточной Европой, положение русскоязычного меньшинства в Прибалтике и т.д., – отражены в совместном Заявлении с разной степенью учета российских интересов.

Споры вокруг положения русскоязычного населения в Латвии и Эстонии, значительная часть которого лишена многих гражданских прав, до самого последнего момента являлись камнем преткновения на переговорах по СПС.

Евросоюз, взявшись под свою защиту национальную политику этих государств, считает беспокойство Москвы необоснованным. России, не желавшей срывать подписание соглашения, пришлось отказаться от требования зафиксировать в итоговом документе обязательство Риги и Таллина соблюдать полностью права русскоязычного населения. В результате совместное Заявление содержит во многом вынужденную формулировку о наименьшинствах без упоминания в нем прибалтийских государств.

Соглашение о расширении СПС на страны Восточной Европы не устранило многих препятствий в осуществлении грузового транзита в Калининградскую область. Подписанное на саммите РФ-ЕС 21 мая соглашение об условиях вступления России в ВТО не привело к отмене антидемпинговых процедур, действующих в странах Евросоюза в отношении российских экспортёров.

ЕС призывает Россию присоединиться к введенному им запрету на заход в европейские порты однокорпусных нефтесливных танкеров. Ряд стран требует введения ограничений и даже полного запрета на использование Россией однокорпусных танкеров в Балтийском море, невзирая на то, что эти корабли отвечают принятым международным морским стандартам.

Россия все чаще сталкивается с попытками навязать ей экономически обременительные требования в отношении того, какие самолеты могут летать в европейском небе, какие корабли могут плавать в водах, омывающих Европу.

ЕС, как будто не видя разницы в экономических условиях Западной Европы и России, настойчиво добивается от РФ принятия жестких норм природоохранного законодательства (ратификации Киотского протокола), которые могут создать непомерную нагрузку на российскую экономику.

Расширение ЕС усложняет условия торгово-экономических операций России на рынках Восточной Европы.

Экспансия ЕС может оказаться не менее чувствительной для России и в политических вопросах. Противостояние России с Латвией и Эстонией по вопросу о положении русскоязычного населения и нынешний характер их взаимоотношений создают почву для антироссийских проявлений в политике ЕС, учитывая, что Рига и Таллин опираются на полную поддержку своих традиционных союзников в лице Дании, Швеции, Финляндии, Нидерландов. Поэтому не случайно, что по линии ОБСЕ российские озабоченности встречают даже большее понимание, чем в ЕС*. Следует отметить такую закономерность: отношения России с крупнейшими европейскими державами – Германией, Францией, Великобританией, Италией – развиваются на гораздо более высоком уровне сотрудничества и взаимопонимания, чем с Европейским Союзом в целом. Представляется, что “прибалтийский фактор” сделает это различие еще более контрастным.

Шенгенский визовый барьер может стать новым воплощением “Берлинской стены”, но на сей раз отде-

ляющей Россию от остальной Европы. Эта угроза воспринималась бы еще острее, если бы не договоренности России с рядом ведущих европейских государств (Германией, Францией, Италией) об облегчении визового режима на двусторонней основе для ряда категорий граждан. Заявляя о недопустимости появления новых разделительных линий в Европе, ЕС в тоже время выдвигает целый ряд условий для перехода в будущем к безвизовому режиму с РФ: более эффективные усилия России в борьбе с оргпреступностью, улучшение контроля на российских границах, заключение двустороннего соглашения о реадмиссии и т.д.

Результатом расширения Евросоюза может стать и более жесткое соперничество России и ЕС за влияние в постсоветском регионе. По мере “поглощения” Восточной Европы и стабилизации ситуации на Балканах вектор стратегических интересов ЕС все больше разворачивается в сторону Закавказья и государств европейской части СНГ. Эти регионы переместились из “задворок” на передний край региональной политики ЕС.

Смена правящего режима в Грузии (ноябрь 2003 г.) воспринимается ЕС как благоприятная возможность для активизации политики не только в отношении этого государства (хотя ему и отдается приоритет), но и Закавказья в целом.

В европейских экспертных кругах высказывается мнение о необходимости боль-

---

* В середине июля Парламентская ассамблея ОБСЕ одобрила подготовленную Россией резолюцию, призывающую Латвию и Эстонию устраниТЬ в своем законодательстве возможность любой дискриминации по национальному или религиозному признаку, а также уменьшить число неграждан. В отношении Латвии выдвинуто требование принять Рамочную конвенцию по защите прав нацименьшинств и допустить проживающих в стране лиц без гражданства к участию в муниципальных выборах.

шой вовлеченности ЕС в урегулирование грузино-южноосетинского конфликта, в том числе через участие спецпредставителя ЕС в миротворческих усилиях ОБСЕ.

Для усиления давления на лидеров Приднестровья предлагается более тесно координировать позицию ЕС с США³.

Естественно желание Евросоюза обеспечить безопасность и стабильность на своих новых восточных границах. Однако его попытки внедрить свой план урегулирования конфликта в Приднестровье, предусматривающий замену российских миротворцев международным контингентом под эгидой ЕС или ОБСЕ, а также предложить посреднические услуги в Закавказье обнаружили заметные различия в политических подходах Москвы и Брюсселя. ЕС стремится активизировать geopolитическое освоение постсоветского пространства под флагом инициатив по разрешению “замороженных” конфликтов в этой части Европы. Политика ЕС в отношении Белоруссии показывает, что он может ничуть не хуже Вашингтона диктовать свою волю другим государствам, наязывать свое понимание ценностей, правда, пока еще не силой оружия, как это делают США в Ираке.

Россия и ЕС еще не вполне ясно сознают, в какой мере их цели и интересы в СНГ являются совместными и взаимодополняющими, а в какой – конкурирующими. Существуют *объективные* причины для противоречий между ними на пространстве, которое стало “ближним зарубежьем” для них обоих.

РФ и ЕС выступают по отношению к странам СНГ как два разнонаправленных полюса притяжения.

Втягивание постсоветских государств в орбиту ЕС едва ли может

происходить без ослабления российского влияния. Интеграционные усилия Москвы на пространстве СНГ нередко воспринимаются Евросоюзом как стремление РФ удержать постсоветские государства под своим контролем. Он не признает за Россией статуса ведущей державы постсоветского региона, имеющей особые, исторически сформировавшиеся интересы в государствах, расположенных на территории бывшего СССР. Терминологически ЕС уже отсекает Украину, Белоруссию и Молдавию от России, введя в свой политический лексикон понятие “западная часть СНГ”. Он разрабатывает политику, чтобы привязать к себе эти страны с помощью той или иной формы интеграции, правда, не обещая им реальные перспективы членства в своих рядах в обозримом будущем.

Реалистически мыслящие европейские аналитики предупреждают ЕС против чрезмерно завышенных амбиций трансформировать “большую Европу” по своему образу и подобию. Опыт трансформации стран Центральной и Восточной Европы не может быть механически применен к совершенно иным условиям региона СНГ.

ЕС добивается от своих восточных соседей укрепления пограничного контроля на границах с Россией и другими государствами, которые не входят в Евросоюз. Он призывает Украину вводить его нормы регулирования рынка. Всё это вступает в противоречие с интеграционными механизмами, которые Россия создает в рамках Единого экономического пространства – с участием Украины, Белоруссии и Казахстана – и Евразийского экономического сообще-

ства, которое охватывает также Таджикистан и Киргизию.

Настороженное отношение России к расширению влияния ЕС на регион СНГ вполне естественно, ведь не решены фундаментальные проблемы, касающиеся положения России в "новой" Европе. Евросоюз заявляет, что будет по своим меркам оценивать демократичность поведения России в СНГ и на основе этого судить о ее способности играть конструктивную роль на постсоветском пространстве.

Остается нерешенным и вопрос о равноправном статусе РФ в системе европейской безопасности и обороны, которая формируется на основе ЕС. Формирование общего "пространства безопасности", которое Россия и ЕС провозгласили в качестве одной из своих долгосрочных целей, не может происходить без сближения между ними в оценке действий друг друга в сопредельных государствах СНГ. Проведение консультаций перед осуществлением односторонних мер в этом регионе, которые могут затронуть интересы другой стороны, способствовало бы большей взаимной предсказуемости и доверию.

Сотрудничество в сфере безопасности: рост или стагнация?

Хотя европейская политика безопасности и обороны (ЕПБО) зародилась в ЕС как реакция на кризисы и войны на Балканах начала 90-х годов, российский фактор также сыграл немаловажную роль в этом процессе. То, что Россия перестала восприниматься как угроза Европе, дало импульс процессу "европеизации"

"ци" НАТО и интеграционным проектам ЕС в сфере безопасности и обороны. Двусторонние консультации РФ – ЕС стали охватывать все более широкий спектр проблем безопасности.

Европейский Союз признает необходимость развивать сотрудничество с Россией в сфере безопасности, прежде всего для борьбы с новыми общими угрозами. Однако далеко не все в Европе считают, что для тесного двустороннего взаимодействия уже созрели необходимые условия. С расширением ЕС на Восток в его рядах увеличилось число стран, которые подчеркивают свою лояльность Вашингтону и с недоверием относятся к возможности тесного сотрудничества с Россией.

Европейские страны, составляющие лагерь "твердых атлантистов", опасаются, что сближение России и ЕС может нанести ущерб отношениям Европы с США и быть использовано некоторыми государствами, в первую очередь Францией, для создания европейской альтернативы американской гегемонии.

В Европейской стратегии безопасности, одобренной на саммите ЕС (декабрь 2003 г.), Россия не фигурирует в числе военных угроз Европе. Более того, ЕС придает сотрудничеству с РФ немаловажное значение. "Мы должны продолжать работу ради более тесных отношений с Россией, являющихся важным фактором нашей безопасности и процветания"⁴, – говорится в нем. При перечислении своих стратегических партнеров в этом документе Евросоюз поставил Россию на второе место вслед за США, впереди всех остальных – Японии, Китая, Канады и Индии.

В Европейской стратегии безопасности основными угрозами обединенной Европе определены международный терроризм, распространение ОМУ, региональные конфликты, растущее влияния религиозного фундаментализма, оргпреступность, “недееспособные” и конфликтогенные государства.

С такими же угрозами сталкивается и РФ. Однако, несмотря на декларации об общих интересах и угрозах, Россия остается для ЕС все еще объектом, а не равноправным участником европейской политики безопасности и обороны. Это объясняется рядом причин. Россия считает, что ЕПБО должна способствовать продвижению российских интересов, выступая в качестве модели европейской безопасности, охватывающей “большую Европу” и предоставляющей Москве право голоса наравне с ЕС. Она добивается равноправного статуса со странами ЕС, предлагает выработать единое понимание того, что считать кризисом, а также создать совместный механизм для оценки ситуации, планирования, управления и командования военными операциями.

Однако для Европейского Союза ЕПБО – это лишь один из инструментов *его внешней политики*. Планирование ЕПБО осуществляется исходя из приоритетности для ЕС отношений с США и НАТО, а не с Россией.

ЕС допускает возможность участия третьих стран в европейских операциях, но только на своих условиях. Россию не может устроить ситуация, когда она не имеет права голоса в принятии решений о проведении операции, в которой ЕС готов использовать ее вооруженные силы.

Подобный формат, который вытекает из решений саммита ЕС в Севилье (2002 г.), не отвечает в достаточной мере интересам России.

Эти различия в подходах тормозят достижение соглашения о рамочных условиях российского участия в операциях ЕС.

Евросоюз не видит необходимости в том, чтобы активно наращивать сотрудничество с Россией, полагая, что время – на его стороне и что в долгосрочной перспективе у России нет иной разумной альтернативы, как сотрудничать с ним.

Финский политолог Т.Форсберг отмечает, что “Россия не фигурирует в сценариях военных угроз ЕС, но и не рассматривается как ценный партнер, который мог бы способствовать созданию и укреплению ЕПБО. ...Восточное расширение ЕС и особенно окружение Калининградской области она рассматривает как более серьезную угрозу, чем ЕПБО”⁵.

На декларативном уровне ЕС признает важную роль России как партнера по безопасности. Однако это понимание пока имеет малый практический выход в совместных действиях. Диалог по проблемам безопасности в основном ограничивается обозначением намерений. ЕС проявляет большую осторожность относительно возможного участия России в европейской политике безопасности и обороны. Российские инициативы по углублению сотрудничества или блокируются кем-либо из членов ЕС, или увязают в лабиринтах бюрократического согласования, или “зависают” из-за внутренних разногласий в Евросоюзе.

Так, предложение РФ о создании совместного Центра по урегулированию последствий катастроф было расценено ЕС как преждевременное.

Сдержанное отношение к российским инициативам выглядит особенно контрастно на фоне все более активного сотрудничества России и НАТО.

Это сотрудничество охватывает и вопросы совместного реагирования на общие угрозы безопасности, включая взаимодействие в ситуации возможных катастроф техногенного и природного характера.

Только на российской территории про- ведено уже несколько совместных учений по отработке спасательных действий в условиях аварий на химическом производстве и с ядерным оружием.

Осенью (конец сентября – начало октября) проведены совместные учения в Северной Атлантике кораблей Северного Флота России и НАТО, целью которых является согласование методик совместных действий по перехвату незаконных перевозок оружия массового уничтожения и его компонентов.

Ничего подобного между Россией и ЕС не происходит.

В силу разных сдерживающих факторов сотрудничество России и ЕС в сфере обороны и безопасности осуществляется в гораздо меньшей степени, чем оно объективно возможно на основе совпадения и широкого пересечения их интересов, потребностей, оценок рисков и представлений об угрозах. Основными факторами, препятствующими тесному партнерству России и ЕС в сфере безопасности являются:

- различия в представлениях о своем влиянии и статусе во взаимоотношениях друг с другом и на международной арене;

- главенствующее положение США как единственной сверхдержавы в системе международной безопасности – в результате именно США, а не Россия и ЕС выступают по отношению друг к другу в роли ведущего партнера по безопасности;

- разница в ценностях и стратегической культуре РФ и ЕС;

- опасения ЕС отдалить США от Европы слишком большим сближением с Россией и настроить Вашингтон и НАТО против ЕПБО;

- разобщенность ЕС, особенно в ситуациях военно-политических кризисов и войн, его несформированность как целостного субъекта в сфере международной безопасности;

- разногласия в российском политическом классе по вопросу о статусе, к которому должна стремиться Россия в глобальном мировом порядке: является ли она частью Европоатлантического сообщества демократий или отдельно позиционируемой державой;

- инерция исторического прошлого и взаимное недоверие.

Сотрудничество в сфере безопасности развивается более успешно в рамках двусторонних отношений России с такими странами как Франция и Германия, чем с ЕС в целом. Берлин и Париж поддерживают более высокий уровень отношений с Россией по вопросам обороны и безопасности именно на двусторонней основе.

Россия и Франция выступают за миропорядок, основанный на многосторонности и международном праве. Париж стремится сделать ЕС основой европейской системы безопасности, в которой участвовала бы и Россия. Он считает отношения между ЕС и Россией важными не только для обеих сторон, но и для поддержания глобального равновесия и стабильности. Франция выступает за более тесное участие России в работе Комитета ЕС по политике и безопасности и предлагает создать новый институциональный механизм для

повышения статуса и интенсификации консультаций между сторонами в формате “тройки”. Другое французское предложение – разработка совместной (Россия – ЕС) концепции урегулирования кризисов.

В рамках созданного российско-французского Совета по вопросам безопасности проходят регулярные консультации между министрами иностранных дел и обороны двух стран.

Военно-техническое сотрудничество охватывает широкий спектр проектов, прежде всего в авиации и космических технологиях.

Россия обещала оказать содействие Франции в создании центра по контролю за космическим пространством наподобие Командного центра космических войск РФ в Красноармейске, который президент Ж.Ширак посетил (апрель 2004 г.). Он – первый глава иностранного государства, который был допущен на этот секретный объект, что символизирует доверительный характер отношений между двумя странами.

Совместными усилиями двух стран создан новый учебно-тренировочный самолет “МиГ-АТ”.

Россия и Франция работают над проектами боевого истребителя пятого поколения, разведывательных и ударных беспилотных летательных аппаратов, модернизации вертолетов “Ми-26”.

Реализуется проект по строительству стартовой площадки для запусков российских ракетоносителей “Союз” с космодрома Куру, стороны ведут совместную разработку спутниковой платформы.

Об уровне сотрудничества России с Германией в вопросах обороны и безопасности можно судить хотя бы по такому факту: ФРГ – первая и пока единственная из западных стран, с которой подписано соглашение о транзите подразделений ее вооруженных сил с военной техникой и имуществом через российскую территорию и воздушное пространство в Афганистан для участия в международных силах содействия безопасности под флагом НАТО. Аналогичное соглашение готовится и с Францией.

Примечания

- ¹ Communication from the Commission to the Council and the European Parliament on relations with Russia. P. 3. COM (2004) 106. 09/02/04. - <http://europa.eu.int/comm/external_relations/russia/intro_ip04_187.htm>
- ² Neumann Iver B. Uses of the Other. “The East” in European Identity Formation. Minneapolis: Minnesota University Press, 1999. P. 111.
- ³ Lynch Dov. The Russia-EU Partnership and the Shared Neighbourhood. Report presented to the “Eastern Europe and Central Asia” Working Group (COEST). The Hague, July 2004. – <<http://www.iss-eu.org/new/analysis/analy090.html>>
- ⁴ A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy. Brussels, 12 December 2003. P. 14.
- ⁵ Forberg T. The EU-Russia Security Partnership: Why the Opportunity was Missed // European Foreign Affairs Review. June 2004. Vol. 9. P. 247.

Энергетический фактор во внешней политике России

Задачи российской энергетической дипломатии
и политики

Александр Шныров,
аспирант Дипломатической академии
МИД России

Взгляд на мировую энергетику

Мировая энергетика – та отрасль, от которой напрямую зависит экономическое благополучие ведущих государств и, в конечном счете, их выживаемость. Энергоресурсы (нефть и газ) ограничены, цены на них колеблются, что обостряет конкуренцию в глобальных масштабах.

Ведущие государства осознают опасность погружения в анархию конкурентной борьбы, тем более в условиях глобализации. Проявляется готовность к взаимодействию, поиску коллективных ответов на вызовы в энергетической сфере. Постепенно формируется двусторонняя и многосторонняя энергетическая дипломатия. Ее цели – находить баланс интересов различных государств, добиваться дальнейшего развития производства энергоресурсов, создания надежных современных систем их транспортировки при соблюдении экологических стандартов.

Реализовать эти цели очень не просто, так как мотивы государств

подчас не совпадают. По интересам страны разделяются на покупателей, продавцов и тех, кто транспортирует энергоносители. Кроме того, внутри каждой из групп идет борьба за доступ к рынкам и контроль над ними, обеспечение наиболее безопасных путей доставки энергии.

Как отмечает германский специалист Ф.Мюллер, "тема надежности снабжения энергоресурсами становится важнейшей в повестке дня мировой политики; многие, если не большинство современных государств, связывают с этой проблемой перспективы своего физического выживания". В другой работе отмечается: "Соображения энергетической безопасности в возрастающей степени диктуют поведение национальных государств в мировой политике, их симпатии и антипатии в отношении тех или иных акторов международной жизни, их готовность вступать в коалиции и союзы, участвовать в работе международных организаций".

Следующим фактором, определяющим состояние мировой энергетики, является макроэкономический. От темпов развития экономики зависит структура и динамика энергопотребления, ситуация на мировом энергетическом рынке.

Сейчас предложение не поспевает за спросом, который растет со стороны Китая, ряда других стран АТР, Индии. В результате цены на нефть продолжают стремительно возрастать, создавая угрозу дестабилизации мировой экономики³.

Ситуация усугубляется тем, что инвестиций в ТЭК не хватает.

Как указывают эксперты Мирового энергетического совета, дефицит средств, которые могут быть задействованы для развития нефтегазового и электроэнергетического секторов в глобальном масштабах до 2020 г., достигает 1 трлн. долл.⁴.

Конъюнктура спроса на энергоносители будет, естественно, зависеть и от демографической ситуации.

По оценкам, население земли вырастет к 2010 г. до 7 млрд., при этом на развитую часть человечества будет приходиться не более 20%. Наивысшие темпы демографического роста прогнозируются для Ближнего Востока и Африки. Уровень энергообеспеченности на душу населения будет оставаться весьма неравномерным, и, скорее всего, отставание многих стран "третьего мира" от ведущих государств увеличится⁴.

Что касается России, то из-за прогнозируемого нулевого прироста населения, показатель энергообеспеченности имеет возможность вырасти⁵.

Корректирует параметры развития мировой энергетики и экологический фактор.

Именно энергетика больше других отраслей мирового хозяйства повинна в усугубляющемся загрязнении окружающей среды – на нее приходится свыше 50% выбросов углекислого газа⁶. Мировое сообщество принимает меры по уменьшению выбросов в атмосферу, улучшению безопасности АЭС. Анализируя ситуацию, ведущий российский специалист по проблеме энергетической дипломатии С.З.Жизнин приходит к выводу: "Экологический фактор окажет существенное воздействие на формирование будущей структуры мировой энергетики, что может быть сравнимо с воздействием энергетического кризиса 1973 г. В частности, это приве-

дет к росту доли газа в энергопотреблении, улучшению экологических стандартов энергетики и т.д."⁷.

Многое в энергетическом секторе будет зависеть от достижений в создании новых технологий.

По преобладающему мнению, на обозримую перспективу нефть, газ, а также уголь, не удастся заменить более эффективными альтернативными энергоносителями⁸. Вместе с тем есть и оптимисты, которые верят в прорыв человечества в использовании новых источников энергии – термоядерного синтеза, воды, водорода и т.д.⁹.

Что касается России, то наблюдается ее отставание в применении на практике передовых энергетических технологий. Хотя потенциал имеется – это конверсия предприятий и НИИ ВПК.

Последним по счету, но отнюдь не по значению является в мировой энергетике фактор обеспеченности энергетическими ресурсами, прежде всего органическим топливом.

Россия находится в благоприятном положении, обладая крупнейшим в мире ресурсно-сырьевым энергетическим потенциалом. По разведенным запасам нефти наша страна занимает второе место в мире, по добыче – третье, а по газу (запасам и добыче) – первое. Россия является мировым лидером по объемам обогащенного урана и по запасам угля¹⁰.

Высказываются различные прогнозы дальнейшего развития энергетики. Наиболее реальным представляется, что постепенно будет происходить снижение темпов роста спроса на первичные энергетические ресурсы. Такая тенденция приведет к сдерживанию, в конце концов, цен, сбалансированию энергетических рынков.

Важнейшим показателем эффективности энергопотребления является энергоемкость, фиксирующая расход энергоресурсов на 1000 долл. ВВП в пересчете на нефтяной эквивалент.

Данный показатель оптимален в странах ОЭСР, а наихудший – в Восточной Европе и СНГ. В России он остается плохим из-за нерационального энергопотребления¹¹.

Среди наиболее энергопотребляющих отраслей выделяются черная металлургия и транспорт. На Западе и в Японии в последние десятилетия производство и потребление металла сокращается из-за структурной перестройки экономики. В Китае, Южной и Юго-Восточной Азии, Латинской Америке идет рост металлургического производства, поэтому там велик спрос на уголь и электроэнергию. В России возможно снижение спроса на металл из-за свертывания металлоемких производств.

Согласно прогнозам, транспорт будет развиваться быстрыми темпами повсеместно в мире, а значит, энергопотребление в отрасли также будет возрастать¹². Возможно появление транспортных средств с более экономичными и экологически чистыми силовыми установками. Тем не менее в ближайшие 10–15 лет заменить нефтепродукты в качестве главного транспортного топлива не удастся¹³.

Судя по прогнозам, суммарное годовое потребление первичных энергетических ресурсов будет расти вплоть до 2010 г. Доля нефти составит около 39%, твердого топлива, включая уголь, – 28%, газа – 24%, гидроресурсов – 3%, атомной энергии – 6%, других источников – около 1%¹⁴. Из прогнозируемого прироста потребности в этих ресурсах две трети придется на долю "третьего мира", в том числе одна пятая на Китай. Наиболее низкие показатели прогнозируются в отношении стран Восточной Европы и СНГ, включая Россию.

Основными потребителями нефти останутся страны ОЭСР, хотя их доля снизится с 60% до 50% в 2010 г. Существенно возрастают объемы нефти, потребляемой развивающимися странами. Потребление в странах ЦВЕ и СНГ возрастет незначительно¹⁴.

Запасы нефти распределены неравномерно. На долю стран ОПЕК приходится около 75%.

В этой связи импортеры придают большое значение нефтяным запасам неопековых стран, в первую очередь на постсовет-

кой территории (район Каспия). По оценкам, в мире порядка 70 млрд. прогнозируемых запасов нефти, значительная доля из них – на постсоветском пространстве.

В силу особенностей транспортировки газа потребитель привязан к системе трубопроводов. Постепенно совершенствуется технология сжижения газа, что позволяет перевозить его танкерами.

Наиболее крупными запасами газа обладают Россия и другие страны СНГ. Далее идут Иран и Катар. Среди стран ОЭСР выделяются США, Канада, Австралия, Норвегия и Великобритания.

Стабильная цена, удобство транспортировки, а также целенаправленные меры стран ОЭСР по уменьшению доли нефти в энергопотреблении привели к тому, что добыча угля за период с начала 70-х годов XX в. росла в среднем на 2,4% в год, достигнув уровня 3,5 млрд. т.

Основные потребители угля – электроэнергетика и металлургия.

Основной прирост потребления угля произойдет в Китае и Индии. В странах ОЭСР и СНГ прогнозируется незначительное увеличение потребления угля.

Учитывая динамику потребления угля, его запасов хватит более чем на 400 лет. Страны СНГ располагают свыше 23% запасов угля, значительная часть которых находится в России¹⁵.

Ожидается, что производство электроэнергии в мире вырастет до 20 трлн. В 2010 г. высокий уровень электрификации и дальнейшее снижение энергоемкости экономики стран ОЭСР приведут к тому, что ежегодные темпы прироста производства и потребления электроэнергии в этих странах составят 1,1% и будут в два раза ниже среднемирового уровня 2,2%¹⁶.

Контуры международного сотрудничества

Тенденция к международному сотрудничеству в сфере энергетики постепенно укрепляется. Способствовали этой тенденции энергети-

ческие кризисы 70–90-х годов. Потребители и производители все больше осознают общую заинтересованность в стабильности энергетического сектора.

Вначале координация осуществлялась внутри двух групп: производителей и потребителей.

Члены ОПЕК еще в конце 60-х годов стали согласовывать объемы добычи нефти для достижения высоких цен. После мощнейшего нефтяного кризиса 1973 г. потребители в свою очередь приступили к координации усилий против неожиданных срывов в поставке углеводородов на мировой рынок¹⁷.

Одновременно нарастало стремление внутри регионов к упорядочению систем производства, транспортировки, сбыта и использования энергоресурсов¹⁸. Как следствие, во многих странах стало формироваться специальное направление их внешней политики и дипломатии, энергетическая политика и энергетическая дипломатия.

Энергетическая политика понимается как сфера деятельности государства по отстаиванию интересов, обусловленных производством, транспортировкой и потреблением энергоресурсов.

Энергетическая дипломатия подразумевает практическую деятельность ведомств, в том числе совместно с компаниями, по осуществлению энергетической политики.

Взаимозависимость интересов просматривается на примере повышения цен экспортёрами нефти, уменьшения квот на добычу или прекращения поставок. Это напрямую связано с долгосрочными последствиями для глобальной системы поставок нефти и мировой экономики, грозит большим ущербом для всех⁷.

Другим примером является проблема глобального изменения климата и окружающей среды под воздействием выбросов

газов из-за сжигания органического топлива. Это вынуждает многие страны и ТНК взаимодействовать для улучшения качества окружающей среды.

Среди примеров многосторонней энергетической дипломатии можно выделить отношения в рамках ЕС, НАФТА, МЭА, ОПЕК. В двусторонней дипломатии этот подход внедряется между Россией и США, ЕС, Китаем. Взаимодействуют зачастую и ТНК.

В целом уже сформировались принципы и методика энергетической политики потребителей нефти в Международном энергетическом агентстве. Тот же уровень сотрудничества достигнут и в рамках ОПЕК. Набирает обороты региональное сотрудничество в энергетической сфере, прежде всего, в Северной Америке, АТР, на евразийском пространстве.

Страны-потребители стремятся противодействовать сбоям в энергоснабжении и резким ценовым колебаниям, а страны-производители надеются за счет такого сотрудничества гарантировать себе рынки сбыта. В результате выигрывает энергетическая безопасность и тех, и других¹⁹.

Активную роль в мировой энергетике играют МЭА и ОПЕК, ооновские структуры. Многие проблемы регулируются ВТО²⁰. "Восьмерка" все чаще обсуждает энергетическую проблематику²¹.

В международных отношениях, связанных с энергетической сферой, можно выделить экономические и внешнеполитические интересы различных государств. Вопросы, связанные с экономическими интересами – цены, квоты, тарифы и др. – в основном определяются потребностями импортеров и возможностями экспортеров поддерживать баланс на рынках на основе взаимоприемлемых цен.

Имеет место усиление конкуренции в группе импортеров за доступ к

источникам энергетических ресурсов. С другой стороны, в среде экспортёров также наблюдается столкновение интересов по рынкам, размежевание квот и т.д.

Интересы России частично совпадают с интересами экспортёров, но одновременно имеются общие интересы с группой стран-членов МЭА, в которую Москва намеревается интегрироваться.

Интересы в энергетической сфере весьма разнятся.

Например, политика ЕС не совпадает с планами США и отчасти Турции в Черноморско-Каспийском регионе. Не всегда совпадают интересы США и европейских стран в Иране, Ираке, Ливии.

Налицо разные приоритеты Украины, Румынии, Греции в вопросах транспортировки нефти. Собственные интересы, часто отличные от других стран, отстаивает Россия.

Таким образом, государство заботится об обеспечении себе опимальных условий добычи, транспортировки и потребления энергоносителей. Вместе с тем, оно может использовать нефтяной фактор для оказания давления и получения политических уступок²².

Российская энергетическая политика

На современном этапе и в перспективе практически для всех государств проблема обеспечения энергетической безопасности имеет ключевое значение. Эксперты называют энергоресурсы и доступ к ним важнейшей составляющей национальной экономической безопасности²³.

Неслучайно особое внимание высшего руководства России, МИД к проблемам ТЭК. Энергетическая дипломатия становится перспектив-

ным направлением международного сотрудничества России. Ставится задача расширения ТЭК, укрепления энергетической безопасности России, ее роли как великой энергетической державы.

Энергетической дипломатии отведено важное место в "Энергетической стратегии России на период до 2020 г.", утвержденной на заседании Правительства 28 августа 2003 г.²⁴.

В разделе "Внешняя энергетическая политика" указывается, что интеграция России в мировую систему оборота топливно-энергетических ресурсов, сотрудничество с иностранными инвесторами в области их освоения и разработки, повышения эффективности использования традиционных и освоения новых энергетических рынков являются не только одним из важнейших направлений энергетической политики страны, но и ее весомым вкладом в решение глобальных проблем энергетики, которые стоят перед человечеством в начале XXI в.

Там же подчеркивается, что энергетическая политика должна быть направлена на переход страны от положения преимущественно поставщика сырьевых ресурсов к роли независимого участника мирового оборота энергетических товаров. Эта задача диктуется как тенденциями международной интеграции в энергетической сфере, так и потенциальными выгодами от качественного изменения роли России в мировой торговле энергоресурсами.

Стратегически важно для России – укрепление позиций на мировых нефтяных и газовых рынках, реализация в течение двадцатилетия экспортных возможностей отечественного ТЭК, обеспечение экономической безопасности страны при стабильном партнерстве со всем мировым сообществом.

Стратегическим интересам нашей страны отвечают формирование единой энергетической и энерготранспортной инфраструктуры в сопредельных регионах Европы и Азии,

развитие энерготранспортных систем, обеспечение свободного транзита энергоносителей. Как указывается в Стратегии, государство будет поощрять участие российских компаний в крупномасштабных международных проектах передачи нефти, газа и электроэнергии в различных направлениях.

Для России с ее уникальным географическим и geopolитическим положением проблемы транзита энергоресурсов имеют особое значение. В принципе существуют все необходимые предпосылки для того, чтобы транзит обеспечивал надежность снабжения страны энергоресурсами, их эффективный экспорт, получение дохода.

Глобальный характер энергетических проблем, а также видное положение ТЭК России в системе мировой энергетики выдвинули энергетический фактор в число базовых элементов российской дипломатии.

Основными задачами энергетической дипломатии в определенный Стратегией период являются:

- внешнеполитическое обеспечение реализации Энергетической стратегии России;
- дипломатическая поддержка интересов отечественных ТЭК за рубежом;
- активный энергетический диалог со странами-участницами СНГ, ЕврАзЭС, ЕС, США, странами Северо-Восточной Азии и другими государствами, а также международными организациями.

Нефтяные приоритеты российской энергетической дипломатии в немалой степени определяются уникальным положением России в мировой энергетике.

С одной стороны, Россия – активный участник большой "восьмерки", члены ко-

торой являются импортерами энергетических ресурсов. Их интересы сводятся к обеспечению надежных поставок энергоресурсов по низким ценам. Эти интересы отстаивает Международное энергетическое агентство (МЭА)*.

С другой стороны, Россия входит в группу ведущих экспортеров углеводородов, интересы которых сводятся к обеспечению высоких поступлений средств от экспорта этих ресурсов.

Россия, исходя из своих интересов, стремится учитывать позиции обеих групп, способствуя сбалансированности мирового рынка нефти²⁵.

Нефтяные интересы нашей страны отстаиваются на глобальном, региональном и двусторонних уровнях.

Если обратиться к *региональным аспектам*, то приоритетным является постсоветское пространство. На современном этапе основная задача – решение проблем задолженности и транзита, а также участие российских компаний в добыче и транспортировке углеводородных ресурсов, в приватизации объектов нефтяной (и газовой) промышленности.

Особое внимание Россия уделяет **Каспийскому региону**, поскольку он обладает потенциально большими запасами нефти и газа и превращается в арену одновременно со-перничества и взаимодействия крупных держав. Стоит вопрос, чтобы обеспечить России мощное присутствие на Каспии, возможности добывать там максимальные объемы сырья и играть весомую роль в его транспортировке на мировые рынки. Для этого необходимо добиваться оптимального правового статуса Каспийского моря, закрепить прохождение по российской территории важных трубопроводов и при этом не допускать превращения деловой конкуренции в geopolитическую конфронтацию.

На **европейском направлении** первая группа партнеров – бывшие союзники

* МЭА – образовано в 1974 году.

СССР в Центральной и Восточной Европе. Большинство из этих стран потребляет российские углеводороды и предоставляет коридоры для их транзита в Западную Европу. Хотя во многом интересы России и стран ЦВЕ в энергетической сфере совпадают, тем не менее с некоторыми возникают конфликты из-за условий транзита энергоресурсов²⁶.

Многие западноевропейские страны являются нашими важными партнерами, закупая большие объемы нефти и газа и поставляя взамен энергооборудование, осуществляя инвестиции в отечественный энергетический сектор. Не все, однако, устраивает российскую сторону в действиях и планах западноевропейцев. ЕС стремится к прокладке ряда трубопроводов в обход российской территории, создает некоторые барьеры на пути нашего газового экспорта. Преодолению разногласий может способствовать совместная с ЕС разработка долгосрочной стратегии энергетической безопасности.

США, обладая огромными ресурсами, имеют возможность оказывать существенное влияние на решения международных финансовых институтов, в отношении энергетических проектов в России. Ведущие ТНК энергетического профиля имеют преимущественно американское происхождение. США накопили богатый опыт государственного регулирования энергетики в условиях рыночной

экономики. Не вызывает сомнения необходимость установления с США равноправных отношений в энергетической области, нейтрализации акций, противоречащих российским интересам (в Каспийском регионе, Персидском заливе, ряде нефтедобывающих стран, а также на постсоветском пространстве).

Нефтедобывающие страны **Ближнего Востока и Северной Африки**, а также Латинской Америки, являются одновременно конкурентами и партнерами России на мировых рынках. Некоторые из них располагают внушительными финансовыми возможностями и могут стать крупными инвесторами в отечественную ТЭК.

Ведущие страны **Азиатско-Тихоокеанского региона** нуждаются в возрастающих количествах наших углеводородов и одновременно могут принять участие в крупных энергопроектах в восточных районах Российской Федерации.

Россия заинтересована в энергетическом сотрудничестве на глобальном уровне – и как один из крупнейших экспортёров углеводородов, и как член “Большой восьмерки”. Важно развивать связи с международными институтами, от которых зависит мировая энергетика, добиваться привлечения ТНК к модернизации нашего энергетического комплекса.

Эффективность дипломатии, как известно, зависит от отлаженности механизмов реализации политических решений. Вопросы энергетической дипломатии требуют тщательной проработки на основе тесного межведомственного взаимодействия. Такой механизм с участием представителей органов исполнительной и законодательной власти, а также компаний пока отсутствует.

Ассоциации ТЭК пытаются лоббировать свои интересы через государственные структуры (включая МИД России), а также иностранные влиятельные круги, но далеко не все у них получается из-за внутренних противоречий.

В целом на повестке дня остро стоит вопрос выработки единой энергетической политики, удовлетворяющей все заинтересованные стороны. Без этого сложно оптимально использовать энергетический фактор в общеполитических и общеэкономических интересах страны.

Примечания

- ¹ Ф.Мюллер. Надежность снабжения. Риски международного энергоснабжения // International Politik. 2003. N 2. C.5.
- ² The Energy Factor. Monterey: MJIR, 2004. P.22–23.
- ³ J.Rifkin. Die H²-Revolution. Mit neuer Energie für eine gerechte Weltwirtschaft. Frankfurt/Main, Campus Verlag, 2002; F.Alt. Krieg um XI oder Frieden durch die Sonne. München: Riemann Verlag; 2.Aufl.2002; H.Scheer. Solare Weltwirtschaft Strategie für die ökologische Moderne. München: Verlag Antje Kunstmann. 5 aktualisierte Aufl.2002.
- ⁴ World Energy Outlook-2004. Paris: IEA/OECD, 2004. P. 26–28, 9–12.
- ⁵ Стратегия для России: повестка дня для президента. М., 2002. С.56.
- ⁶ Energy Report. Washington D.C.: GPO, 2003. P.12–14.
- ⁷ Жизнин С.З. Энергетическая дипломатия. М.: Научная книга, 1999. С. 35, 64.
- ⁸ F.Alt. Op.cit.
- ⁹ W.Croft. The Ecological Alternative. N.Y.: Random House, 2003.
- ¹⁰ Мастепанов С. Региональные и внешнеэкономические аспекты энергетической политики России. М., 1999. С. 21–22.
- ¹¹ Нефтегазовая вертикаль. 2001. № 2. С. 5–6.
- ¹² Российская энергетическая политика и развитие нефтегазового комплекса / Под ред. Конопляник А. М.: СВОП, 2001. С. 16–18.
- ¹³ Калюжный В. Нефтегазовая стратегия России в XXI веке // Международная жизнь. 2000. № 1. С. 26.
- ¹⁴ BP Statistical Review of World Energy. 2003. London: BP, 2004. P. 16, 21, 23.
- ¹⁵ World Energy Report. 2004. 3–14.
- ¹⁶ American Enterprise Institute Report. Washington, D.C., June 2004. P.16–17.
- ¹⁷ Мировая энергетическая политика. 2003. № 8. С. 2–26.
- ¹⁸ Energy Policies of IEA Countries. Paris: IEA/OECD, 2003. P.62–68.
- ¹⁹ Предвестие эры нефти // Отв. ред. Александров В.Ю. М.: Энергия, 2003. С.24–27.
- ²⁰ Актуальные проблемы международных отношений в начале XXI века // Отв. ред. Бажанов Е.П. М.: Научная книга, 2002. С. 224–228.
- ²¹ Луков В.П. В клубе лидеров. М.: Научная книга, 2003. С. 174–198, 235–252.
- ²² Современные международные отношения // Отв. ред. Торкунов А.В. М.: РОССПЭН, 2002. С. 110–118.
- ²³ Матвеев В., Литвинов Ф. Энергетическая безопасность России: политика и экономика // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 7. С. 99.
- ²⁴ Энергетическая стратегия России на период до 2020 г. М.: Известия, 2003.
- ²⁵ Жизнин С.З. Нефтяные приоритеты российской дипломатии и энергетическая стратегия России // Дипломатический вестник. 2002. № 2. С. 117.
- ²⁶ Дипломатический ежегодник // Отв. ред. Фокин Ю.Е. 2003. М.: Научная книга, 2004. С. 265–283.

Глобальная передислокация американских войск

Янки на наших рубежах

Павел Смирнов,
старший научный сотрудник
Института США и Канады РАН

После американо-британского вторжения в Ирак в США значительно активизировались дискуссии о планах министерства обороны США по передислокации американских вооруженных сил, размещенных в Европе и Азии. Война в Ираке и его оккупация, оказавшаяся гораздо более трудным делом, чем предполагали в Вашингтоне, активизировали разработку этих планов.

В начале 2004 г. достоянием общественности стали известны их более конкретные параметры. В случае их реализации это будет самое масштабное со времени окончания “холодной войны” перемещение американских войск, находящихся за рубежами США (рис.)

Эти планы еще ждут утверждения президентом США Дж.Бушем: они периодически подвергаются корректировке, но их основные направления были обнародованы. Речь идет, прежде всего, о воинских контингентах и военных базах, размещенных в Германии, Южной Корее и Японии (на о. Окинава).

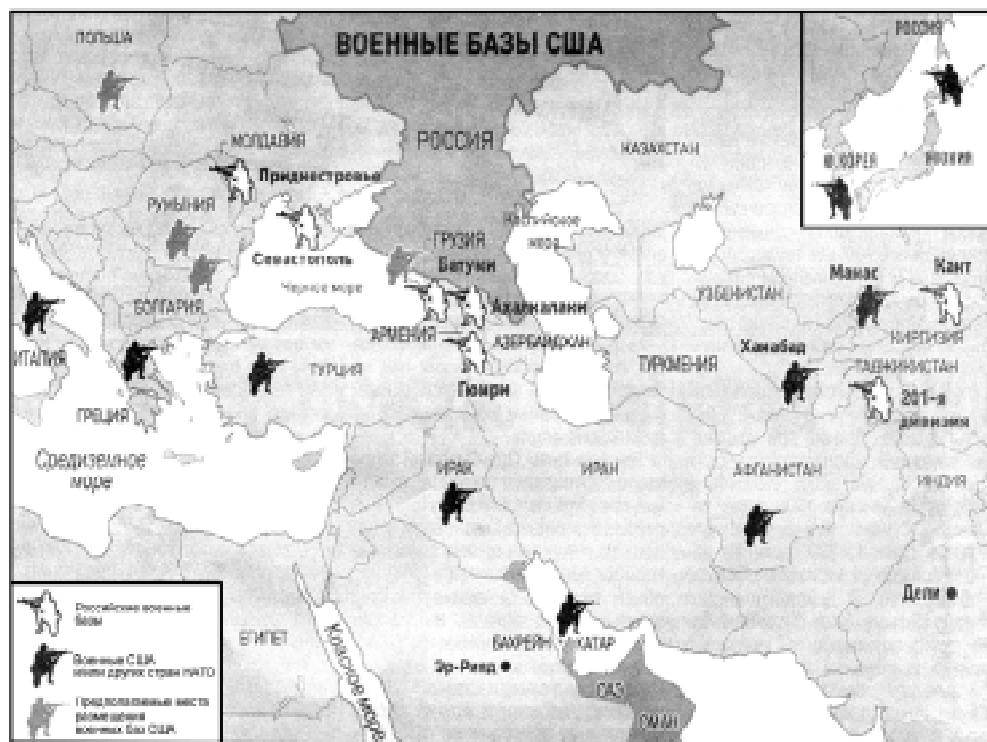
Местом назначения перемещаемых сил становятся регионы и страны, находящиеся ближе к регионам вооруженных конфликтов и предполагаемым оплотам террористических группировок, прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке, хотя Вашингтон действует в расчете на то, что источником угрозы может быть вся “дуга нестабильности” вдоль южной оконечности Евразии: от Балкан до Китая и Корейского полуострова.

Должен значительно измениться и характер американского военного

присутствия. Будет делаться значительно меньший упор на крупные стационарные группировки и базы, зато значительно большее внимание планируется уделять пунктам временного базирования, куда бы американские силы могли оперативно перебрасываться и осуществлять быстрое развертывание для проведения операций против террористических группировок, враждебных государств и прочих противников.

Программа “трансформации глобальных позиций США в области обороны” была изложена одним из ее главных разработчиков, заместителем министра обороны США Д.Фейтом в washingtonском Центре стратегических и международных исследований (3 декабря 2003 г.).

По признанию Фейта, эти глобальные позиции до сих пор «во многих отношениях отражают менталитет и реалии “холодной войны”: американские силы передового базирования были предназначены для ведения

Источник: Известия. 2004. 17 августа.

оборонительных действий вблизи районов своего размещения и, следовательно, это не те легкие, гибкие и мобильные силы, которые потребуются Америке в будущем».

Хотя после исчезновения СССР численность американских войск за рубежом и была сокращена, их базирование в основном оставалось тем же, что и в период "холодной войны", и именно с этих баз их приходилось перебрасывать в кризисные регионы: Балканы, Персидский залив и Центральную Азию.

Теперь же Америка должна исходить из того, что ей придется направлять силы в районы, удаленные от мест размещения ее баз¹. По словам Д.Фейта, "перемещению может подвергнуться всё. Не должно остаться такого места на земле, где бы всё осталось так, как было раньше".

Планы передислокации американских военных структур начали разрабатываться Пентагоном еще до иракской войны, а в качестве новых опорных пунктов США назывались уже принятые или вновь принимающие в НАТО страны Центральной и Восточной Европы: Польша, Румыния и Болгария.

Последние две страны сыграли существенную роль для США в их военной кампании против Саддама Хусейна. Через румынские и болгарские порты и аэродромы осуществлялась переброска многих важнейших для США грузов.

Вашингтон считает, что страны Юго-Восточной Европы с точки зрения будущего расположения амери-

канских баз имеют серьезные преимущества перед Германией.

Председатель подкомитета по европейским делам сенатского Комитета по международным делам Дж.Аллен в газете "Вашингтон Таймс" (конец апреля 2003 г.) отметил следующие преимущества Юго-Восточной Европы перед базами, размещенными в Германии:

"1. Они расположены ближе к источникам нынешних угроз. Ведь даже до 11 сентября было ясно, что новые угрозы переместились к югу и востоку, и по всему земному шару по мере "тайных перемещений" террористических ячеек. На любой карте практические оперативные преимущества Румынии и Болгарии совершенно очевидны.

2. Они хотят нашего присутствия там. В порядке отрадного контраста с недавними настроениями в Германии, а также во Франции, которая в течение десятилетий отказывалась принимать наши войска на своей территории, такие страны, как Румыния и Болгария пригласили нас к себе, и вопросы общественного мнения показывают, что их гостеприимство отражает волю их народов.

3. Затраты на это будут экономически оправданными. Молодые, свободные экономики Европы с воодушевлением берут на вооружение экономическую свободу; но дело не только в этом, но и в том, что операции здесь менее дорогостоящи. Содержание гарнизона около Бухареста будет стоить меньше, чем содержание гарнизона около Бонна"².

В то же время Вашингтон, конечно, не ограничивается экс-социалистическими странами Восточной Европы и предпринимает активные усилия по созданию новых военных объектов в странах Ближнего и Среднего Востока, а также в ряде центральноазиатских республик бывшего СССР.

Кроме того, принятное на стамбульском саммите НАТО (конец июня 2004 г.) решение о предоставлении статуса партнера альянса семи странам Ближнего Востока и Северной Африки, входящим в Средизем-

номорский диалог (Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Мавритания, Марокко, Тунис) также можно рассматривать как шаг в данном направлении, ведь программа расширения этого диалога предусматривает, среди прочего, сотрудничество в области охраны границ, достижение оперативной совместности, вклад в совместную борьбу с терроризмом.

Очевидно, что некоторые из вышеназванных стран могут стать плацдармом для потенциальных военных операций США, хотя на Ближнем Востоке и существует настороженность в отношении американских планов. Пентагон предполагает также оборудовать тренировочные базы и стартовые площадки в Австралии, развивать военные связи с Сингапуром и Таиландом.

Эти планы создания небольших и рассредоточенных по земному шару американских военных баз (некоторые из которых вообще могут не иметь постоянных военных контингентов и принимать у себя силы быстрого развертывания лишь в кризисных ситуациях) журнал "Экономист" назвал "новой американской империей" и сравнил их с аналогичной практикой Римской и Британской империй в периоды завоеваний ими новых территорий³.

Европа

Найболее амбициозным проектом в рамках планов по передислокации сил является предполагаемое сокращение американского контингента в Германии, который насчитывает в настоящее время 71 тыс. военнослужащих (всего в Западной Европе дислоцировано 102 тыс. американских военных).

Пентагон планирует вывод двух американских дивизий (одной танковой и одной пехотной) из Германии на родину – что скратит военное присутствие США в этой стране примерно наполовину – и замену

выводимых дивизий бригадой, оснащенной легкими БМП типа "Страйкер". "Страйкеры" являются одним из центральных элементов в программе трансформации американской военной машины, отстаиваемой министром обороны Д.Рамсфелдом.

Пентагон планирует перебросить на Ближний Восток из Германии часть военных самолетов.

С базы Шпангдалем на базу Инджирлик (Турция) предполагается перебазировать авиаэропорт из 72 истребителей F-16. Но в Германии должен остаться такой важнейший объект, как база BBC США в Рамштайне, которую военные считают одним из главных опорных пунктов для развертывания американских войск в более отдаленных районах мира.

Среди планов Пентагоном значится также оптимизация и сокращение командно-штабных структур в Европе.

В частности, штаб военно-морских сил США в Европе может быть перебазирован из Великобритании в Италию. Ранее предполагалось, что он будет переведен в Испанию, однако выбор был сделан в пользу Италии*.

Одновременно обсуждаются планы вывода из Великобритании и Исландии части истребителей F-15, хотя по данному вопросу окончательного решения еще не принято.

В июне 2004 г. официальные лица Пентагона провели консультации с Германией о предполагаемом перебазировании американских войск и обещали, что Вашингтон будет прислушиваться к мнению союзников и учитывать их озабоченность, ведь речь все-таки идет о крупнейшей со временем окончания "холодной войны" перестройке американской воен-

ной машины. В частности, в Исландии планы вывода оттуда американских истребителей могут быть восприняты особенно болезненно.

Хотя некоторые из американских проектов передислокации войск еще могут быть скорректированы, основные их направления можно считать уже подготовленными.

Планы Пентагона вызвали весьма противоречивую реакцию в США: их критики считают, что повышение подобным образом гибкости и боеспособности вооруженных сил США, размещенных в других странах, может обернуться очередным ослаблением связей с союзниками и снижением американского влияния на те страны, откуда войска будут выведены. Дополнительный аргумент, по мнению скептиков, получат те, кто считает политику администрации Дж.Буша унилатералистской (односторонней). Передислокация хотя бы части американских сил из Германии и других традиционных союзников США будет к тому же еще одним козырем для Франции, считающей, что Европа должна в обеспечении своей безопасности полагаться, прежде всего, на собственные силы.

Крупномасштабное военное присутствие США в Германии всегда символизировало готовность Вашингтона стоять на страже безопасности Европы и интегрировать свои военные усилия с теми усилиями, что предпринимаются его ведущими европейскими союзниками. Теперь же такая готовность, по мнению критиков, ставится под сомнение. Помимо

* По мнению большинства наблюдателей, такой выбор объясняется приходом к власти в Испании (март 2004 г.) правительства, возглавляемого Соцпартией и начавшего вывод испанского контингента из Ирака, хотя в Пентагоне утверждают, что решение принято по финансовым соображениям.

политических аргументов, выдвигаемых против планов передислокации сил, есть аргументы и военного плана. В частности, снижение американского военного присутствия в Германии может отрицательно сказаться на подготовке вооруженных сил новых членов НАТО из центрально- и восточноевропейских стран, равно как и других союзников США. Будет затруднено проведение военных маневров, в которых теперь придется в значительно большей степени задействовать войска, посылаемые с американской территории. Это не позволит достичь такого уровня участия американских сил, который возможен, когда последние размещены в Европе.

Тот факт, что в центре предполагаемых мероприятий находится Германия, вновь заставил вспомнить выпады министра обороны США Д.Рамсфелда против “старой Европы” в период подготовки к иракской войне и породил многочисленные спекуляции о том, что Вашингтон хочет “наказать” Берлин за его позицию по отношению к этой войне. Безусловно, американским лидерам нужны более лояльные союзники, которые бы могли делить с ними бремя военных операций и при этом были бы их единомышленниками, не заявляющими по каждому поводу свою особую позицию. В этом смысле “старая Европа” уже не будет внушать такого доверия Вашингтону, как раньше, хотя, казалось бы, острота споров вокруг Ирака уже преодолена и трещину, порожденную иракской кампанией, удалось если не заделать, то хотя бы замазать. Однако несмотря на свою дипломатическую оппозицию иракской войне, Берлин все же не препятствовал Вашингтону в использовании баз на своей территории во время этой войны, и

в данном отношении Германия остается более надежным союзником, чем многие государства “новой Европы” и Ближнего Востока, на которые теперь сделал ставку Пентагон.

Азия

В азиатском регионе в настоящее время размещено около 100 тыс. американских военнослужащих.

15 тыс. из них, согласно планам министерства обороны США, планируется перевести в другие места. Основная доля сокращений должна прийтись на Южную Корею, где американское военное присутствие насчитывает примерно 37 тыс. чел. Его к началу 2006 г. планируется сократить на 12,5 тыс. военнослужащих. При этом 3,6 тыс. чел. из них предполагается перебросить в Ирак, так как уровень военно-политической напряженности в послевоенном Ираке по-прежнему весьма высок, несмотря на формальную передачу суверенитета иракцам.

Одновременно появляются сообщения, что Пентагон добивается у правительства Японии согласия на перебазирование части американского контингента морских пехотинцев с о.Окинава (всего он насчитывает 14 тыс. чел.) на не столь густонаселенный о.Хоккайдо.

Пребывание американских военнослужащих на Окинаве породило значительную напряженность в отношениях с местными жителями, а министру обороны США Д.Рамсфелду во время его посещения этого острова (осень 2003 г.) пришлось выслушать немало претензий со стороны местного губернатора, жаловавшегося на то, что американское военное присутствие является для Окинавы слишком большим бременем.

Что касается Южной Кореи, то планы США сократить свой контингент в столь короткий срок вызывают там немалую озабоченность, ведь напряженность в отношениях с

КНДР остается высокой, несмотря на предпринимаемые усилия по нормализации. Правда нынешний южнокорейский президент Но Му Хен был избран на свою должность (2002 г.) на волне антиамериканских настроений, связанных с тем, что президент США Дж.Буш провоцирует напряженность в отношениях с Северной Кореей, причисленной им к так называемой "оси зла". Однако Сеул все же не рассчитывал, что сокращение американского контингента на треть произойдет так скоро: он хотел бы, чтобы это сокращение растянулось лет на 10. В противном случае, считают южнокорейские власти, Пхеньян будет послан "ложный сигнал", и все международные усилия по контролю за его ядерной программой окажутся под угрозой.

Официальные лица Пентагона, стараясь развеять опасения властей Южной Кореи, заявляют, что сокращение численности американских войск не ослабит американских обязательств, которые измеряются не количественными показателями.

Кроме того, как считают сторонники оптимизации американского военного присутствия за рубежом, 37-тысячный американский военный контингент на фоне почти 700-тысячных южнокорейских вооруженных сил играет скорее символическую роль.

Тем не менее, многие скептически настроенные американские эксперты опасающиеся за будущее возглавляемых США альянсов, полагая, что вывод значительного числа американских военнослужащих из Южной Кореи приведет к ослаблению политического союза между Вашингтоном и Сеулом, да и вообще поставит под вопрос престиж США в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

С особой озабоченностью возможное сокращение американских войск в Южной Корее может быть воспринято Японией, которая вообще с большим трудом привыкает к geopolитической ситуации, складывающейся в мире после окончания "холодной войны". В эпоху глобального противостояния между США и СССР Токио мог себе позволить относительную свободу рук в сфере безопасности, полагаясь на то, что американское присутствие в Южной Корее (и вообще, в Восточной Азии) – достаточная гарантия против любых возможных угроз, которые усматривает Япония для своей безопасности (между прочим, и муссирование ею "территориального вопроса" в отношениях с СССР, а затем с Россией, вряд ли было бы возможно, не ощущая она поддержку американской военной мощи в регионе). Теперь же, если планы Пентагона по сокращению американских сил будут реализованы, Японии наверняка придется думать о новых подходах и к корейской проблеме, и к отношениям с Россией и Китаем.

Возможные проблемы

Планы передислокации американских сил могут столкнуться с трудностями и в некоторых из тех стран, куда их предполагается перевести. Если бывшие союзники СССР по Варшавскому Договору пока не предвещают для Вашингтона особых проблем и не ставят под сомнение свою лояльность Америке (антисоветские мотивы в их поведении пока зачастую сильнее, чем рациональные соображения), то на Ближнем и Среднем Востоке такие проблемы возникнуть могут, в том числе даже в тех странах, которые считаются

давними и надежными союзниками США. Нарушение геополитического, межнационального и межконфессионального баланса в этом взрывоопасном регионе, которое повлекли за собой американо-британское вторжение в Ирак и кампания Вашингтона против "оси зла", ведет к все большей шаткости многих прежних союзов и коалиций и порождает весьма неожиданные тенденции.

В частности, некоторые из этих тенденций в последний год (после начала антииракской кампании Вашингтона) демонстрирует Турция, куда планируется передислоцировать из ФРГ часть истребителей F-16. Размещение истребителей на базе Инджирлик имеет смысл для министерства обороны США только в том случае, если Турция даст возможность американским военным в случае необходимости перебрасывать их далее в район боевых действий. Однако здесь и начинаются трудности. Во время иракской войны 2003 г. Анкара отказалась предоставить силам антисаддамовской коалиции свою территорию для вторжения в Ирак.

Тогда первый заместитель министра обороны США П. Вулфович почти в открытую апеллировал к турецким военным, чтобы они "навели порядок" в политике страны.

Не будет неожиданностью, если подобная ситуация (например, в случае резкого обострения ситуации вокруг Ирана или Сирии) повторится вновь, тем более что даже госсекретарь США К. Пауэлл и председатель Комитета начальников штабов Р. Майерс, выступая (конец мая 2004 г.) на совещании ведущих деятелей администрации, посвященном пентагоновским планам передислокации сил, открыто высказали сомнение в том, что Анкара согласится на американские условия размещения истребителей.

Вообще, за прошедший после иракской кампании год в политике

Турции значительно усилились тенденции, свидетельствующие о ее несогласии с многими существенными аспектами политики США в регионе Ближнего и Среднего Востока и о значительном усилении "евразийских" акцентов в ущерб атлантическим. Например, накануне саммита НАТО, в Турции (конец июня 2004 г.), на котором рассматривались вопросы более широкого участия альянса в делах Ближнего Востока, в частности Ирак. Анкара предпринимает меры по сближению с арабским миром и с Европой (в надежде, что вопрос о ее принятии в Евросоюз сдвигается с мертвой точки), идет на резкое обострение отношений с Израилем, что ставит под вопрос её статус как единственного союзника Израиля в исламском мире. Тем самым Турция предупреждает Вашингтон о том, что поддержка его действий в регионе союзниками не безгранична. Все это ухудшает условия реализации американской программы "Большого Ближнего Востока", которая под влиянием ключевых союзников США по НАТО и так была в значительной мере выхолощена.

Неспособность США стабилизировать военно-политическую ситуацию в Ираке может серьезно затруднить осуществление планов Пентагона по передислокации сил. Если переброска войск из Южной Кореи в Ирак как раз рассчитана на эту ситуацию и представляется так или иначе безальтернативной, то с выводом американских дивизий из Германии ситуация обстоит сложнее, ведь их планируется вывести на территорию США или в лучшем случае создать новые пункты базирования в Восточной Европе, для чего требуются и

время, и ресурсы, и налаживание новых механизмов для их оперативной переброски в кризисные регионы.

В сложившейся обстановке, когда ряд союзников Вашингтона по НАТО вслед за Испанией рассматривают возможность вывода своих контингентов из Ирака, сохранение американских войск в местах старой дислокации в Германии во многом оказывается более предпочтительным. Во всяком случае оно целесообразнее, чем их вывод в США, откуда их перебросить на Ближний Восток значительно сложнее, чем из Европы. Об этом говорят и многие военные специалисты и даже некоторые чиновники администрации Дж.Буша, считающие ряд элементов пентагоновского плана нереалистичными.

Последствия для России

Независимо от того, как будут реализовываться планы министерства обороны США по передислокации американских сил, для России это наверняка создаст новые проблемы. Как бы ни менялось глобальное расположение этих сил, в России (во всяком случае во внешнеполитическом сообществе) оно воспринимается как дальнейшее окружение российской территории сетью американских и натовских военных баз. По мере перемещения центра тяжести "базовой" стратегии США из Европы в сторону южного "подбрюшка" бывшего СССР это ощущение лишь усиливается, и американцам становится все труднее убедить своих российских партнеров в том, что это делается исключительно ради отражения угроз, исходящих из исламского мира, не направлено против российских позиций и не преследует

цель вытеснить Москву из ее традиционных сфер интересов.

Можно, конечно, найти и позитивную сторону в американских планах передислокации сил, которая заключается в снижении уровня военного противостояния на западном направлении, оставшегося в наследство от "холодной войны".

Численность американских сил в Германии после падения "Берлинской стены" и так уменьшилась примерно на 75%, а теперь есть шанс закрепить эту тенденцию, ведь сохранение крупномасштабного американского военного присутствия в этой стране, как бы оно сейчас ни трактовалось,вольно или невольно консервирует пережитки конфронтационной эпохи.

Однако и здесь слишком многое ставится в зависимость от субъективных и весьма изменчивых намерений отдельных государств, которые, как продемонстрировала недавняя история, обещали, что не будут использовать уход России из Центральной и Восточной Европы, но не сдержали это обещание и начали расширять НАТО, не обращая внимания на протесты Москвы.

Помешать развитию позитивной тенденции может ситуация, связанная с адаптированным Договором об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ): *с одной стороны*, – это отказ западных стран ратифицировать его под предлогом невыполнения Россией стамбульских политических обязательств; *с другой* – серьезные недостатки в самой концепции Договора, позволяющие наращивать вооружения в рамках установленных для государств–участников квот и выводящие из-под количественных ограничений боевую авиацию (во всяком случае ее размещение на территории других государств).

Нетрудно заметить избыточность национальных и территориальных предельных уровней по отдельным видам вооружений у некоторых стран НАТО (так, у Германии разрешенные потолки по танкам и ББМ превышают фактически имеющееся их количество в 1,5–2,5 раза, что обесценивает осуществленные в 90-е годы крупные сокращения вооружений), дополняемую правом этих стран осуществлять чрезвычайные временные развертывания сил сверх этих квот. Положение о временных развертываниях – наиболее дискриминационный момент в адаптированном ДОВСЕ, позволяющий одним странам увеличивать за счет иностранных государств на временной основе группировки сил, имеющиеся на их территориях, в три раза больше, чем другим.

В то время как центральноевропейским странам НАТО (Германии, Польше, Чехии, Словакии, Венгрии) разрешены чрезвычайные временные развертывания (объемом до 459 танков, 723 ББМ и 420 артсистем), у России половина ее западной границы приходится на фланговый район (хотя сам этот термин в адаптированном варианте ДОВСЕ не фигурирует), где разрешено лишь базовое временное развертывание. Оно, впервых, в три раза меньше по предельно допустимому объему, чем чрезвычайное; во-вторых, в данном районе (Ленинградский и СКВО, за вычетом отдельных местностей) оно может включать лишь танки и артиллерию, а число ББМ не может быть превышено при временных развертываниях и военных учениях ни на одну единицу сверх соответствующего территориального предельного подуровня.

Трудно не прийти к выводу, что на центральноевропейском направлении, казалось бы относительно спокойном после проведенных в 90-е годы сокращений вооруженных сил и вооружений, страны НАТО сознательно заре-

зервировали для себя возможность существенного усиления своих группировок, в том числе сухопутных, а это явно не укладывается в концепцию, что основная угроза исходит с Ближнего Востока. Правда, подготовка и подписание адаптированного ДОВСЕ проходили тогда, когда ближневосточная проблематика и связанная с ней угроза терроризма еще не были столь актуальными для США, как после событий 11 сентября 2001 г., однако пока слишком мало оснований утверждать, что планы Пентагона по передислокации своих сил и перемещению центра тяжести американских военных усилий из Центральной Европы в ближневосточном направлении означают решительный разрыв с моделью “холодной войны” (как можно было бы заключить из процитированного заявления заместителя министра обороны США Д.Фейта).

Помимо проблем, унаследованных от “холодной войны” и локализованных в регионе традиционной конфронтации между Востоком и Западом (Центральная Европа), американские планы создают для России множество других проблем, связанных теперь уже с “освоением” Западом постсоветских государств Закавказья и Центральной Азии. Это “освоение” включает в себя весьма существенный военный аспект. При этом сама Россия пока так и не выработала четкого отношения к военному присутствию США и их союзников на ее южных границах: с одной стороны, после терактов 11 сентября в США она сама дала согласие на это присутствие и признала, что оно необходимо для большей эффективности антитеррористических усилий. С другой – Москва не может не понимать отрицательных для нее последст-

вий долговременного пребывания сил США и других западных стран в зоне ее традиционного влияния.

Расширение пунктов временного базирования американской авиации в Киргизии и Узбекистане и продление сроков их аренды (что свидетельствует о намерении превратить их в полноценные базы) сопровождается все более амбициозными планами политического проникновения в Центральную Азию, вмешательством во внутриполитические процессы в странах региона, навязыванием ему идей “демократизации” (по образцу тех, что были разработаны для “Большого Ближнего Востока”), а это уже говорит о том, что передислокация американских сил явно не ограничивается задачами “борьбы с терроризмом”. В то же время растущее давление США и НАТО на Москву с требованием вывода российских баз из Грузии со ссылками на стамбульские договоренности (1999 г.), толкуемые весьма произвольно, говорит о том, что в ряде случаев Запад прямо заинтересован в сворачивании присутствия России в соседних с ней странах и в замене этого присутствия своим – пусть даже и в других формах.

В заключительном коммюнике стамбульского саммита НАТО (июнь 2004 г.) говорится, что условием для “ дальнейшего движения в

сторону ратификации” адаптированного ДОВСЕ является выполнение стамбульских обязательств, касающихся Грузии и Молдавии⁴. Одновременно в рамках программы евроатлантического партнерства одним из новых акцентов становится особое внимание к “стратегически важным районам Кавказа и Центральной Азии”.

В эти два региона НАТО собирается направить спецпредставителей и создать бюро связи. США значительно усиливают контакты по военной линии с Грузией и Азербайджаном и не теряют надежду на то, что к этому удастся подключить и Армению, пока еще ориентирующуюся в обеспечении своей безопасности в основном на Россию, но при этом стремящуюся расширять контакты с НАТО.

В этом контексте большое значение придается Вашингтоном урегулированию Карабахского конфликта и разблокированию армяно-турецкой границы, без которых невозможна полноценная интеграция Закавказья в американо-наторовскую военную систему.

Очевидно, что кавказско-среднеазиатский акцент свидетельствует о растущей роли этого региона в новой ближневосточной стратегии США, в том числе в вопросе о возможном размещении там американских баз, а это не может не быть предметом озабоченности России.

Примечания

¹ Transforming the U.S. Global Defense Posture. *Douglas J. Feith*, Under Secretary of Defense for Policy Center for Strategic and International Studies. Washington, DC. December 3. 2003.

² *Allen G.* “Reallocating NATO Forces in Europe. The Washington Times. April 29. 2003.

³ The next American empire Economist. March 22. 2004 (www.economist.com).

⁴ <http://www.nato.int/docu/pr/2004/p04-096e.htm>

Сбалансированное геоэкономическое развитие

Основные вопросы теории

Николай Извеков,
заметитель директора Национального
института развития Отделения экономики РАН

Причины современных трудностей в мировой экономике

Положение дел в мировой экономике в первые годы XXI в. дает основание задаться вопросом о том, насколько в действительности эффективны доминирующие ныне в мире модели экономического развития.

Например, закономерно спросить, в какой мере оправдала себя концепция “устойчивого роста” (*sustainable growth*), которая была формально принята международным сообществом в 1992 г. на экологическом форуме ООН в Рио-де-Жанейро. Предполагалось, что она станет основой стратегии обеспечения прогресса в экономической сфере для мировой цивилизации на предстоящие десятилетия. Однако ход развития мирового хозяйства в течение последнего десятилетия XX столетия и, особенно, заметное ухудшение ситуации в экономике самых развитых стран мира в самом начале XXI в. говорят о том, что концепция “устойчивого развития” остается на практике скорее красивым лозунгом.

В данном случае причина подобной неудачи, видимо, заключается в том, что эта привлекательная по форме концепция носит в значительной мере умозрительный характер, поскольку принимает во внимание лишь отдельные, реально существующие экономические обстоятельства, а отнюдь не их совокупность. Главным недостатком экономической концепции “устойчивого роста”, как и более ранней теории “пределов роста”, оказалась её сосредоточенность, прежде всего, на проблеме ограниченности потребляемых человечеством природных ресурсов и устраниении растущего экологического ущерба в результате интенсивной их эксплуатации в эпоху динамичного индустриального прогресса в XX столетии.

Однако проблемы ресурсов и экологии, будучи важными сами по себе, далеко не исчерпывают список назревших критических вопросов в мировой экономике, которые человечеству предстоит решать в ближайшие годы.

Поэтому, прежде чем пытаться изменить к лучшему положение в мировом хозяйстве, необходимо получить более полное, системное понимание того сложного комплекса социально-экономических проблем, с которыми сталкивается современный мир в начале XXI в. Из этого следует вывод, что только на основе обстоятельного научного анализа всей совокупности факторов, действующих в сегодняшнем мировом хозяйстве, возможна выработка новой эффективной стратегии, которая была бы адекватна требованиям времени.

Наряду с растущими сомнениями в обоснованности упомянутых концепций в самое последнее время все острее встает вопрос и об эффективности "фундаменталистской" модели экономического развития, которая господствует в развитых странах Европы и Северной Америки на протяжении по крайней мере двух последних десятилетий.

Эта модель специалистами по экономическим вопросам именуется по разному. В частности, для её характеристики обычно используются такие термины, как *экономический "неолиберализм"* либо *"монетаризм"*.

Некоторые экономисты-теоретики на Западе (Роберт Гилpin, США) называют это направление *"неомеркантилизмом"*, усматривая в нём определенную аналогию с самой первой школой экономической мысли, которая возникла ещё на заре формирования политической экономии как научной дисциплины в XVII в.

Несмотря на различия в названиях данная модель имеет четко выраженные исходные теоретические требования, которые представляются её приверженцами как подобия некоторых абсолютных "постулатов" или "догматов веры". Постоянно декларируются – примат "рыночных отноше-

ний" и свободного предпринимательства", а также необходимость максимального "ограничения роли государства в экономике". Однако подобная зацикленность на упомянутых абстракциях в динамичной сфере социально-экономической политики с мировоззренческой точки зрения может быть охарактеризована как проявление "монетарно-рыночного фетишизма".

Как отмечалось выше, трудности, а в первую очередь – это отсутствие заметного роста или стагнация в экономике самых развитых государств мира, определенно указывают на то, что такое положение не может быть просто результатом действий каких-то случайностей. Сам масштаб и характер наблюдаемых в мировой экономике кризисных явлений говорит о том, что за ними скрываются причины отнюдь не конъюнктурного, а системного порядка.

Обстоятельства последних лет в экономике стран Северной Америки и Западной Европы имеют некоторые специфические особенности.

Например, они возникли в самых развитых районах мира и в отраслях, считавшихся до сих пор наиболее прогрессивными и наукоемкими, то есть в сфере компьютерных технологий и телекоммуникаций.

Другой несомненный факт – это то, что экономические трудности в самых развитых регионах мира в настоящее время проявляются не в форме "существенного спада производства", столь характерного для экономических кризисов прошлого, а скорее – в виде "застоя" или отсутствия реального роста. Последнее обстоятельство отнюдь не облегчает дело, а напротив лишь осложняет поиск выхода из затянувшейся стагнации.

Парадокс нынешней ситуации в высокоразвитой экономике Запада заключается, прежде всего, в том, что в случае возникновения в ней полномасштабного кризиса правительства и деловые элиты западных стран быстро осознали бы, что неомеркантилистская модель за два десятилетия полностью исчерпала свои возможности. Видимо, это побудило бы их предпринять бы поиск более эффективной стратегии экономического развития. Во всяком случае, так обстояло дело в прошлом.

Однако, ничего подобного сейчас пока не наблюдается. Напротив, политические и экономические руководители стран Запада подходят к возникшим проблемам в экономике своих стран сугубо с конъюнктурных позиций. Об этом говорит тот факт, что предпринимаемые ими реформы в социальной и экономической сферах идут в рамках углубления той же неомеркантилистской модели. Образно говоря, они пытаются сейчас “латать Тришкин кафтан”. Таким образом, фундаменталистская неолиберальная стратегия в экономике, то есть линия на “гипермаркетизацию” (сверхрыночность) и “гиперприватизацию” (сверхразгосударствление) продолжает осуществляться на практике, несмотря на рост связанных с этим социальных издержек для населения западных стран. Например, в развитых западных государствах сейчас осуществляется демонтаж ряда элементов “государства всеобщего благоденствия”.

В основе подобной тенденции лежат две взаимосвязанные причины: ликвидация в начале 90-х годов прошлого века конкурирующей социалистической системы в Восточной Европе и СССР. Само существова-

ние такой системы подталкивало Запад к проведению более гибкой социально-экономической политики. В результате её ухода со сцены мирового хозяйства возобладало неуместное стремление крупнейших корпораций западных стран – ТНК – к максимализации прибыли.

По выражению известного американского экономиста Л.Туоро: “минимизация затрат и максимализация выручки – это и есть максимализация прибыли, в чем и заключается сердцевина капитализма”. В итоге мы имеем ситуацию в мире, когда, по мнению одного российского ученого, “не общество использует рынок, а рынок диктует свою волю обществу”.

Опыт прошлого XX столетия должен был бы подсказать, что слишком большие перегибы в социально-экономической политике приводят к крайне опасным деформациям, которые могут оказаться гибельными для любой системы.

Следовало бы, поэтому, вспомнить некоторые конкретные примеры на этот счет.

Так, политика экономического либерализма в первые десятилетия ХХ в., особенно в 20-е годы, привела к самому масштабному в истории современной промышленной эпохи экономическому кризису 1929–1933 гг.

В США этот системный кризис был, в конечном итоге, преодолен с помощью экономических реформ президента Ф.Д.Рузвельта. Это позволило сохранить в стране существующую политическую систему.

В Германии и некоторых других государствах в результате кризиса к власти пришли тоталитарные режимы.

Но и в том и другом случаях следует подчеркнуть, что роль государства в регулировании экономики значительно возросла.

Еще одним примером, правда иного рода, может служить прецедент экономического развития Советского Союза в период до и после второй мировой войны.

Многие зарубежные экономисты признали, что концентрация сил и средств в руках Советского государства, в реальности, дала возможность не только избежать последствий мирового кризиса в нашей стране, но и осуществить в тот период "мобилизационный рывок" в экономике, в первую очередь, в области развития производства средств производства – тяжелой индустрии.

Именно в 30-е годы был создан в СССР достаточно мощный промышленный потенциал. Используя его, наша страна смогла выстоять в борьбе против агрессии со стороны нацистской Германии, которая во время второй мировой войны имела в своем распоряжении ресурсный потенциал почти всей Европы.

Сосредоточение экономической мощи в руках государства также позволила, несмотря на огромные людские и материальные потери, понесенные нашей страной во время войны, возродить народное хозяйство и достичь довоенного уровня производства за сравнительно короткий срок – примерно в течение 5 лет. И это было сделано, как и в случае промышленного рывка 30-х годов, при опоре на внутренние ресурсы и фактически без привлечения заемных средств и инвестиций из-за рубежа.

Однако после завершения восстановительного периода в нашей стране остро встал вопрос о выработке новой стратегии управления народным хозяйством для его дальнейшего эффективного развития. Отражением такого поиска в области экономики явилась публикация в 1952 г. работы И.В.Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР". У этой работы характерная для нашего бурного времени судьба.

Сначала её много хвалили, разумеется, при жизни автора. После смерти Сталина, особенно, в период правления Хрущева, столь же дружно критиковали. Критики, однако, не заметили и прошли мимо самого главного тезиса этого действительно важного теоретического труда который можно рассматривать как ключевую часть его политического завещания.

Суть его заключалась в том, что в названной работе Stalin прямо подчеркнул, что при социализме сохраняется "товарное производство", а следовательно, – должны действовать и рыночные механизмы. Он полагал при этом, что последние в условиях социализма имеет ограниченный характер, поскольку существуют также области "высшей рентабельности". Возможно для многих сейчас его мысль о рыночных механизмах при социализме может показаться почти невероятной. Ведь его принято считать приверженцем и создателем "командно-административной экономической системы", которую почему-то теперь выдают за "настоящий социализм".

На самом деле, подобная система в нашей стране была порождением "мобилизационного рывка", необходимость которого была вызвана существованием и нарастанием реальной военной угрозы, что и подтвердилось в июне 1941 г. К тому же, применение командных или директивных методов и активного государственного регулирования в экономике вообще было характерно и для многих капиталистических стран во время двух мировых войн и межвоенный и восстановительный периоды в XX в.

В работе об экономических проблемах нашей страны Stalin, кото-

рому был свойственен лаконизм в выражении мысли, не уточнял в каких конкретно отраслях социалистической экономики должно быть товарное производство, а в каких следует применять принцип “высшей рентабельности”.

Видимо, он надеялся на то, что в СССР на смену ему придут политические лидеры, которые, с помощью грамотных экономистов, поймут, что сфера производства товаров массового потребления, где срок окупаемости более короткий (в пределах 5–7 лет), может быть преимущественно рыночной. С другой стороны, тяжелая промышленность, энергетика, транспорт и коммунальное хозяйство будут представлять собой отрасли, где должен доминировать принцип “высшей рентабельности”. Следовательно, именно здесь, в области производства изделий и услуг общественного назначения, в которой объективно существует более длительный срок окупаемости вложений (10 лет и более), необходимо государственное регулирование и долгосрочное планирование.

Исходная мысль автора состояла в том, что социалистическая экономика СССР должна была в дальнейшем развиваться с “опорой на обе ноги”: на централизованное планирование в области производства средств производства (группа А) и рыночные механизмы в производстве предметов массового потребления (группа Б).

К сожалению, преемники Сталина не захотели воспользоваться его завещанием. При Хрущеве, которого почему-то некоторые считают за “большого реформатора”, командно-административная система приобрела “тотальный” характер в СССР.

Например, в промышленности, был ликвидирован “кооперативный” сектор, работавший в условиях хозрасчета, а в сельском хозяйстве стали вводиться ограничения в отношении личных подсобных хозяйств, поставлявших немало продукции на реально существовавший продовольственный (колхозный) рынок. В конечном итоге это привело в дальнейшем к весьма негативным результатам для Советского государства и народа нашей страны.

С уверенностью можно считать, что изложенные выше экономические идеи, которые являлись развитием концептуальных основ “новой экономической политики” (НЭП) в СССР, предложенной в свое время Ленином, были приняты во внимание в Китае при разработке программы реформ в экономике. Разумеется, китайцы, в первую очередь, руководствовались собственным опытом, учитывали специфику своей страны.

В основе ныне успешно работающей китайской экономической модели лежит именно умелое сочетание планирования и рыночных механизмов.

Ключевую роль в этой модели играет эффект широкого использования “человеческого потенциала”. В данном случае налицо попытка “оптимизации” “человеческого фактора” в наиболее широком смысле, как физическом, так и интеллектуально-духовном отношении. Такая гуманизация экономики подразумевает, что главной целью развития должны стать не только рост производства и потребления, но и совершенствование человечества как целостной социальной общности, так и совокупности отдельных личностей. Обеспечение и общественных, и личных интересов становится возможным в случае умелого применения принципа системного баланса (пропорциональности) в социально-экономической политике.

Почему в современном мире необходима сбалансированность в экономике?

Опыт прошедшего XX столетия показал, что “правило системного баланса” следует считать одним из фундаментальных законов современной экономики. Этот подход вытекает из основополагающих законов теории политической экономии”, сложившейся к концу XIX в. Изначальным и наглядным примером “баланса” в классической экономической теории, которая основывается на том, что труд является источником всякого богатства, может служить закон “стоимости”.

Суть этого закона состоит в том, что идеальным для нормального рыночного хозяйства является достижение равного соотношения между произведенной товарной массой (“потребительной стоимостью”) и находящейся в обращении денежной массой (“меновой стоимостью”).

Развитием такого понимания является хорошо известный закон “спроса и предложения”, лежащий в основе рыночного хозяйства. В реальной жизни, однако, полного соответствия между спросом и предложением практически никогда не было и не бывает, так как товарная и денежная массы в рыночной экономике пребывают в постоянном процессе колебания относительно друг друга.

Практика экономической жизни в “промышленную эпоху” систематически показывала, что когда такие колебания достигали слишком большой амплитуды в ту либо иную сторону, наступал в одном случае “кризис недопроизводства”, сопровождаемый масштабной инфляцией (означавший образование избытка денежной массы), а в другом “кризис

перепроизводства” при заметном падении товарных цен. Неудивительно, что в результате цикличность, то есть постоянное чередование подъемов и спадов производства, была признана характерной чертой рыночной экономики.

Между тем, в последние десятилетия мир сталкивается со значительным усложнением структуры производительных сил, равно как и всей хозяйственной деятельности человечества в окружающем мире. Такая ситуация, а по сути дела создание вокруг нас “техногенной” среды, является следствием масштабного рывка научно-технического прогресса (НТП) в ХХ в.

Стремительное развитие НТП, изменив и усложнив характер труда, привело также к расширению тех сфер человеческой деятельности, которые органично теперь входят в состав производительных сил. Характерно, что они нуждаются в долгосрочном инвестировании, на которое способно только современное государство.

В числе таких отраслей следует назвать науку, особенно фундаментальную, образование и культуру, поддержание здоровья людей и охрану природы или обеспечение экологической безопасности.

Все эти сферы имеют стратегический социально-экономический характер и требуют вложений, рассчитанных на длительный период окупаемости. В силу этих причин их следует считать отраслями “пострыночной” метаэкономики.

Возникновение этого растущего сектора объективно ведет к усилению регулирующей роли государства в

экономике и, соответственно, к необходимости в проведении сбалансированной политики для обеспечения базисных социальных интересов.

Как показывает опыт некоторых азиатских стран, умелое применение методов “сбалансированного развития”, основанного на сочетании государственного планирования и рыночных механизмов, позволило им за сравнительно короткий период времени во второй половине XX в. добиться впечатляющего прогресса в развитии производительных сил, обеспечить динамичный рост производительности труда, достичь на этой основе быстрого прогресса в социальной и культурной жизни. По ряду ключевых показателей эти страны приблизились к уровню развитых стран.

Конкретным образцом такой быстро развивающейся страны может служить Китай, который за два последних десятилетия прошлого века превратился в одного из крупнейших в мире производителей многих видов промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Хотя принцип “системной сбалансированности” по своей природе достаточно универсален и может применяться во многих сферах человеческой деятельности, в максимальной степени он необходим в области экономической деятельности, особенно на верхних этажах экономики, то есть на макро- и метауровнях народного хозяйства.

В сфере прикладной экономики применение принципа сбалансированности, может надежно опираться на методы математического моделирования (эконометрики). Правда, до настоящего времени такие модели применялись главным образом в сфере экономической активности на

относительно низких уровнях, то есть применительно к отдельным промышленным предприятиям или корпорациям либо отраслям народного хозяйства (уровни микро- и мезоэкономики).

Хорошо известны эконометрические модели, разработанные Василием Леонтьевым (схема “затраты – выпуск”, “*input-output*”) и Леонидом Канторовичем (метод “линейного программирования”).

В нашей стране в свое время также получил известность метод “межотраслевых балансов”, применявшийся при составлении общегосударственных планов развития народнохозяйственного комплекса Советского Союза.

В начале XXI в. приходиться все чаще обращаться к проблеме обеспечения “сбалансированности” в экономике именно потому, что сейчас мы наблюдаем нарастание диспропорций, как в мировом хозяйстве, так и в национальной экономике многих стран. Такие диспропорции могут порождаться различными причинами и поэтому имеют многообразные проявления.

Самым наглядным примером подобных “деформаций”, возникающих в современной экономике, является существующая ныне гигантская диспропорция между огромной массой обращающихся в мире денежных средств и реальным товарооборотом в мировой торговле. Реалистически мыслящие экономисты согласны с тем, что подобная диспропорция сама по себе таит в себе опасность серьезной дестабилизации в мировом хозяйстве.

Однако дело не ограничивается только одной угрозой экономической нестабильности. Мировая практика экономической деятельности на протяжении последних десятилетий показала, что возникновение дис-

пропорций как в экономике в целом, так и в отдельных ее отраслях, приводит к появлению “феномена (правила) убывающей продуктивности” в экономической деятельности. Он может иметь самые разнообразные проявления. Но в обобщенном смысле “убывающая продуктивность” означает относительные и абсолютные потери в массе совокупного общественного потребительского продукта (СОПП). Он может иметь количественное выражение наряду с качественными характеристиками.

В реальной жизни потребительский продукт может сокращаться при росте денежной массы, в частности, прибыли. На деле это приводит к базисной инфляции, которая, в свою очередь, порождает растущую нестабильность в экономике, в том числе и в финансовой сфере. Среди прочих проявлений феномена “убывающей продуктивности” специалисты по экономике называют также ухудшение качества продукции у некоторых крупных корпораций, работающих на мировой рынок. К потерям качества ведут необоснованные попытки корпораций сокращать производственные издержки.

Можно вспомнить, что еще недавно попытки сократить издержки в сельском хозяйстве ряда стран Запада привели к возникновению эпидемии “губчатого энцефалита” (коровье бешенство) и ящура.

В итоге были забиты миллионы голов скота, а фермерские хозяйства понесли громадные убытки.

Из сказанного следует, что обеспечение поступательного экономического развития в течение сколько-нибудь длительного периода времени, зависит от того, в какой мере соблюдается в экономической политике основополагающий принцип “сбалансированности” (“пропорциональности”) на различных уровнях хозяйственной деятельности.

Опыт многих стран также указывает на то, что нарушение “сбалансированности” даже в течение некоторого времени может иметь своим результатом не просто снижение продуктивности в макроэкономике или на отраслевом уровне. В определенных случаях оно способно вызывать серьезные экономические кризисы в масштабах целой страны либо группы стран и сопровождаться социальными потрясениями.

Основные виды баланса в экономике

В последнее время об “эффективности” экономической деятельности в мировой экономике принято судить по совокупному стоимостному показателю – “валовому внутреннему продукту” (ВВП), который заменил ранее применявшееся понятие “национальный доход”. Разумеется, стоимостной показатель необходим с точки зрения обобщенной оценки взаимодействия различных систем и процессов в экономике. Но нельзя

забывать, что реально в народном хозяйстве потребляются не деньги, выполняющие различные функции в процессе рыночного оборота, а конкретные виды товаров и услуг.

С позиций классической политэкономии любой товар или товарная масса должны обладать не только “меновой” или рыночной стоимостью, но и обязательно иметь определенные качественные и количественные характеристики, то есть “потреб-

бительную стоимость”. В свое время, правда, считалось, что вопросы, связанные с качеством товаров должны рассматриваться в основном в рамках специальной дисциплины – товароведения.

Это суждение было в целом обоснованным на первых этапах “великой промышленной эпохи”. Стремительный НТП повышает роль качественных характеристик развития материального производства. Последние приобретают все более важную роль с точки зрения более полной и правильной оценки развития уровня экономической базы современного общества.

Из такой особенности вытекает, что в нынешних условиях категория “потребительной стоимости” должна стать не менее важным объектом интереса со стороны экономической науки, чем “рыночная (меновая) стоимость”. Следовательно, категория “потребительной стоимости” должна обрести свою собственную шкалу оценок, или экономических показателей. В определенной мере подходящим может быть *показатель “совокупного общественного потребительного продукта”*.

Необходимо иметь в виду то обстоятельство, что в реальной жизни денежная масса всегда более подвижна и подвержена быстрым и значительным колебаниям. По своей природе деньги способны обращаться во много раз быстрее, чем товарная масса или продукты материального производства. Кстати, внедрение в последние десятилетия информационных технологий способствовало ускорению обращения денежных средств в глобальном масштабе. Именно с таким ускорением прогресса в области информатики тесно

связан и процесс нынешней “глобализации”. Но значительно в меньшей мере “рывок” в информационных технологиях повлиял на скорость оборота товаров, производимых в традиционном материальном производстве.

Мировая практика экономической деятельности также указывала на то, что скорость оборота капитала в денежной форме прямо влияет на масштабы получения прибыли.

Налицо, таким образом, существование прямой зависимости: чем быстрее оборот капитала, то есть период полной окупаемости затрат, тем больше прибыль. Неудивительно, поэтому, что секторы экономики, имеющие в силу своей природы более быструю оборачиваемость средств, например, финансово-банковское дело и торговля, традиционно считались, да и продолжают рассматриваться, как наиболее “прибыльные”.

В действительности, скрытая от наших глаз суть данного феномена заключается в том, что именно через услуги финансово-банковской и торговой деятельности в современной рыночной экономике реализуется большая часть прибыли (прибавочной или вновь созданной стоимости), которая на самом деле создается в секторах материального производства, то есть, прежде всего, в промышленности и сельском хозяйстве.

В данном контексте необходимо вспомнить, что в свое время, основываясь на этом бесспорном факте, выдающиеся экономисты, XVIII–XIX вв. сформулировали “*теорию трудовой стоимости*”, поскольку обоснованно полагали, что именно труд, то есть сфера материального производства, является действитель-

ным “источником всякого богатства”.

Следовательно, в основе классической политической экономии лежит понимание того факта, что подлинный рост “богатства народов” зависит, в конечном итоге, от развития материального производства, то есть определяется достигнутым уровнем и темпом развития производительных сил и создания товарной массы и различных услуг. К такому пониманию сводится фундаментальная истина “классической политической экономии”. Однако, реальная практика в истории развития мировой экономики оказалась гораздо более сложной и противоречивой.

Экономическая история мира за прошедшие 300 лет становления современного рыночного хозяйства, включая сюда и 200 лет “великой промышленной эпохи”, знает немало случаев серьезных потрясений или “кризисов”.

При внимательном анализе этих эпизодов экономической истории оказывается, что практически во всех случаях причиной таких явлений оказывался слишком большой разрыв между запущенной в обращение денежной массой и достигнутым уровнем материального производства.

Первым классическим примером финансового краха в истории “нового времени” могут служить события во Франции и Англии в 1720 г., которые были связаны с деятельностью известных финансовых авантюристов Ло и Бланта. Тогда сильно пострадали не только финансовый и торговый сектора, но и масса реальных товаропроизводителей в этих странах.

В “промышленную эпоху”, которую принято отсчитывать начиная примерно с 1800 г., также имели место несколько крупных кризисов, которые принято считать кризисами “перепроизводства”.

Но если внимательно присмотреться к конкретным обстоятельствам, сопровождавшим эти кризисы, то становится ясным, что “перепроизводство” промышленной и сельскохозяйственной продукции во время кризисов было “относительным”.

В действительности, сужение внутреннего рынка в период кризисов во многих странах мира было обусловлено, главным образом, уменьшением платежеспособного спроса на товары со стороны основной массы населения.

Помимо крупных кризисов наблюдались многие менее серьезные “заминки” или “рецессии” в экономическом развитии. Поэтому в классической политэкономии признается, что цикличность является отличительным признаком рыночной экономики, в которой периоды роста чередуются с периодами “замедления” или “спада” производства. На цикличность экономического развития обратили внимание экономисты-исследователи еще в XIX столетии.

Это произошло примерно в середине позапрошлого века после большого кризиса 1858–1859 гг., который охватил в тот период группу наиболее развитых в промышленном отношении стран Европы и Северной Америки. По мнению некоторых исследователей более позднего периода именно данный кризис ознаменовал завершение первого этапа “великой промышленной эпохи” – “века пара”.

Однако исторически наиболее запомнившимся, можно сказать классическим примером крупного мирового экономического кризиса, явилась “великая депрессия” 1929–1933 гг. Первым симптомом начала этого кризиса был “обвал” курса акций на крупнейших фондовых биржах мира. Причина падения акций заключалась в том, что сложившиеся на биржах цены на акции большинства фирм оказались слишком оторванными от реального уровня развития производительных сил и производимого в большинстве стран мира материального продукта.

Однако, вскоре потрясения, начавшиеся в финансовой и банковской сфере, сказалась на материальном производстве.

Там из-за нарушения инвестиционного процесса и сокращения оборотных средств происходили массовые увольнения работающих. Они привели к огромной безработице во многих странах, которая в свою очередь вызвала существенное сужение внутренних рынков.

Ситуация на мировом рынке в тот период была усугублена принятием многими странами протекционистских мер против импорта товаров из-за рубежа, что привело фактически к подрыву международной торговли и к возникновению тенденций к "автаркии" в ряде государств, то есть к замкнутости экономической деятельности в пределах национальных границ. Кризис 1929–1933 гг. сопровождался не только заметным падением производства, но потрясениями социально-политического характера.

Например, на гребне этого кризиса к власти в Германии, Японии и некоторых других странах пришли тоталитарные, диктаторские режимы.

Выход из этого кризиса для многих стран оказался болезненным, поскольку потребовалось широкое применение "методов мобилизационной экономики". В Соединенных Штатах Америки, которые уже в 20-е годы прошлого столетия считались самой развитой в экономическом отношении страной мира, мобилизационная модель в экономике применялась на всем протяжении пребывания на посту президента Ф.Д.Рузвельта (1933–1945 гг.). Официально проводимая Рузвельтом социально-экономическая политика называлась программой "нового курса" ("new deal").

Отличительными чертами данной программы в условиях традиционно рыночной Америки было широкое применение государственного регулирования, включая прямое бюджетное финансирование промышленности за счет увеличения государственного заказа как для нужд обороны страны, так и для осуществления крупных целевых программ по строительству автодорог, гидроэлектростанций, иных объектов инфраструктуры.

Ярким примером такого рода программ может также служить "проект Манхэттен" – создание "атомной бомбы", который привел также к появлению ядерной энергетики.

В результате политики "нового курса" США к середине 40-х годов XX в. сумели практически удвоить свой производственный потенциал. Правда, не надо забывать о том, что во второй мировой войне территория США, в отличие от Советского Союза, многих европейских стран и Японии, разрушениям не подвергалась. Поэтому в первые годы после второй мировой войны на долю Соединенных Штатов приходилось свыше 50% промышленного производства всего мира.

Теоретической основой рузвелтовского "нового курса" в сфере экономики явились концепции выдвинутые видным британским экономистом Дж.М.Кейнсом. При подготовке конкретных проектов использовались также эконометрические модели, разработанные русским экономистом В.Леонтьевым, который переселился в США в 20-е годы прошлого века. За эти разработки В.Леонтьеву в свое время была присуждена Нобелевская премия.

Помимо классических циклов рыночной экономики, связанных с явлениями конъюнктурного порядка, с колебаниями соотношения между денежной и товарной массой, существуют также большие "технологические" циклы, которые в честь их первооткрывателя называются "циклами Кондратьева". В отличие от обычных, то есть конъюнктурных циклов, периодичность которых колебалась в пределах от 6 до 10 лет, "технологические волны" Кондратьева могут длиться несколько десятилетий, примерно – 50–60 лет.

Автор концепции "больших циклов" или "длинных волн" профессор Н.Д.Кондратьев разъяснил причину их возникновения следующим образом: "Длительность функционирования различных создаваемых хозяйственных благ и производительных сил раз-

лична. Равным образом для их создания требуется различное время и различные средства. Как правило, наиболее длительный период функционирования имеют основные виды производительных сил. Они же требуют и наибольшего времени, и наибольшего аккумулирования капиталов для их создания.

...Понижение темпа хозяйственной жизни обуславливает, с одной стороны, усиление поисков в области усовершенствования техники, с другой – восстановление процесса аккумуляции капитала в руках промышленно-финансовых и других групп в значительной мере за счет сельского хозяйства.

Все это создает предпосылки для нового подъема большого цикла, и он повторяется вновь, хотя и на новой ступени развития производительных сил¹.

Из приведенного разъяснения признанного во всем мире экономиста ясно видно, что “большие циклы” обусловлены внедрением новых технологий, радикально влияющих на уровень развития основных видов производительных сил¹.

Исходя из теории “длинных волн” Кондратьева американский исследователь Дж.Рифкин пришел к выводу, что за 200-летний период “великой промышленной эпохи”, начавшейся примерно с 1800 г., человечество прошло через три таких “технологических цикла” продолжительностью 60–70 лет.

Третий “большой цикл” “великой промышленной эпохи” завершается ныне на наших глазах в самом начале XXI в. Дело, конечно, не в какой-

то хронологической предопределенности этих “длинных волн”. Глубинная причина их возникновения состоит в том, что в течение такого цикла происходило широкое внедрение вначале одной, а затем и нескольких новых промышленных технологий, которые и обеспечивали реальные “прорывы” в развитии производительных сил и экономики в целом.

Разумеется, появление таких “революционных” технологий оказывалось возможным только на основе широкого практического использования многих научных открытий в самых различных сферах. Это обстоятельство дает основание считать современную науку составной частью производительных сил.

Именно достижения науки создавали предпосылки для тех подлинных “скачков” в производительности труда. ХХ столетие можно смело назвать веком “научно-технической революции” и полномасштабной “индустриализации”, когда были широко внедрены в производство технологические достижения предшествующего XIX в., например, электричество, двигатели внутреннего сгорания, радиосвязь, но и сделаны многие другие открытия также вошедшие в массовое употребление – летательные аппараты, ядерная энергия, автоматика, робототехника и киберинформатика.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что современная мировая экономика в очередной раз вступает в переходный период перед началом новой фазы своего технологического и социального развития.

Важный вопрос, однако, заключается в том, каков будет характер подобного перехода?

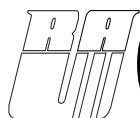
Будет ли он сопровождаться социально-политическими потрясениями в различных странах и военными конфликтами, как это уже бывало в про-

шлом, в частности в XIX и XX веков? Или же удастся обеспечить сравнительно мирный способ перехода на новый уровень развития.

Ответы на данные вопросы будут определяться тем, в какой мере правящие элиты ведущих стран мира сумеют правильно оценить складывающуюся обстановку и, отказавшись от нынешних либерально-рыночных догм в экономической политике, выработать и приступить к реализации новой парадигмы глобального экономического и социального развития, более соответствующую возникающим реалиям XXI столетия.

Примечание

¹ Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры. Тезисы доклада // Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. С. 224.

OБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail:observer@mail.magelan.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- журнал «Обозреватель-Observer» (1992–2004 гг.);
- «Современная политическая история России», состоящая из двух CD-дисков: «Хроника» (1985–2004 гг.) и «Лица» (биографические сведения о 30 тыс. персонажей, представляющих политическую, научную, культурную и деловую элиту страны);
- электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 5 томах;
- информация и аналитика.

Отношения государства и бизнеса*

Концессии как одна из форм партнерства в ЖКХ

Ирина Бородычева,
аспирант Российской академии
государственной службы

По мере перехода к рыночной экономике в нашей стране начала складываться новая институциональная структура хозяйства, осуществляются кардинальные изменения в системе экономических отношений государства и частного сектора. За последние годы существенно сократился в экономике государственный сектор, а функции управления важнейшими объектами жизнеобеспечения стали постепенно передаваться частному бизнесу. Эйфория первых лет реформирования отношений государства и частного сектора – рэйганомика, тэтчеризм (80–90-е годы), шоковая терапия в нашей стране (90-е годы) постепенно сменилась трезвыми оценками возникших трудностей.

В современном понимании хозяйственное партнерство государства и частного сектора представляет собой институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом для реализации общественно значимых проектов во всех сферах экономики.

Система партнерских отношений между государственным и частным секторами является одним из основополагающих элементов теории смешанной экономики. Необходимость ее создания вытекает из двух постулатов либеральной концепции развития:

- соответствие между формированием институтов частной собственности и процессом ускорения экономического роста;
- более высокой производительности и эффективности экономики, основанной на частной собственности в сравнении с хозяйством, базирующимся на государственной собственности и прямом государственном управлении.

Согласно либеральной концепции, экономический эффект от партнерства государственного и частного секторов состоит в том, что общество должно получать более качественные товары и высокий уровень обслуживания при сокращении издержек.

---

* Работа выполнена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда № 03-02-0010а.

Существует множество классификаций разновидностей, форм, типов и видов партнерств государства и бизнеса в хозяйственной сфере. В качестве критериев отнесения к той или иной структурной группе обычно выступают отношения собственности (владение, пользование, степень зависимости от государства, в первую очередь, в вопросах финансирования и разделения рисков и другие параметры). К основным видам партнерства следует отнести систему контрактных отношений, соглашения о разделе продукции, арендные отношения, лизинг, совместные предприятия. Во всех вышеперечисленных формах государство активно вмешивается в текущую инвестиционную, производственную и административно-хозяйственную деятельность сотрудничающих фирм, а в партнерствах – в форме участия в капитале – государство присутствует постоянно.

Большой исторический опыт в области партнерств государства и частного сектора, развитая и сравнительно легко адаптируемая институциональная среда позволили развитым странам довольно эффективно начать в 90-х годах отработку новых механизмов партнерства, обеспечивающих увеличение значения частного сектора в развитии производств, традиционно находившихся в государственной собственности.

Концессионные отношения

Концессионная форма управления как элемент управления активами государства является одной из главных форм управления предприятиями в современных условиях.

Концессионные соглашения являются контрактной формой. Основное отличие от административных контрактов в том, что концессионер привносит в производство свои собственные активы. Он несет инвестиционный и коммерческий риски в оговоренных в концессионном договоре пределах в течение длительного периода.

Кроме того, по соглашениям о разделе продукции партнеру государства принадлежит только часть произведенной продукции, а в концессиях концессионер является собственником всей выпущенной продукции. Даже если согласно концессионному договору государство получает часть налогов и других платежей, например, концессионных, в

натуральном виде, то это не раздел продукции, а только замена одной формы расчетов другой, более удобной и устраивающей обе договаривающиеся стороны.

В концессиях вся произведенная продукция принадлежит концессионеру на правах собственности.

Концессия в большинстве случаев предполагает аренду, но не сводится к ней. Концессия распространяет свое действие только на объекты публичного права: государственную и муниципальную собственность, природные ресурсы, публичные службы и виды деятельности, на которые имеется государственная монополия.

Следует также отметить огромное преимущество концессионных отношений перед приватизацией государственной собственности.

При приватизации государство изолируется от экономической деятельности. При концессионировании государство передает частному бизнесу часть экономических, организационных, управленических функций в отношении государственных объектов или права владения государственной собственностью на строго определенное время и

согласованных концедентом и концессионером условиях.

При концессионных отношениях государство сохраняет определенную хозяйственную активность. Его деятельность рассматривается как проявление государственного вмешательства и контроля за экономическими процессами.

В экономической практике западных стран концессии часто трактуются в расширенном смысле как полу-приватизационная форма разгосударствления (*semi-privatization*).

Трактовок понятия "концессия" в современной отечественной и зарубежной научной литературе и нормативных документах множество, в первую очередь, благодаря многоаспектности концессионных отношений и, как следствие – отражением в каждом из определений лишь отдельных сторон.

В странах ЕС, где модели управления государственным имуществом близки и концессионное законодательство насчитывает более чем вековую историю, имеются существенные различия в трактовке понятия. Это отмечается, в частности, в новых правилах Общего рынка, принятых Еврокомиссией (декабрь 1999 г.). В соответствии с директивой ЕС 93/37/EEC дано определение концессии как "акта передачи общественной властью находящихся в ее собственности объектов инфраструктуры или других общественных служб третьей стороне для осуществления управления ими при условии принятия последней на себя предпринимательского риска и обязанностей по эксплуатации оборудования"1.

Различия в трактовке понятия "концессия" в разных странах определяются несколькими факторами: законодательными традициями отдельных стран, правовой природы концессий, уровнем развития хозяйственного права, степенью ориентированности закона о концессиях на привлечение зарубежных инвестиций.

В общем контексте под концессией понимается система отношений, при которой государство или муниципальное образование (концедент) для достижения общественно значимых целей передают концессионеру – физическому или юридическому лицу – право осуществлять (как правило, на договорной основе) некоторые из своих функций по владению, пользованию, а при определенных условиях и распоряжению государственной и, соответственно, муниципальной собственностью в течение срока действия концессионного договора.

В более утилитарном смысле концессия представляет собой передачу концессионеру объекта государственной (муниципальной) собственности для строительства, модернизации, реконструкции, эксплуатации, управления, обслуживания и т.д. на определенных, закрепленных в договоре условиях и в соответствии с концессионным законодательством.

Отношения, в которые вступают концессионер и концедент, имеют множество измерений, действуют постоянно и могут принимать самый различный оборот в продолжение концессии.

В период либерализации экономики концессионный механизм стал важным инструментом экономической политики государства более чем в 120 странах мира. В этих странах концессии признаны как один из главных инструментов институциональных реформ в отраслях производственной инфраструктуры: транспортной, ЖКХ, электроэнергетике, недропользовании и других.

Из зарубежного опыта можно сказать, что концессии раньше находили применение преимуществен-

но в недропользовании, но в 90-е годы в концессию стали передаваться и иные объекты государственной собственности. Особую и возрастающую роль эта форма хозяйствования начинает играть в отраслях производственной инфраструктуры, составляющих основу систем жизнеобеспечения экономики и общества, традиционно находившихся в государственной собственности: электроэнергетике, водном транспорте, коммунальном хозяйстве, магистральной транспортировке газа и нефти и т.п. Распространение концессий на новые сферы и совершенствование их хозяйственного механизма – главная характерная черта развития концессий в настоящее время.

Другая особенность современных концессий заключается в существенном расширении географических границ их использования.

Концессии представляют собой во многих случаях успешный вариант преодоления противоречия между свободным рынком и прямым государственным управлением в условиях перехода от централизованной экономики к рыночной. В отечественной практике переход от централизованной экономики к рыночной был осуществлен за счет приватизации. На Западе пошли не по пути приватизации государственной собственности, а по пути ее передачи в частные руки на основе концессионных соглашений. Механизм концессий является целостным, универсальным с точки зрения предмета концессии, позволяет решать многие стоящие перед государством экономические проблемы, в первую очередь, поиска альтернативных бюджетным источникам инвестиционных ресурсов и повышения эффективности управления.

Специфика концессионных проектов и их направленность на долгосрочное владение и пользование государственной и муниципальной собственностью определяют характерные особенности концессионных отношений:

- наибольшую свободу частного предпринимательства в сравнении с другими формами партнерства государства и частного сектора;
- возвратность и платность предмета концессии;
- разделение и перераспределение рисков между концедентом, концессионером и инвесторами;
- выработку особых схем минимизации рисков в рамках проектного финансирования на различных стадиях инвестиционного и эксплуатационного периодов;
- регулирующую роль государства, регламентированную концессионным законодательством и договором концессии.

Создание в развитых странах новых партнерств государства и частного сектора, в том числе в концессионной форме, происходит эволюционно без резких изменений в отношениях собственности.

Приватизация, по мнению западных экономистов, не является приоритетом в процессе либерализации экономики. В развитых странах в процессе экономической либерализации остаются те же формы собственности (частная, общественная, смешанная), которые существовали до либеральных реформ. Либерализация открыла возможность иностранному капиталу для масштабных инвестиций в эти страны в форме концессий. Представляя на конкурсной основе концессии иностранным компаниям, государство не теряет суверенитета над

своей территорией и сохраняет контроль за концессионером.

В практике зарубежных стран все более широкое развитие получают соглашения, заключаемые государственными и муниципальными структурами с частными фирмами на управление системами водоснабжения и канализации².

При заключении концессионных соглашений предполагалось, что частные компании под общественным контролем не будут злоупотреблять своим монопольным положением.

Однако в рамках большинства концессионных соглашений за последние 10 лет этих целей добиться не удалось.

Одной из наименее эффективных систем регулирования является британская система, где органы регулирования обладают лишь ограниченными полномочиями, чтобы потребовать раскрытия финансовой отчетности, они не могут проводить общественные слушания и не имеют особых рычагов воздействия, чтобы добиться проведения социально ответственной политики.

Но есть и более положительные примеры.

За последнее десятилетие транснациональные корпорации и другие стороны настоятельно рекомендовали использовать "французскую модель", в соответствии с которой частным компаниям предоставляются монопольные концессии на 30 лет. Однако, как показывает реальный опыт, такие концессии постоянно сопровождаются одними и теми же проблемами, которые необходимо устранять.

Но есть и более положительный опыт.

За последнее десятилетие во многих развитых и развивающихся странах произошли значительные изменения в механизме и качестве работы "портового хозяйства. Рост объемов контейнерных перевозок многоократно уменьшил стоимость обработки грузов, но одновременно с этим потребовал крупных инвестиций в машины и оборудование (подъемные краны, терминалы, подъездные пути и т.д.). Строительство больших специализированных судов по доставке контейнеров, наливных и насыпных грузов создало дополнительный спрос на инвестиции в развитие портовой инфраструктуры. Для того чтобы повысить эффективность портового хозяйства, необходимо было развивать также системы связи, безопасности, повышать качество обслуживания. Все эти технологические сдвиги происходили в условиях либерализации экономики, сокращения государственного финансирования и приватизации.

В 1990–2000 гг. только развивающихся странах, было реализовано 169 проектов по развитию портов с участием частного капитала. Суммарные инвестиции в такие проекты составили более чем 16 млрд. долл. США.

Примерно 79% из общего числа реализованных на партнерской основе проектов представляют собой концессии: либо традиционные концессии на строительство, управление и эксплуатацию (77 проектов), либо только на строительство (56 проектов). Из числа других форм партнерства следует выделить контракты на управление без инвестиционных обязательств со стороны частного сектора (23 проекта в Таиланде, Республике Корея и других странах) и совместные предприятия (13 проектов). По стоимости концессии составили 97% всех средств, вложенных частным сектором в развитие портов³.

Концессии в 120 странах опережают все другие формы партнерства, в том числе и совместные частно-государственные предприятия по количе-

ству трансакций, объему привлеченных частных инвестиций и т.п.

Концессии в России

Для России концессионная модель партнерства государства и частного сектора является исторически, экономически и социально приемлемой, соответствует менталитету нации, хозяйственному укладу и современному этапу развития страны. Элементы, параметры и составные части этого механизма формируются в России с опозданием по сравнению с экс-социалистическими странами и странами СНГ примерно на 10 лет. Россия должна, исходя из фундаментальных принципов партнерства государства и частного сектора и с опорой на свой исторический и зарубежный опыт, создавать собственные схемы и модели концессий, которые будут опираться на национальные традиции, находиться в неразрывной взаимосвязи с адекватным им государством, судебно-правовым и общественным устройством.

Российскому государству необходимо перейти к стратегическому партнерству с частным сектором, формировать такой экономический порядок и систему отношений, которые бы обеспечивали и гарантировали будущее страны. Его силы должны быть направлены на институциональные преобразования, обеспечивающие рациональное сочетание свободной конкуренции с мерами государственного регулирования и обеспечения интересов общества и его будущих поколений. Концессии являются одним из таких инструментов.

Дореволюционная Россия принадлежала к числу стран, имеющих

наиболее богатый опыт концессионной деятельности в различных отраслях и сферах экономики.

Строительство в стране железных дорог происходило на концессионной основе. Коммунальное хозяйство в уездных и губернских городах в XIX и начале XX в. отдавалось в концессию частным предпринимателям.

И связано это было со строительством железных дорог.

При строительстве железных дорог благодаря мобилизации на концессионной основе свободных капиталов всех слоев общества были обеспечены небывалые темпы строительства: почти 1 тыс. км в год.

Первые крупные концессии были выданы правительством в 1859 г. фон Дервизу и ряду других предпринимателей на постройку железной дороги от Москвы до Саратова через Рязань и Моршанска с ответвлением участка на Пензу, для чего было создано несколько акционерных обществ. Уже через 2 года строительство магистрали Москва – Коломна было завершено, и линия введена в эксплуатацию.

Проект постройки железной дороги Рязань – Саратов представляет значительный интерес и для современной российской экономики, поскольку при разработке планов этой концессии фон Дервизом предлагались различные схемы финансирования, аналоги которых могут быть использованы и в настоящее время.

Выпущенные фон Дервизом облигации были реализованы в Германии на Берлинской и Франкфуртской биржах, хотя и за высокие комиссионные, в Англии же акции, что называется совсем "не пошли", но фон Дервизу удалось разместить их среди российских предпринимателей. В результате необходимые деньги были собраны, дорога в кратчайшие сроки построена и введена в эксплуатацию, а реальная доходность ее оказалась значительно выше ожидаемой.

При формировании заемного капитала фон Дервиз, германские и российские банкиры и предприниматели ориентировались на 5%-ю гарантию дивидендов. Реальность же превзошла все ожидания. Как следствие, курс акций компании резко подскочил, и в

России начался ажиотажный бум концессионного железнодорожного строительства.

Концессии в железнодорожной отрасли дали толчок для развития паровозостроения, вагоностроения, металлургии, угольной и нефтяной промышленности.

Однако отсутствие в стране хорошо подготовленной правовой, контрольно-ревизионной, технико-экономической и информационной базы предопределило последующее свертывание концессий в железнодорожной отрасли.

В начале 20-х годов в период НЭП концессии пришли в Советский Союз.

В результате первой мировой и гражданской войн Советская Россия оказалась в тяжелейшем экономическом положении. Промышленность и сельское хозяйство были практически разрушены. Кризис охватил все отрасли и сферы экономики страны. Начало мирного строительства и недовольство населения политикой "военного коммунизма" вынудило Советское правительство осуществить поворот и пойти на быстрое развитие рыночных отношений.

Новая экономическая политика, провозглашенная в 1921 г. X съездом РКП(б), представляла собой систему мероприятий, направленных на быстрое восстановление и развитие хозяйства страны. Наряду с развитием государственных предприятий создавались смешанные общества, стимулировалось появление частных, мелких фирм, разрешалась сдача в аренду частному капиталу мелких предприятий.

Острая нехватка материальных и сырьевых ресурсов, ограниченность имеющихся в распоряжении государства капиталов и кредитных возможностей вынуждали правительство искать альтернативные, а в тот исторический период, в первую очередь, зарубежные источники финансирования промышленности. Страна была заинтересована в использова-

нии иностранного капитала в тех отраслях, где трудно было поднять производство своими силами, например, в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности.

Основываясь на богатом опыте концессий конца XIX – начала XX вв., в ряде отраслей и производств было отдано предпочтение концессионной форме. Тогда именно концессии являлись наиболее органичной и плодотворной формой хозяйствования во многих секторах, в первую очередь материально-энергетических, базовых и общественно значимых отраслях.

В.И.Ленин в развитии концессионной деятельности видел одну из необходимых главных задач советского правительства. Он отмечал: "...если мы не сумеем провести политику концессий и привлечь иностранный капитал к концессиям, то нечего говорить о серьезных практических мероприятиях для улучшения хозяйственного положения, если отказаться от предрассудков, от местного патриотизма".

Учитывая (пользуясь современной терминологией) катастрофически низкий инвестиционный рейтинг Советской России после гражданской войны, Ленин готов был идти на то, чтобы концессионер платил государству всего 2–3% произведенной продукции, а остальное получал в виде прибыли. Только так можно было привлечь в тогдашнюю Россию инвестиции.

В итоге, за период 1922–1927 гг. в Советскую Россию поступило 2211 концессионных предложений, из которых 163 реализовались в соглашениях. В рамках концессий уже через два года после провозглашения НЭП в европейской части России функционировало более 3,3 тыс. промышленно-кустарных предприятий.

Треть намеченных планом ГОЭЛРО инвестиций (6 из 17 млрд. руб.) предполага-

лось получить за счет обращения к иностранному капиталу в форме концессий и долгосрочных кредитов.

Концессии действовали в основном в горнорудной промышленности, машиностроении, авиастроении, на транспорте и других.

Иностранный капитал охотно шел в российскую экономику. На его долю приходилось от одной трети до половины всех новых инвестиций в индустриализацию страны. Широкое привлечение иностранных фирм сопровождалось использованием передовых технологий и оборудования.

21 августа 1923 г. был издан декрет об учреждении Главного Концессионного Комитета (ГКК) при СНК СССР, как основного государственного органа по вопросам концессий в стране. Одновременно были созданы также концессионные комиссии при СНК союзных республик и при торгпредствах в Берлине и Лондоне.

ЖКХ сегодня

Степень развития коммунального хозяйства непосредственно влияет на качество жизни, здоровье и уровень благосостояния населения.

Качество проживания в значительной мере определяется надежностью работы систем инженерного оборудования селитебных территорий – водоснабжения, теплоснабжения, электроснабжения и т.д. Только их ритмичная и безаварийная работа может обеспечить нормальные условия проживания семей. Задача поддержания в рабочем состоянии сетей и головных сооружений инфраструктуры, обслуживающей городское население, выходит на уровень проблем национальной безопасности.

За годы реформ в коммунальном хозяйстве износ инженерного оборудования достиг 73%; инженерных сетей – 65%; исчерпа-

ли нормативные сроки службы более 32% котлов; 28% систем, работающих под высоким давлением; 23% трубопроводов пара.

Потери тепла при эксплуатации энергетического оборудования и систем теплоснабжения достигают 60% при норме 16%.

Количество аварий и нарушений в работе коммунальных объектов выросло за последние 10 лет в 5 раз. В год в среднем происходит 200 аварий на 100 км сетей теплоснабжения⁴.

В отопительном сезоне (зима 2002–2003 гг.) произошло более 1500 инцидентов и отказов в системах теплоснабжения городов и населенных пунктов. Зарегистрировано 75 чрезвычайных ситуаций и крупных аварий на объектах ЖКХ в 38 субъектах Российской Федерации, что на 21% больше, чем в 2002 г.

Не погашается задолженность федеральных ведомств за коммунальные услуги, объем которой составляет около 5 млрд. руб. Более того, Минфином России при формировании федерального бюджета на 2003 г. затраты на коммунальные услуги министерств и ведомств определялись с учетом индексации базовых назначений, которые, как правило, ниже фактически сложившихся, что приводит к росту задолженности.

“Планово-предупредительный ремонт сетей и оборудования систем водоснабжения коммунальной энергетики полностью уступил место аварийно-восстановительным работам, единичные затраты на проведение которых в 2,5–3 раза выше, чем затраты на плановый ремонт таких же объектов. Это еще более усугубляет нехватку ресурсов, ведет к... падению надежности... Из-за повышенного загрязнения водисточников традиционно применяемые технологии обработки воды стали в большинстве случаев недостаточно эффективными и не всегда обеспечивают подачу населению питьевой воды, соответствующей по качеству санитарным нормам. Более 40% подаваемой в сеть воды не соответствует санитарным требованиям...

Срочной модернизации требуют около 30% мощностей водопровода – 27,0 млн. куб. м и 16% водопроводных сетей – 73,6 тыс. км.

Мощность очистных сооружений канализации составляет 56,1 млн. куб. м в сутки. Протяженность канализационных сетей населенных пунктов достигла 115,9 тыс. км, из которых 19,7 тыс. км (17%) нуждается в срочной замене.

Из эксплуатирующихся канализационных очистных сооружений 60% перегружены, 38% сооружений эксплуатируются 25–30 и более лет и очистные сооружения общей мощностью 23 млн. куб. м в сутки требуют срочной реконструкции. Дефицит мощностей канализационных сооружений в настоящее время достигает около 9 млн. куб. м в сутки.

Утечка и неучтенный расход воды в системах водоснабжения составляют в среднем по России 15% (3339,2 млн. куб. м воды) от всей подачи воды в год, а в ряде городов утечки достигают 30%.

В 2000 г. из общего количества аварий на водопроводно-канализационных сетях 53% произошли по причинам их ветхости, поэтому дальнейшее увеличение износа сетей и сооружений приведет к резкому возрастанию аварий, ущерб от которых может значительно превысить затраты на их предотвращение.¹⁵

Коммунальное хозяйство страны финансируется не более, чем на 50% от уровня, который может обеспечить воспроизводство его основных фондов.

Платежи населения в составе затрат коммунальных предприятий на производство и поставки услуг выросли в различных районах Российской Федерации с 2–3% в 1992 г. до 40–50% в 2003 г.

Поскольку темпы роста затрат по предоставлению жилищно-коммунальных услуг увеличивались опережающими темпами, доля бюджетных дотаций на разницу в ценах на тепловую энергию в городских бюджетах не уменьшилась. Ситуация осложнилась крайне неблагоприятной динамикой реальных доходов населения, в связи с чем рост ставок оплаты жилищно-коммуналь-

ных услуг населением происходил особенно болезненно.

Повышение эффективности использования средств бюджета и населения, повышение ответственности коммунальных предприятий перед органами местного самоуправления и потребителями коммунальных услуг за качество обслуживания является первостепенной задачей ЖКХ.

Действующий в коммунальной сфере хозяйственный механизм не стимулирует снижение затрат. Предприятия не имеют ни ощущимых стимулов, ни финансовых возможностей по замене необходимых объемов устаревшего оборудования и изношенных основных фондов.

Существующая система управления и ценообразования делает практически невозможным привлечение инвестиционных ресурсов для развития отрасли. Поскольку нормативный уровень рентабельности в большинстве случаев устанавливается произвольно, то в тарифах никак не учитываются реальные потребности предприятий в основных и оборотных средствах, необходимых для финансирования инвестиций.

Утверждение федеральных стандартов коммунальных услуг не стало основой межбюджетных отношений, не возникло общей финансовой заинтересованности в снижении коммунальных затрат и увеличении доли населения в оплате коммунальных услуг.

Увеличение тарифов на энергоресурсы и железнодорожные перевозки без одновременного приведения в соответствие тарифов на коммунальные услуги привело к росту долгов предприятий коммунального хозяйства перед поставщиками энергоресурсов.

В коммунальной сфере не удалось воспользоваться преимуществами раз-

вития конкурентных рынков коммунальных услуг, обеспечить эффективное управление и эксплуатацию предприятий коммунального хозяйства.

Невыполнение бюджетом своих обязательств и отсутствие эффективных и прозрачных процедур формирования и изменения тарифов обуславливают непривлекательность отрасли для частных инвестиций. Между тем, опыт западных стран показывает, что большинство проектов модернизации и эксплуатации объектов коммунальной инфраструктуры потенциально являются коммерчески привлекательными, имеют относительно короткие сроки окупаемости. Поэтому создание условий для притока частных инвестиций могло бы кардинально изменить финансовое положение коммунального хозяйства в долгосрочной перспективе.

Итак, в России концессии пока не являются легитимной формой хозяйствования, так как отсутствует специальное законодательство, регулирующее концессионные отношения. В то же время России нужна собственная, разработанная на основе богатого мирового и исторического опыта, зако-

нодательно оформленная концессионная политика минимум по двум причинам. Осуществляемый в последние годы поиск путей дальнейшего разгосударствления идет крайне тяжело и непоследовательно. В условиях затянувшихся реформ электроэнергетики, железнодорожного транспорта, коммунального и жилищного хозяйства, других отраслей государство остро нуждается в новых, научно обоснованных подходах к реформированию.

В отечественной практике водохозяйственной деятельности уже известны отдельные случаи передачи частному бизнесу прав управления водообеспечением городов, канализации городов (Тула, Оренбург, Псков, Пермь, Красноярский край) и др.

Передачи инженерных сооружений водохозяйственного назначения в частные руки не отработана, поэтому в практике не избежать неблагоприятных последствий. В связи с этим разработка методических подходов развития партнерских отношений государства и частного сектора и привлечение на этой основе внебюджетных инвестиционных ресурсов на водохозяйственные и водоохраные мероприятия является важнейшей научной и практической задачей.

Примечания

¹ COUNCIL DIRECTIVE 93/37/EEC of 14 June 1993 concerning the coordination of procedures for the award of public works contracts. <http://www.tendersdirect.co.uk/thelaw/PPF/ecd9337.asp>

² Комаров И. Концессии на водных ресурсах. Обозреватель. 2003. № 5. С. 74–82.

³ Варновский В.Г. Концессионный механизм партнерства государства и частного сектора. М., 2003.

⁴ Главное контрольное управление. “О результатах проверки исполнения федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти ряда субъектов Российской Федерации законодательства, регулирующего их деятельность в сфере жилищно-коммунального хозяйства”, 16.04.03. <http://president.kremlin.ru/text/appears/2003/04/43268.shtml>

⁵ Доклад рабочей группы Государственного совета Российской Федерации по вопросам реформирования и реструктуризации жилищно-коммунального хозяйства. 29.05.01. http://www.kremlin.ru/appears/2001/05/29/0000_30125.shtml

ВТО и развитие туризма в России

ГАТС – регламент торговли услугами

Дмитрий Ковалев,
кандидат экономических наук

Всемирная Торговая Организация (ВТО) “вместе с МВФ/МБРР, Многосторонним агентством по гарантированию инвестиций (МАГИ) – это организационно-правовая надстройка над системой международных экономических отношений. Именно в ВТО и вокруг этой организации происходят основные события, которые будут определять экономический правопорядок XXI в.”¹.

С этим и связано стремление России вступить в эту организацию, в которую входят 144 государства.

При всей своей высокой самодостаточности современная российская экономика может эффективно развиваться только при активном взаимодействии с мировым рынком товаров, услуг и капиталов. Россия не может и не должна оставаться в стороне от участия в определении правил поведения на мировом рынке, которые сегоднярабатываются коллективно при решающей роли ВТО, покрывающей свыше 95% оборота мировой торговли. Правительство РФ ведет переговоры о присоединении к ВТО уже в течение 10 лет. Однако позиция России по этому вопросу до последнего времени формулировалась без должного учета подходов и мнения отечественного бизнеса, без какой-либо конкретной программы подготовки страны к присоединению.

В феврале 2002 г. Торгово-Промышленная Палата РФ (ТПП РФ), разработала и приняла концепцию

“Присоединение России к ВТО”, являющуюся своего рода целевой программой подготовки России к членству в ВТО.

Основной упор в концепции был сделан на учете интересов экспортноориентированных отраслей российского бизнеса, на защите отечественного рынка товаров, на необходимости совершенствования российского хозяйственного законодательства.

Концепция касалась в основном рассмотрения применительно к России той части основополагающих документов ГATT /ВТО, которая относится к тарифам, тарифным льготам, зафиксированным ВТО при торговле товарами.

Однако деятельность ВТО также регулирует торговлю услугами, вопросы защиты прав интеллектуальной собственности.

Для этих целей в рамках ГATT/ВТО были принятые такие документы, как Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС), Соглашение по торговым аспектам защиты прав интеллектуальной собственности (ТРИПС).

Из всего круга проблем, с которыми может столкнуться Россия при присоединении к ВТО, наиболее сложный и многообразный их комплекс сосредоточен в сфере торговли услугами.

В концепции практически не уделяется внимания этим вопросам. В частности, несмотря на высказанную на прениях в ТПП автором и другими специалистами необходимости учета в концепции проблем, связанных с российским рынком услуг в связи со вступлением страны в ВТО, эти проблемы не нашли должного отражения. Одной из таких проблем является проблема российского туристского, в том числе гостиничного бизнеса.

Темпы развития туризма в России; ее доля на мировом рынке импортеров услуг международного туризма; интересы российских предпринимателей, занятых в сфере производства и предоставления туристских услуг на международном и внутреннем рынках, в значительной степени зависят от условий, на которых РФ будет принята в ВТО.

Неучет в переговорном процессе России с государствами-членами ВТО положений ГАТС, их недооценка с точки зрения маркетинга, продвижения и предоставления туристских услуг едва ли может способствовать развитию российского туризма в целом, избежать многих проблем в отношениях с другими государствами – членами ВТО.

Создание ГАТС в 2000 г. явилось одним из важных достижений Уругвайского раунда 1994 г. Задачи ГАТС, по сути дела, совпадают с целями и задачами ГATT: создание правил международной торговли;

обеспечение недискриминационного и равного отношения к государствам-членам ВТО; стимулирование экономической активности через принятие обязывающих правовых норм; развитие торговли за счет ее дальнейшей либерализации.

Несмотря на то, что по данным ВТО предоставление услуг в мире составляет более 60% мирового валового продукта и занятости, они представляют не более 20% общего торгового оборота.

Однако положение в этом отношении меняется. Многие виды услуг, которые долгое время считались чисто национальными видами деятельности (туризм в том числе), стали международными, требующими поддержки и согласования на международном уровне, в частности, в рамках ВТО. Эта тенденция интернационализации многих видов услуг связана, прежде всего, с происходящей в мире глобализацией, применением новых коммуникационных технологий, созданием и использованием комфортабельных и быстроходных видов транспорта. Сочетание этих факторов со стремлением все большего числа людей путешествовать увеличивает долю продажи услуг в мире, включая и предоставление туристских услуг и гостиничного сервиса.

Туризм сегодня – не только крупнейшая, но и наиболее быстро развивающаяся отрасль мирового хозяйства, темпы ее роста почти в два раза превосходили темпы роста других областей экономики.

По данным Всемирной Туристической Организации, доходы от туризма в 2001 г. составили 463,6 млрд. долл. Суммарные вложения основных 15 стран^{*} в сферу меж-

* США, ФРГ, Великобритания, Япония, Франция, Италия, Китай, Гонконг, Нидерланды, Канада, Бельгия, Австрия, Российская Федерация, Республика Корея и Швеция.

дународного туризма составили в 2001 г. 268,5 млрд. долл. Доходы от туризма 63 государств превышают 1 млрд. долл. Наибольшие доходы от туристской отрасли в 2001 г. получили США (72,3 млрд. долл.), Испания (32,9 млрд. долл.), Франция (30,0 млрд. долл.), Китай (17,8 млн. долл.).

При этом туризм как доходная отрасль экономики стал оказывать заметное влияние на политику государств.

По данным ВТО и МВФ, туризм с 1998 г. вышел на первое место в мировом экспорте товаров и услуг (532 млрд. долл. США или 7,9% от общего их объема), обогнав автомобильную промышленность (7,8%), производство химических продуктов (7,5%), продуктов питания (6,6%).

По прогнозам ВТО, в ближайшие десятилетия темпы роста туризма сохранятся. Так, к 2020 г. число международных туристских прибытий должно вырасти в 2,2 раза по отношению к 2001 г. (с 692,6 млн. до 1,561 млрд. поездок)².

В своих прогнозах ВТО отводит России на 2020 г. почетное 9 место как по отправке, так и по приему туристов. Предполагается, что в России будут отмечаться самые высокие, после Китая и Гонконга, темпы роста въездного туризма – 6,7% в год (до 47,1 млн. чел. в абсолютном исчислении), при этом опережая темпы роста выездного туризма (29,7 млн. чел. в год), в 3,5 раза³.

В ГАТС участвуют все без исключения 144 государства-члена ВТО. ГАТС применяется в принципе ко всем видам услуг.

Однако имеются два исключения.

Во-первых, ст. I(3) ГАТС из соглашения исключаются услуги, "предоставляемые в связи с выполнением правительственных полномочий".

Во-вторых, приложение к ГАТС, касающееся услуг авиаперевозчиков, исключает из ГАТС регулирование прав на воздушные перевозки и услуги, непосредственно связанные с реализацией этих прав.

Как известно, существуют принципиальные различия в регулировании торговли товарами и торговли услугами. Если внешняя торговля товарами регулируется в основном уровнем ставок таможенных пошлин, то в торговле услугами применяются инструменты внутреннего регулирования секторов услуг.

Такое регулирование может осуществляться с различными целями:

- обеспечение надлежащего качества предоставляемых услуг;
- необходимость защиты отечественных поставщиков услуг от иностранной конкуренции;
- поддержание определенной структуры рынка.

Эти виды услуг предоставляются на некоммерческой основе и не вступают в конкуренцию с услугами других поставщиков.

При этом ГАТС различает четыре вида услуг: трансграничное представление услуг, потребление услуг за рубежом, коммерческое присутствие и присутствие физических лиц.

Трансграничное предоставление услуг означает "поставку" услуг с территории одного государства-члена ВТО на территорию другого государства-члена ВТО (например, предоставление банковских услуг с использованием Интернета).

Потребление услуг за рубежом относится к таким ситуациям, когда потребитель услуг (например, турист) перемещается на территорию другого государства-члена ВТО с целью получения услуг.

Учреждение коммерческого присутствия означает, что поставщик услуг, являющийся гражданином государства-члена ВТО устанавливает на территории другого государства-члена ВТО свое присутствие, включая владение недвижимостью с тем, чтобы предоставить определенный вид услуг (например, местные филиалы страховой компании, отели).

Присутствие физических лиц представляет собой перемещение физических

лиц – граждан одного государства–члена ВТО на территорию другого государства–члена ВТО для предоставления какой-либо вид услуг (например, бухгалтерские, медицинские, туристские: экскурсионные, размещения и т.п.)

Это приложение к ГАТС предусматривает, что государства–члены ВТО в случае присутствия физических лиц не связаны какими-либо обязательствами в отношении гражданства, местожительства и предоставления права заниматься трудовой деятельностью в пределах своих территорий.

ГАТС во всех случаях признает право государств–членов самим регулировать предоставление услуг в соответствии со своей политикой и своим законодательством. Более того, соглашение о создании ГАТС – это рамки правил, направленных на то, чтобы правила торговли услугами не содержали ненужных барьеров.

Основная идея ГАТС состоит в выработке и принятии многосторонних правил, направленных на либерализацию торговли услугами. Однако на практике большинство государств применяет различного рода ограничения для защиты интересов национальных поставщиков услуг. Именно ГАТС и устанавливает правила и процедуры применения допускаемых ограничений в торговле услугами.

В этой связи государства, присоединившиеся к ГАТС, принимают на себя обязательства, которые можно подразделить на *две группы*:

- *общие обязательства*, принимаемые государствами в безусловном порядке (режим наибольшего благоприятствования в торговле, борьба с недобросовестной конкуренцией, взаимное признание квалификации поставщиков услуг и др.);

- *специфические обязательства*, касающиеся конкретных условий доступа на рынок услуг конкретного государства (предмет переговоров).

Важнейшее место в обязательствах принадлежит *режиму наибольшего благоприятствования*. Этот режим требует от государства предоставить каждому члену ВТО режим доступа на рынок услуг не хуже того, который оно предоставляет любому третьему государству, в том числе и не входящему в ВТО.

Режим наибольшего благоприятствования не определяет условий доступа на рынок услуг. Он просто ставит все государства в равные условия.

Если запретить доступ на российский рынок, например, всех туроператоров из всех государств, то режим нарушен не будет. Но если кому-то такой доступ будет разрешен, а кому-то нет, то это будет считаться дискриминацией.

В то же время режим наибольшего благоприятствования предусматривает возможность исключений (изъятий) в его использовании. Это относится, прежде всего, к тем государствам, которые имеют двусторонние соглашения, предусматривающие более либеральные условия взаимной торговли услугами, которые не распространяются на все государства–участники ВТО (например, государства–члены ЕС). Чтобы получить право на исключение (изъятие) из режима наибольшего благоприятствования в торговле определенными видами услуг, необходимо:

- доказать соответствие таких изъятий положениям ГАТС (например, если речь идет об экономической интеграции, приграничной торговле);

- либо согласовать с государствами–членами ВТО перечень изъятий с указанием конкретных мер и государств, в отношении которых они будет применяться, и зафиксировать этот перечень в приложении к Протоколу о присоединении данного госу-

дарства к ВТО. Но изъятия из режима могут действовать не более 10 лет.

К специфическим обязательствам относятся такие понятия, как *национальный режим и доступ на рынок*.

Национальный режим означает, что иностранные поставщики услуг будут пользоваться такими же условиями доступа на рынок, как и национальные поставщики. Если государство имеет серьезные основания не предоставлять национальный режим по какому-либо сектору или виду услуг, то оно не должно включать их в перечень своих специфических обязательств или включить, но зафиксировать изъятие из национального режима. Если изъятия не зафиксированы в Протоколе о присоединении, национальный режим должен быть предоставлен по всем видам услуг.

ГАТС не дает определения понятия "доступ на рынок". Фактически под ним подразумевается совокупность мер регулирования, влияющих на условия предоставления услуг. Обязательства и ограничительные меры должны быть зафиксированы в перечне специфических обязательств.

С точки зрения ГАТС, к ограничительным мерам относятся:

- ограничения количества поставщиков услуг (квотирование, предоставление эксклюзивных прав);
- ограничение объема торговли данным видом услуг;
- ограничение числа операций или количества предоставляемых услуг;
- ограничение количества физических лиц, которые могут быть заняты в соответствующем секторе услуг;
- требование определенной правовой формы компании;
- ограничение доли иностранного капитала в виде максимального процента участия в компании.

Нередко государства в обоснование применения ограничений доступа на рынок ссылаются на "*требование проведения теста на экономическую целесообразность*". Внутри ВТО многие государства выступают

против этого, так как понятие "экономическая целесообразность" можно толковать расширительно, исходя из своих интересов. Поэтому большинство государств, присоединяясь к ВТО, фиксируют в своем перечне специфических обязательств основные критерии их применения. Если же государство не зафиксировало в своем перечне специфических обязательств ограничений доступа на рынок, оно не сможет их применять.

Большинство государств с федеральным устройством в своих перечнях специфических обязательств фиксировали особые меры, применяемые только на субфедеральном уровне.

Общее требование ВТО в этой связи заключается в том, что меры федерального уровня должны единодушно осуществляться на всей территории государства.

Эта проблема актуальна и для России. После вступления России в ВТО субъект Федерации может ввести какие-либо ограничения, отличные от федеральных мер, только если они зафиксированы в перечне обязательств России.

При проведении работы, связанной с присоединением к ВТО/ГАТС, следует, очевидно, исходить из того, что России необходим длительный период *селективного протекционизма*, который должен сочетаться с поэтапной либерализацией торговли туристскими услугами.

Иными словами, укрепив конкурентоспособность этого важнейшего сектора экономики, следует переходить к следующему этапу либерализации, когда акцент переносится на косвенные инструменты, а, возможно, и на скрытый протекционизм. Не секрет, что подобные инструменты

используются другими государствами довольно широко.

Таким образом, вступление России в ВТО и присоединение к ГАТС требует серьезной подготовки.

Основные проблемы, очевидно, связаны с необходимостью открытия туристского рынка для иностранных организаторов. Может показаться, что это приведет к негативным последствиям для российской туристской отрасли. В частности, крупные иностранные операторы, как, например, немецкий концерн *Touristic Union International* (TUI) пойдут на российский рынок с целью возмещения своих убытков в целом по миру, представляя на нем более качественные и менее дорогие туристские услуги по всем дестинациям*.

Понятно, что российские туроператоры, ориентированные, прежде всего на выездной туризм, будут вы-

нуждены, не выдержав конкуренции, уйти с рынка или превратиться в их младших партнеров или агентов.

Но с другой стороны, иностранные операторы при определенных условиях, которые должны быть согласованы во время переговоров о вступлении в рамках ГАТС (льготные условия инвестирования, обязательное целевое финансирование объектов туринастрии и т.п.), будут вынуждены инвестировать в развитие инфраструктуры туризма в России без чего национального туризма как сложнейшего межотраслевого комплекса существовать не может по определению. Именно это должно послужить стимулом для привлечения клиентов (туристов) этих операторов в Россию, а не убогие попытки рекламирования несуществующего в принципе национального туристского продукта.

Только такой подход позволит резко увеличить приток иностранных туристов в Россию, что создаст дополнительные рабочие места, резко увеличит косвенные доходы от туризма в экономику России, в целом обеспечит положительное сальдо платежного баланса по статье “Поездки”**.

Такая постановка вопроса в связи со вступлением России в ВТО представляется более приемлемой для развития российского туризма, чем защита интересов сложившейся структуры туроператорского бизнеса, в основном ориентированного на выезд, следовательно, на бегство капитала и укрепление туринастрии других государств–членов ВТО.

Примечания

¹ Шумилов В.М. Международное экономическое право в эпоху глобализации. М., 2003. С.29

² World Overview & Tourism Topics. WTO. 2002. Р. 84.

³ Ковалев Д.А. Туризм в России: проблемы и перспективы развития. В кн.: Перспективы России в XXI веке. Мировые и внутрироссийские процессы. М., 2000. С. 127.

---

* Убытки концерна TUI составили на 2002 г. 3,7 млрд. евро. (Туриинфо. 22–29 апреля 2003. № 16).

** В 2002 г., по данным Госкомстата России, отрицательное сальдо составило 6 млрд. 400 долл. США.

Сотрудничество МТБЮ с государствами и международными организациями

Николай Михайлов,
кандидат юридических наук

Правовой базой сотрудничества Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) с государствами и международными организациями служат положения, изложенные в докладе Генерального секретаря ООН от 3 мая 1993 г. В нем, в частности, говорилось, что “учреждение Международного трибунала решением на основании главы VII (Устава ООН – Авт.) создает для всех государств обязательство предпринимать любые шаги, для осуществления этого решения”, и что “практически это означает, что все государства будут связаны обязательством сотрудничать с международным трибуналом и оказывать ему содействие на всех этапах разбирательства, с тем чтобы обеспечивать выполнение просьб об оказании помощи в сборе доказательств, заслушивании свидетелей, подозреваемых лиц и экспертов, опознании и установлении местонахождения лиц и вручении документов”¹.

Подотвальное сотрудничество Трибунала с государствами и международными организациями является непременным условием его успешной деятельности, поскольку сам Трибунал не был наделен непосредственными полномочиями в сфере правового принуждения на территории суверенных государств. У него нет в распоряжении собственных полицейских органов, которые могли бы обеспечивать необходимые условия для расследования на месте проишествия, вызывать на допросы потерпевших и свидетелей или производить аресты на территории государств-членов ООН. Чтобы выполнять эти функции, Трибунал должен полагаться на аппараты принужде-

ния отдельных государств, а также на надлежащие международные организации. Без этого Трибунал не был бы в состоянии выполнить свой мандат.

Для того, чтобы государства могли оказывать содействие Трибуналу, нужно, чтобы они разработали механизмы сотрудничества и приняли соответствующие законы (*имплементирующее законодательство*). С этой целью Трибунал осуществляет дипломатические сношения и другие представительские функции. Его высшие должностные лица встречаются с представителями государств, национальных и межгосударственных организаций для выработки соглашений, в которых определяются

цели, задачи, механизмы и процедуры их сотрудничества с Трибуналом.

Согласно данным, опубликованным в "Седьмом ежегодном докладе Трибунала", на 26 июля 2000 г. имплементирующее законодательство о сотрудничестве с Трибуналом, было принято в 23 странах мира². Как правило, им охватываются вопросы, касающиеся сбора доказательств (включая оказание содействия сотрудникам трибунала в проведении следственных и иных процессуальных действий на территории государства), ареста, задержания и передачи лиц, в отношении которых Трибунал подготовил обвинительные заключения, а также исполнения наказаний³. Отдельные государства оказывают Трибуналу помочь и в переселении потерпевших и свидетелей.

За годы функционирования Трибунала Совет Безопасности не раз напоминал государствам-членам ООН об их обязательствах по отношению к Трибуналу. Вполне понятно, что такие напоминания были адресованы, прежде всего, государствам и государственным образованиям, сформировавшимся после распада Югославии, поскольку эффективность расследования преступлений во многом зависит от их готовности активно сотрудничать с канцелярией Прокурора при сборе доказательств и производстве арестов обвиняемых.

Свой вклад в разъяснение и детализацию полномочий Международного трибунала в области международных отношений внесли и его Судьи.

Используя предоставленное им ст. 15 Устава трибунала право самим принимать Правила процедуры и до-

казывания трибунала, а также вносить в них поправки, они включили в них соответствующие положения, относящиеся к этой области его деятельности³.

Так, в сентябре 2002 г. они приняли поправку к правилу 11 бис Правил процедуры и доказывания (Передача обвинительного заключения в другой суд), позволяющую Трибуналу передавать некоторые дела на рассмотрение национальных судов. Передача дел, главным образом, в отношении обвиняемых среднего и низкого уровней может осуществляться либо государству, на территории которого предположительно совершены соответствующие преступления, либо государству, в котором обвиняемый был арестован.

Согласно другому правилу 39 (iii), Прокурор трибунала уполномочен запрашивать помочь от любого государства, имеющего какое-либо отношение к проводимому сотрудниками его канцелярии расследованию, и любого надлежащего международного органа, включая Международную организацию уголовной полиции (ИНТЕРПОЛ).

Трибунал активно сотрудничает с организацией ИНТЕРПОЛ при розыске, задержании и передаче ему лиц, в отношении которых вынесены обвинительные заключения.

Исходя из того, что успешное осуществление Трибуналом своего мандата в значительной мере зависит от добросовестного выполнения государствами их международных обязательств по сотрудничеству с ним, которые зафиксированы в ст. 29 Устава трибунала (Сотрудничество и судебная помощь), в Правила процедуры и доказывания были внесены положения, которые предусматривают, что в случае, если какое-либо государство их не выполняет, Президент трибунала может уве-

домить об этом Совет Безопасности ООН⁴.

В Правилах процедуры и доказывания упоминается и о процессуальных правах государств.

В частности, согласно правилу 108 *бис* (Просьба государства о пересмотре) государство, непосредственно затронутое промежуточным решением Судебной камеры, имеет право подавать Апелляционной камере просьбу о пересмотре этого решения, если последнее касается вопросов общей значимости, связанных с полномочиями Трибунала. Это правило дает заинтересованному государству возможность оспаривать решение Судебной камеры, если имеются достаточные основания полагать, что его исполнение приведет к нарушению законных прав государства, в основном, в области национальной безопасности.

Подобные ситуации чаще всего возникают тогда, когда государству, на основании правил 54 и 54 *бис* Правил процедуры и доказывания, предписано представить документы из его архивов, в которых содержатся сведения, составляющие государственную тайну. Однако это правило не распространяется на случаи, когда утверждается, что в результате исполнения решения будет нанесен ущерб законным политическим интересам государства.

Говоря о сотрудничестве Трибунала с международными организациями, следует отметить, что в их число входят и те, которые вовлечены в процесс мирного урегулирования на территории бывшей Югославии.

Среди них можно назвать Миссию ООН в Боснии и Герцеговине,

включая Специальные международные полицейские силы, Канцелярию Высокого представителя в Боснии и Герцеговине, Миссию ООН по делам временной администрации в Косово, ОБСЕ, НАТО и Миссию Евросоюза в бывшей югославской Республике Македонии.

Наиболее активное содействие канцелярии Прокурора оказывают Силы по стабилизации (СПС) в Боснии и Герцеговине и Силы для Косово (СДК), которые находятся под командованием НАТО. Они представляют канцелярии Прокурора материально-техническую поддержку и обеспечивают охрану проводимых ее сотрудниками эксгумаций в местах массовых захоронений и других следственных действий, а также при проведении операций по исполнению ордеров на обыск и арест. Военнослужащие СПС и СДК могут самостоятельно задерживать и арестовывать лиц, в отношении которых Трибуналом вынесены обвинительные заключения.

Такого рода помощь имеет большое значение для Трибунала, поскольку его способность осуществлять свою деятельность с максимальной эффективностью во многом зависит от возможности проводить следственные действия на территории Республики Босния и Герцеговина, включая Сербскую Республику Боснию и Герцеговины, и в Косово и от того, в какие сроки происходят задержания и аресты скрывающихся от международного правосудия лиц.

Судьи Трибунала при вынесении наиболее важных решений по существу рассматриваемых дел, апелляций и ходатайств давали и судебное толкование статей Устава и Правил процедуры и доказывания, касаю-

шихся обязательств государств и международных организаций перед Трибуналом.

Не раз были предметом их рассмотрения и вопросы о взаимоотношениях Трибунала с международными организациями, действующими в пределах территории бывшей Югославии, и, прежде всего, о роли СПС в оказании поддержки Трибуналу.

С течением времени позиция Судей по этому вопросу претерпевала определенные изменения. На наш взгляд, полной ясности относительно полномочий Трибунала по отношению к СПС пока еще не просматривается. К такому выводу можно прийти на основе анализа решений двух Судебных и Апелляционной камер по ходатайствам Стевана Тодоровича и Драгана Николича.

Так, 18 октября 2000 г. Судебная камера III удовлетворила просьбу, содержащуюся в ходатайстве защитника обвиняемого Тодоровича, в котором он оспаривал законность ареста его клиента в сентябре 1998 г. военнослужащими Сил по стабилизации. Защита также просила принять постановление, обязывающее СПС представить документы и другую информацию относительно обстоятельств ареста, и в отношении вызова в суд лиц, которые задержали обвиняемого, доставили его на американскую военно-воздушную базу в боснийском городе Тузла, заключили его под стражу и вручили ему ордер на арест⁵.

Рассматривая это ходатайство, Судьи определили, что на основании ст. 29 Устава трибунала Судебная камера компетентна издавать имеющие обязательную силу приказы тридцати трем государствам-участникам НАТО и СПС в Боснии и Герцеговине⁶. Вследствие этого, Судеб-

ная камера отдала распоряжение о том, чтобы СПС и государства-члены НАТО представили испрашиваемую информацию и вручили повестку о явке в Трибунал генералу Шинсеки, который был командующим Силами по стабилизации в сентябре 1998 г.⁷.

Один из Судей Судебной камеры, господин Робинсон, приложил к этому решению свое особое мнение, в котором содержатся его выводы о роли СПС в оказании содействия Трибуналу и о характере отношений между Трибуналом и СПС. Его выводы сводятся к тому, что:

– На основании параграфа 4 ст. VI Мирного соглашения (по Боснии и Герцеговине – *Авт.*), первоначальная роль СПС позднее была расширена для того, чтобы они могли задерживать и передавать Трибуналу лиц, в отношении которых вынесены постановления о привлечении их в качестве обвиняемых в совершении военных преступлений.

– Такое расширение функции СПС наделяет СПС ролью, сравнимой с ролью полицейских органов в некоторых внутригосударственных правовых системах, и создает между ними и Трибуналом через канцелярию Прокурора отношения, аналогом которых в таких системах являются отношения между полицейскими органами, прокурорской властью и судами.

– Эта квазиполицейская функция СПС, посредством которой они, фактически, действуют как полицейская служба Трибунала, несомненно, оказывает влияние на деятельность Трибунала в выполнении его основного назначения, заключающегося в судебном преследовании лиц, ответственных за серьезные нарушения

международного гуманитарного права.

– Было бы странным, если бы Трибунал не обладал правомочиями по отношению к осуществлению определенных аспектов этой квазиполицейской функции. В частности, Судья Робинсон считал бы непостижимым, если бы в судебных разбирательствах, когда оспаривается законность ареста обвиняемого, Трибунал не имел бы полномочия требовать от СПС представления материалов, касающихся заключения под стражу лица, в отношении, которого Трибунал подготовил обвинительное заключение, и к его передаче Трибуналу.

– Несомненно, что между СПС и Трибуналом существует прочная функциональная связь через один из его органов – канцелярию Прокурора, хотя они и не взаимозависимы.

– В принципе, Трибунал должен обладать компетенцией требовать от органа, уполномоченного производить аресты, представить определенные материалы, имеющие отношение к аресту лица, который оспаривает законность его ареста. В противном случае, право этого лица по международному обычному праву заявлять такое возражение может быть серьезно нарушено и даже сведено на нет⁸.

Последний вывод Судья Робинсон обосновал тем, что “ни одна правовая система, будь то международная или внутригосударственная, которая основывается на принципе верховенства закона, не может относиться одобрительно к такой перспективе, когда какое-либо лицо лишается свободы, в то время как в судебных разбирательствах, когда оспаривается законность ареста, три-

буналы или суды лишены права требовать от органа, уполномоченного производить заключение под стражу или аресты, представить материалы, имеющие отношение к заключению под стражу или аресту. В такой ситуации могут возникать законные вопросы о независимости этих судебных органов”⁸.

Казалось бы, что после такого детально обоснованного решения, которое полностью основывается на мандате Трибунала, данном ему Советом Безопасности ООН, все названные в решении страны и СПС своевременно исполнят приказ Судебной камеры об оказании помощи Трибуналу в сборе доказательств и заслушивании свидетелей.

Однако этого не произошло.

В самом начале ноября 2000 г. девять государств-членов НАТО, в соответствии с правилом 108 бис, обратились к Апелляционной камере с просьбой пересмотреть решение Судебной камеры. Вскоре после этого Апелляционная камера приостановила действие вышеупомянутого решения Судебной камеры (судебного приказа) в ожидании окончательного завершения его пересмотра самой же Апелляционной камерой⁹.

До вынесения решения Апелляционной камерой обвиняемый Тодорович заключил с обвинением соглашение о признании себя виновным в обмен на то, что обвинение исключило 26 пунктов из обвинительного заключения. Одновременно защита представила ходатайство об изъятии из производства всех ее предыдущих ходатайств, решения по которым еще не были вынесены.

Апелляционная камера предоставила всем участвующим в разбира-

тельстве сторонам возможность подготовить краткие записки (*briefs*) с изложением мнения в отношении последствий заключения обвиняемым соглашения о признании вины для продолжения судебных процедур, и, в частности, для рассмотрения просьбы государств-членов НАТО о пересмотре решения Судебной камеры от 18 октября 2000 г.

Однако, ни одна из сторон процесса не высказалась за продолжение этого разбирательства.

Поэтому Апелляционная камера, *во-первых*, объявила, что просьба о пересмотре решения Судебной камеры стала неактуальной, *во-вторых*, отменила решение Судебной камеры и, *в-третьих*, прекратила производство по просьбе государств-членов НАТО о пересмотре решения Судебной камеры¹⁰.

Таким образом, вследствие прекращения производства по ходатайству Тодоровича, остались неясными такие кардинальные вопросы общей значимости, связанные с полномочиями Трибунала, как вопрос о неисполнении государствами–членами НАТО и СПС приказа Судебной камеры и вопрос об объеме полномочий Трибунала, вытекающих из его судебных функций в отношении органа, уполномоченного производить аресты. Более того, в рассматриваемом случае было поставлено под сомнение неотъемлемое право Трибунала как судебного органа проверять законность и обоснованность задержания и ареста и связанных с ними возможных нарушений права обвиняемого на должную правовую процедуру, что является процессуальной гарантией против незаконного заключения под стражу.

Факт остается фактом – основанное на ст. 29(2)(b) Устава трибунала распоряжение Судебной камеры, адресованное государствам-членам НАТО и СПС, не было выполнено.

Это свидетельствует об использовании Трибуналом двойных стандартов, поскольку по отношению к странам, образовавшимся после распада бывшей Югославии, подобных поблажек Трибунал не допускает.

Ниже следующий пример служит доказательством данного утверждения.

В ноябре 2002 г. Апелляционная камера отклонила ходатайства Республики Хорватии о пересмотре решения судьи об утверждении обвинительного заключения в отношении Янко Бобетко и постановления о его аресте и выдаче. При этом она постановила, что государство, которому предписано арестовать или задержать то или иное лицо согласно ст. 29(2)(d) Устава, не имеет права оспаривать существование постановления и что оно должно исполнять любую просьбу Трибунала об оказании помощи или судебный приказ, изданный Судебной камерой (курсив наш – Авт.)¹¹.

После прекращения производства по рассмотренному выше ходатайству защитника обвиняемого Тодоровича позиция Судей трибунала по вопросу об обязательствах СПС по отношению к Трибуналу претерпела определенные изменения в сторону ее смягчения. Об этом можно судить, например, по делу Драгана Николича, которому было предъявлено обвинение в совершении преступлений против человечности.

В мае 2001 г. защитник этого обвиняемого подал ходатайство в Судебную камеру, в котором оспаривалась юрисдикция

Трибунала в отношении его подзащитного. Одним из оснований ходатайства было утверждение защиты о незаконности задержания и ареста обвиняемого военнослужащими Сил по стабилизации в Боснии и Герцеговине, в процессе осуществления которых наряду с нарушением прав обвиняемого был нарушен и суверенитет Союзной Республики Югославии. Обвиняемый был незаконно похищен неизвестными лицами в Сербии, вывезен за ее пределы и передан военнослужащим СПС, размещенным в Республике Босния и Герцеговина¹².

В своем ходатайстве защита также выдвинула тезис о том, что существовавшие ранее между канцелярий Прокурора и СПС отношения сотрудничества перешли в агентские, то есть, что в процессе заключения под стражу и при производстве арестов подозреваемых СПС действует по поручению и в интересах канцелярии Прокурора и/или Трибунала. По мнению защиты, из этой посылки следует заключение о том, что незаконные действия неизвестных лиц, похитивших обвиняемого, могут быть отнесены на счет СПС и через них – на счет канцелярии Прокурора¹³.

При рассмотрении этого ходатайства Судебная камера углубилась в историю взаимоотношений между СПС и Трибуналом. Она определила, что юридическая основа для полномочий СПС арестовывать, задерживать и передавать Трибуналу лиц, в отношении которых вынесены постановления о привлечении их в качестве обвиняемых, прочно установлена. По мнению Судей, стержневым в этом отношении является принятие Советом НАТО 16 декабря 1995 г. Руководство под названием “Порядок ведения боевых действий” (*“the Rule of Engagement”*)¹⁴.

В решении Судебной камеры процитировано и соответствующее положение из этого Руководства, которое предусматривает, что созданные на основании резолюции Совета Бе-

зопасности ООН Силы по выполнению Соглашения (СВС)¹⁴, (СПС являются правопреемником СВС¹⁵) при исполнении поставленных им задач должны задерживать любых обвиненных Международным трибуналом лиц, которые входят в соприкосновение с СВС, для того, чтобы обеспечить передачу этих лиц Международному трибуналу¹⁶.

Судебная камера также обратила внимание на то, что в мае 1996 г. между Трибуналом и Штабом Верховного Главнокомандующего Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе было заключено соглашение о сотрудничестве. В нем, в частности, предусматривалось, что, по мере возможности и, принимая во внимание поставленные им задачи и имеющиеся у них ресурсы, СПС будут поддерживать исполнение мандата Трибунала в Боснии и Герцеговине.

В свою очередь, Трибунал взял на себя обязательство защищать Штаб Верховного Главнокомандующего Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе и СВС в случаях совершения военнослужащими СВС ошибок или допущения ими оплошностей во время задержания обвиненных Трибуналом лиц, когда военнослужащие добросовестно выполняют свои обязанности¹⁷.

В октябре 2002 г. Судебная камера вынесла решение об отказе в удовлетворении ходатайства Драгана Николича. При этом, в числе прочего, она определила следующее:

- СПС и канцелярия Прокурора не были вовлечены в незаконное похищение обвиняемого из Союзной Республики Югославии;

- поскольку обвиняемый вошел в соприкосновение с СПС, то СПС были обязаны его арестовать, заключить под стражу и транспортировать в Гаагу;

– при производстве задержания и ареста обвиняемого Драгана Николича СПС и канцелярия Прокурора вступили в четко определенные отношения, которые должны рассматриваться как отношения сотрудничества¹⁹.

Используя благовидный предлог, Судебная камера уклонилась от рассмотрения предположения защиты о существовании между СПС и канцелярией Прокурора агентских отношений¹⁹.

Как можно видеть, в этом решении СПС уже не рассматривается в качестве квазиполицейского органа Трибунала.

Следует подчеркнуть, что, изъяв из производства по ходатайству защиты обвиняемого Тодоровича все ее предыдущие ходатайства и уклонившись от рассмотрения предположения защитника Драгана Николича о существовании между СПС и канцелярией Прокурора агентских отношений, Апелляционная и Судебная камеры поступили в соответ-

ствии с Уставом и Правилами процедуры и доказывания.

Тем не менее, в целях установления истины по делу, Судьям следовало бы продолжить рассмотрение этого вопроса и высказать по нему свое суждение. Без его уяснения невозможно говорить о всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела и для обеспечения прав обвиняемого.

Кроме того, вопрос о характере отношений между СПС и канцелярией Прокурора относится к категории вопросов общей значимости, связанных с полномочиями Трибунала, поэтому не в интересах международного правосудия оставлять его без ответа. Это создает ситуацию, в которой, как и предвидел уважаемый Судья Робинсон, “могут возникать законные вопросы о независимости” Трибунала по бывшей Югославии. И они действительно возникают, и не только о независимости Трибунала, хотя и о ней тоже²⁰.

Примечания

¹ Доклад Генерального Секретаря ООН №IS/25704 от 3 мая 1993 г., параграф 125 и 23. Источник: Официальные отчеты Совета Безопасности, Резолюции и решения за 1993 год.

² Седьмой ежегодный доклад Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г., от 26 июля 2000 г. Совету Безопасности и Генеральной Ассамблее. Источник: Документ ООН A/55/273-S/2000/777 от 7 августа 2000, параграф 248, 247.

³ Rules 7 bis, 8, 9, 10, 11, 11 bis, 39, 54, 54 bis, 56, 57, 58, 59, 60, 61 и 108 bis. ICTY Rules of Procedure and Evidence. (As Amended 6 April 2004) (Правила процедуры и доказывания трибунала с изменениями и дополнениями на 6 апреля 2004). Источник: <http://www.un.org/icty>

⁴ Ibid. Rules 11, 59 B and 61 E (Procedure in Case of Failure to Execute a Warrant).

⁵ Prosecutor v. Blagoje Simic et al., Case No. IT-95-9-PT, Decision on Motion for Judicial Assistance to be provided by SFOR and Others. T. Ch. III, 18 Oct. 2000. P. 1. Источник: <http://www.un.org/icty/simic/trialc3/decision-e/01018EV513778.htm>

⁶ Ibid. P. 58.

⁷ Ibid. Disposition. P. 1–5.

⁸ Prosecutor v. Blagoje Simic et al., Decision on Motion for Judicial Assistance to be provided by SFOR and Others. Separate opinion of Judge Robinson, Case No. IT-95-9-PT T., Ch. III, 18 Oct. 2000, paras. 5, 6, 7. Источник: <http://www.un.org/icty/simic/trialc3/decision-e/01018EV513778.htm>)

⁹ *Prosecutor v. Blagoje Simic et al., Order on Request for Review pursuant to Rule 108 bis of Decision on Motion for Judicial Assistance to be provided by SFOR and Others dated 18 October 2000*, Case No. IT-95-9-PT, App. Ch., 27 Mar. 2001, Introduction. Источник: <http://www.un.org/icty/simic/appeal/order-e/10327JA315227.htm>

¹⁰ Ibid. P. 7.

¹¹ *Prosecutor v. Janko Bobetko Tadic, Decision on challenge by Croatia to decision and orders of confirming Judge*, Case No. IT-02-62-AR54bis & IT-02-62-AR108bis, App. Ch., 29 Nov. 2002. P. 12. Источник: <http://www.un.org/icty/ind-e.htm>

¹² *Prosecutor v. Dragan Nikolic, Decision on Defence Motion challenging the exercise of jurisdiction by the Tribunal*, Case No. IT-94-2-PT, T. Ch., II, 9 Oct. 2002. P. 6. Источник: <http://www.un.org/icty//trialc2/decision.htm>

¹³ Ibid. P. 25, 68, 52.

¹⁴ Резолюция Совет Безопасности 1031 от 15 декабря 1995, п. 14. Источник: Официальные отчеты Совета Безопасности, Резолюции и решения за 1995 год.

¹⁵ Резолюция Совет Безопасности 1088 от 12 декабря 1996, п. 18. Источник: Официальные отчеты Совета Безопасности, Резолюции и решения за 1996 год.

¹⁶ *Prosecutor v. Dragan Nikolic, Decision on Defence Motion challenging the exercise of jurisdiction by the Tribunal*, Case No. IT-94-2-PT, T. Ch., II, 9 Oct. 2002. P. 44. Источник: <http://www.un.org/icty//trialc2/decision.htm>

¹⁷ Ibid. P. 46.

¹⁸ Ibid. Chapter VII (Conclusion).

¹⁹ Ibid. P. 69.

²⁰ Михайлов Н.Г. Международный трибунал по бывшей Югославии. О самостоятельности, независимости и беспристрастности// Обозреватель–Observer. 2003. № 11 (166). С. 91–100.

Подписка на 2005 г.

на журнал “Обозреватель – Observer”

в каталоге «Газеты и журналы»

агентства «РОСПЕЧАТЬ»:

47653 — на 6 месяцев

Роль человека в процессах социальной самоорганизации и эволюции системы управления обществом

Человеческая деятельность как основа социальной самоорганизации

Александр Кулинченко,
кандидат философских наук,
(Финансовая академия при Правительстве РФ)

Современный мир становится все более взаимосвязанным, целостным, динамичным. В центре общественных изменений находится их главный субъект – человек. Общий рост влияния духовно-нравственных, психологических, культурных, социально-политических факторов человеческой деятельности привели к значительным изменениям социальной среды. Произошли революционные изменения в технике и технологии. Ужесточение конкуренции, дефицит ресурсов, политическая нестабильность в сырьевых регионах и ограничения деятельности корпораций со стороны государства из-за нарастания экологических и социальных проблем – все это в целом привело к тому, что общественная жизнь стала значительно более подвижной и изменчивой. Многовариантность, случайность, необратимость являются существенными моментами социальной среды и обуславливают ее постоянно возрастающую сложность при реализации целей управления.

В этом сложном мире происходят события, которые невозможно предугадать и оценить заранее, позитивный опыт прошлого не гарантирует успех в будущем, и следовательно, планирование нельзя строить на основе экстраполяции прошлых тенденций, а управление – исключительно на основе определения приоритетных целей и контроля за отклонениями. С другой стороны, когда речь заходит о неопределенчившихся, неоформившихся тенденциях, слабых сигналах, а также о неоднозначном, непрогнозируемом развитии событий – традиционный взгляд на управление исключает при таких условиях саму возможность целенаправленного и результативного воздействия на объект.

Глубокие изменения в самой реальности неизбежно порождают фундаментальные изменения во взгля-

дах на мир. *Синергетика* внесла решающий вклад в формирование концепции наполненного потенциями, стано-

вящегося мира, который обладает многими возможностями и альтернативными вариантами развития. Рассматривая мир как последовательность деструктивных и креативных процессов, единство сохранения и разрушения, синергетике удалось выявить созидающую функцию хаоса, который, устранив отжившее, способствует рождению нового порядка, новых структур на основе развития одной из внутренних тенденций самоорганизации среды.

Чувствительность сложной неустойчивой среды к малым отклонениям приводит к тому, что случайность, микрособытие может привести к несопоставимым с ней по масштабам макрорезультатам, к росту новой макроструктуры. Случайность предстает как важнейший механизм порождения нового. Её не только нельзя сознательно устранять как несущественный момент, но и игнорировать при анализе современных процессов в обществе, поскольку случайное событие способно определить начало направления эволюции всей системы, становление новых закономерностей ее развития.

При особом, неустойчивом состоянии среды случайность существенно влияет на то, какой из возможных путей развития будет реализован. Поэтому в современном мире особое значение приобретают своевременное выявление проблем, обнаружение точек роста и точное управляющее воздействие. Последнее должно согласовываться с внутренними свойствами среды, тогда управляющее воздействие будет способно инициировать желательные тенденции (желательную стратегию развития) не вследствие своей силы, а благодаря правильной пространственно-временной организаци

менной организации: “воздействия в нужное время и в нужном месте”¹.

Несомненно, что этот подход способствует научному поиску и созданию такой системы управления, которая соответствовала бы основополагающим тенденциям развития самой социальной реальности. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что речь должна идти об анализе взаимодействия двух фундаментальных и тесно взаимосвязанных между собой процессов – государственного (сознательного, централизованного, институционализированного) управления (регулирования) и социальной самоорганизации (процесса нецентрализованного и слабо институционализированного по самой своей сути), а также – о поиске оптимального соотношения между внешним централизованным управлением и самоуправлением в процессе управления общественной системой. Представляется неправомерным отдавать несомненный приоритет в организации социума ““крайним возможностям хаоса”, сводя роль государственного управления к одному из возможных (и потому малозначительных и даже случайных) факторов социальной самоорганизации.

“Очарование хаосом” можно было понять в эпоху застоя, господства сверхцентрализованного управления и тотального идеологического диктата в СССР. Трагический отечественный опыт саморазрушения, нарастания социальной аномии, низвержения страны в пучину реального (а не придуманного, “интеллектуального”) хаоса, нарастание общемировых тенденций сползания к кровавым междуусобицам заставляют иными глазами смотреть на проблему

му. Сегодня не менее важно вновь осознать непреходящее значение государственной власти и государственного управления в деле самосохранения конкретного социума, удержания его от распада и разложения, от превращения в то, что социумом (как объединением, общежитием людей) уже не является.

Напрямую отрицать важную роль государственного управления никто из ответственных специалистов не станет. Но это не исключает тенденции формирования некой “методологической” установки на приижение его роли, которая в значительной степени обусловлена превращением теории и методов синергетики в научную и околонаучную моду. Тогда синергетика воспринимается как всеобъемлющее знание, заменяющее собой всю предшествующую науку, методологию, философию, а ее выводы – как абсолютные вневременные истины, имеющие самодовлеющее значение применительно к любым предметным областям.

Однако “moda на синергетику” не привела к тому, что планеты сошли со своих орбит, чтобы “через хаос” обрести “новую организованность”. Не претерпели пока революционных изменений и основополагающие формы организации человеческой жизнедеятельности, даже такие простейшие, как правила дорожного движения. Изменяется социальная реальность, изменяются и взгляды на мир, но не настолько, чтобы игнорировать или отметить предшествующее знание: о существовании сложных системных объектов, которые для своего существования нуждаются в механизмах обеспечения целостности; о том, что изменение не все-

гда развитие, а развитие – не всегда прогресс, и т.д.

Следовательно, эффективное использование методологического потенциала синергетики в обществознании предполагает не только изучение (и уяснение) ее места и роли в современной науке, областей применения ее методов и границ, за пределами которых ее выводы нуждаются в дополнительной проверке, но также – анализа и сопоставления методологического арсенала синергетики с категориями и методами общественных наук, диалектики, системного подхода и др.

Применительно к рассматриваемой теме речь идет, по крайней мере, о четырех важных моментах.

Во-первых, синергетика не выступает в качестве исчертывающего знания о развитии систем (всех типов систем на всех стадиях их эволюции).

Она внесла значительный вклад в понимание динамики самоорганизации сложных нелинейных систем на этапе их перехода в новое состояние и показала, что особую роль в становлении новых уровней организации при состоянии неустойчивости системы (неравновесности) играют случайные отклонения (концепция динамического хаоса).

Во-вторых, мир представляет собой отнюдь не только набор нелинейных сред.

Он выступает также как сложнейшая иерархия целостных системных объектов, которые обладают собственными механизмами поддержания целостности, развития, взаимодействия с другими системами, а также определенной длительностью (временем) своего существования².

Последнее означает, что, *в-третьих*, существуют объективные законы развития системных объектов (всеобщие, необходимые и существ-

венные связи), которые надлежит исследовать ученым.

Открытие роли случайности как механизма порождения новых форм организации в нелинейной среде не опровергает данного утверждения, а развивает и обогащает наши представления о детерминизме. "Если работает случайность, то имеют место блуждания, но не какие угодно, а в рамках вполне определенного, ограниченного поля возможностей". Тогда управление "начинает основываться на соединении вмешательства человека с существом внутренних тенденций развивающихся систем".

В этом проявляется новый, высший тип детерминизма – "детерминизм с пониманием неоднозначности будущего и с возможностью выхода на желаемое будущее", который усиливает роль человека³.

Наконец, четвертым важным моментом, который требует уточнения, является вопрос о природе и роли человека в процессах социальной самоорганизации.

Без определенного ответа на него, невозможно помыслить ни о каком "желаемом будущем" в бесконечном потоке перехода от хаоса к порядку и обратно ("желаемом" – для кого?). Давая в конце 60-х годов XX в. наименование новому направлению в науке Г.Хакен назвал новую дисциплину синергетикой, поскольку "в ней исследуется совместное действие многих подсистем (преимущественно одинаковых или несколько различных видов), в результате которого на макроскопическом уровне возникает структура и соответствующее функционирование"⁴.

Применяя этот подход к социальной реальности, становится очевидным, что особая роль человека происходит отнюдь не из представления о нем как о физическом теле, биологическом объекте, совокупности клеток, нейронов и т.п. Само понимание "совместного действия" (кооперативного

эффекта) невозможно свести исключительно к воздействию на людей факторов физического, химического, биологического порядков (например, энергии солнца и магнитных бурь или изменения химико-биологических параметров в теле человека).

Не приближает к пониманию совместного социального действия и использование абстракции изолированных, погруженных в себя социальных атомов, хаотические столкновения которых приводят, якобы, к возникновению самого феномена общественной жизни и рождению новых форм социальности. В стороне остается главный вопрос, на который многие столетия ищут ответ религии и философии: почему слабый, ограниченный, смертный человеческий индивид способен вести себя подобно всемогущему и бессмертному существу, отстаивая важные для себя принципы и идеалы и нередко жертвуя ради этого собственной жизнью? Если исходить из естественных влечений и потребностей человека, это выглядит как умопомрачение. Но на этом "умопомрачении" взошла человеческая культура.

Известен ответ И.Канта: свобода человека в материальном мире, независимость его воли от принуждения импульсами чувственности основана на подчинении нравственным законам. По Канту, "свободная воля и воля, подчиненная нравственным законам, – это одно и то же". Свобода человека сливается с безусловным долженствованием, с необходимостью следовать требованиям **категорического императива** как высшего принципа нравственности.

Последний представляет собой безусловное нравственное предписание, исполнение

которого является необходимым вне зависимости от того, извлекает в результате этого человек пользу для себя лично или нет. Идея и принцип "незаинтересованного действия" в той или иной форме нашел воплощение в религиях и Востока, и Запада.

Итак, с одной стороны, свобода человека в мире и вся человеческая культура основана на фундаментальном, безусловном ограничении человеческого своеvolutionя. Общественная жизнь базируется на системе запретов и ограничений, которые воплощены в социальных нормах и институтах. Более того, с усложнением социальной системы эти ограничения (моральные, правовые, административные, организационные) – лишь множились, не препятствуя развитию человеческого общества.

Показательно, что даже столь яркий проповедник идей свободного предпринимательства и один из столпов современного либерализма, как Ф.А.Хайек выступал в защиту "неизбежных ограничений", порождающих порядок. По его мнению, "как раз потому, что эти правила сужают выбор средств, которые каждый индивид вправе использовать для осуществления своих намерений, они необычайно расширяют выбор целей, успеха в достижении которых каждый волен добиваться"⁵.

Наличие ограничений в обществе рассматривается сегодня как условие жизнеспособности социальной системы, поскольку она организована иерархически. Сформулирован **закон иерархических компенсаций**, в соответствии с которым в сложной иерархически организованной системе рост разнообразия на верхнем уровне обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях, и наоборот, рост разнообразия на нижнем уровне разрушает верхний уровень организации, в результате чего система как таковая гиб-

нет⁶. Следовательно, наличие фундаментальных социальных ограничений (неизменных норм, констант) нельзя оценивать односторонне – как признак тупика эволюции. Пока социальная система существует и развивается, ее эволюция связана с возникновением новых организационных форм как вследствие "вырастания устойчивости из неустойчивости в результате неустойчивости"⁷, так и благодаря наличию "небольшого числа фундаментальных идей и образов, ... определяющих общие тенденции развертывания процессов в ней". Именно поэтому направленность эволюции (ее структуры-атракторы) могут быть представлены как относительно простые по сравнению со сложным и запутанным ходом реального процесса общественного развития⁸.

Тупик общественной эволюции, болезненную перестройку или разрушение социальной системы порождают ограничения принципиально иного порядка, которые связаны с другой стороной реализации свободы человека в мире. Внешние ограничения не способны окончательно лишить человека свободы выбора. Он волен самостоятельно избирать себе цели и добиваться их, но большой вопрос, что это будут за цели, и к каким последствиям для общества и самого человека приведет их достижение. Последнее возвращает нас к вопросу о сути кооперативного эффекта в социуме, который связан, прежде всего, с деятельностью людей. При этом человеческая деятельность не сводится лишь к своим эмпирическим формам осознанных и целенаправленных действий по достижению внешних предметов и целей. Напротив, в основе этих дей-

ствий лежит присущая людям способность к самопреобразованию и развитию, которые служат главными источниками и необходимым фундаментом для творчества в окружающем мире. В творчестве человек способен раздвигать границы своего существования, преодолевать притяжение окружающего материального мира и создавать на этой основе новую надприродную, социально-культурную и духовную реальность.

Если же человек сам воздвигает себе ограничения в своем самопреобразовании и саморазвитии – сосредоточен на себе, не видит новых целей, довольствуется достигнутым, коснеет в самодовольстве и стремится любыми путями сохранить существующее в неизменном виде – все иные ограничения неизбежно меняют свою форму. Из средств обеспечения развития они превращаются в его оковы, становятся причиной саморазрушения человека и общества. Даже нравственные нормы, оторванные от живого процесса активного, деятельного самоизменения человека и совершенствования общества превращаются в свод никому не нужных мертвых правил. Отказ от своей творческой природы во имя обретения “устойчивости” становится для человека тем самым фатальным ограничением, которое ведет в тупик общественной эволюции.

В этой связи уместно вспомнить древнее значение понятия синергии.

В православной традиции синергия понималась как соработничество Божественной и человеческой энергии, их соединение, со-действенность, “со-энергичность”. Ее определяющими чертами являлись несозмеримость участвующих энергий, их функций, а также личностная природа, ибо синергия возможна исключительно в сфере

“личностного бытия-общения”. Когда соединение сформировалось, деятельным началом является энергия Божественная, благодать, которая выражает себя и действует лишь в человеке, который сам устремляется к благодати. Изначально заложен зов Бога к человеку; и на этот зов человек волен дать или не дать свой отклик. Соработничество, гармонический лад, синергизм энергий, при всей их асимметричности, ярко выражен в образе Максима Исповедника: “У человека два крыла, чтобы возлететь к Богу: свобода и благодать¹⁰”. Стремление к высшему и совершенному вырывает человека из оков обыденного существования, лишает самодовольства, дает новые цели и поприща.

Тогда и возникают ситуации, при которых деятельность отдельного человека может быть в одном конкретном отношении масштабнее, шире и глубже, чем совокупная деятельность всего общества, а творчество духовного лидера, реформатора, первооткрывателя, изобретателя – значительнее коллективных (кооперативных) усилий многих людей. Человек созидает общество, часть воссоздает целое. Общество становится таким, каким его делает человек.

Синергетика имеет представление об этом феномене. Она изучает, так называемые, фрактали (фрактальные объекты), которые обладают свойством самоподобия или масштабной инвариантности. Малый фрагмент структуры такого объекта подобен другому, более крупному фрагменту или даже структуре в целом. С этой точки зрения, поведение человека характеризуется устойчивыми, постоянно повторяющимися, воспроизводимыми поведенческими структурами (паттернами), а также самоподобием этих структур на разных уровнях и в разных масштабах деятельности. Наличие многоуровневой всепроникающей связи ведет к тому, что разные уровни организации человека-общество могут повторять друг друга, позволяя определять характер процессов “на больших масштабах”, зная их ход “на малых масштабах”, и наоборот¹⁰.

Следовательно, творчество неординарной личности может рассматриваться в качестве основы для новых формообразований и развития всего общества.

Для этого, однако, необходимо выполнение ряда условий. С одной стороны, подлинное творчество, чтобы приносить благотворные плоды, должно быть свободно от исканий личной выгоды (“воля самоустраниться для действия благодати”, “произвольящая душа”, “незаинтересованное действие”) и отвечать требованиям нравственного закона. С другой, – общество, другие люди должны быть способны принять результаты творчества новатора, волютить их в жизнь, использовать во благо.

Возникает проблема исторической ограниченности развития сущностных сил человека в отдельных людях, неразвитости и несовершенства общественных отношений, норм и институтов, в том числе, центрального организующего, регулирующего и направляющего общественное развитие института – государства.

Государство (государственная власть, право) служит организующим началом общественной жизни отнюдь не только в качестве ограничивающей и подавляющей силы, но, прежде всего, – в качестве силы духовной, разумной и нравственной. По Гегелю, государство представляет собой идею разума, свободы и права, осуществленную в формах наличного бытия. Способность государственной власти к вещественно-телесному воздействию на людей, “меч” – говоря словами И.А.Ильина, – не выражает ее сущность и составляет “лишь крайнее и болезнен-

ное ее средство”, “ее последнее слово и слабейшую из ее опор”. Сила власти, по его мнению, прежде всего, состоит в “авторитетном влиянии ее волевого императива”.

“Жизнь государства, – писал И.А.Ильин, – состоит в таком согласовании воль (координация), которое, оставаясь по существу добровольной координацией, принимает форму волевой субординации (подчинения)... Задача властивущего состоит в том, чтобы на путях подчинения воспитать волю к автономному согласованию и насытить духом этой добровольной координации – субординаирующую форму государственности”. Только на этой основе, согласно И.А.Ильину, государство может превратиться в действительное и ненизительное единение воль. Воля государства – не бес предметна и не связана, но “предметно связана этическим содержанием”. Государственная власть соблюдает свою истинную духовную природу, только если она верна своей цели, своим путям и средствам, “получает свое священное значение только из ... духовной, нравственной и религиозной глубины”. В действительный, авторитетный центр политического единения государственную власть превращает только служение общему, духовному интересу народа и гражданина¹¹.

Вместе с тем, истинное предназначение и сущность государства проявлялись в историческом процессе неполно, ограниченно, подвергались значительным искажениям. И причиной было не только несовершенство самого государства. Несовершенство государства неразрывно связано с несовершенством общества, низким уровнем развития общественных отношений и самих человеческих индивидов. “Добровольное согласование воль” долгое время было лишь высокой целью, мечтой, и даже в настоящее время для большинства человечества является задачей, которую приходится каждый раз решать заново.

во. На ранних этапах истории задачей первостепенной важности, без решения которой общественный прогресс был бы невозможен, являлось обуздание человеческого эгоизма.

Решающая роль в ее решении принадлежит праву и государству. По мысли И.Канта, в отличие от категорического императива, право составляет внешнюю сторону жизни человека, оно не может преодолеть взаимного безразличия или антипатии индивидов. Вместе с тем, право обеспечивает внешне благопристойные, цивилизованные отношения между людьми, выступает в качестве своего рода первоначальной ступени (или минимума) нравственности, поскольку и мораль, и право имеют одну цель – утверждение всеобщей свободы. Государство с этой точки зрения выступает как объединение множества людей, подчиненных правовым законам. Государство призвано ограничить принудительными законами произвол частных лиц, благодаря чему становится возможной совместная жизнь и деятельность людей. Задачей государства является поддержание общего, равного для всех правового порядка. Решение этой задачи составило целую эпоху в развитии общества и государства, впервые воплотившись в реальность лишь в практике демократических правовых государств. Но с самого начала, государственная власть обеспечила организацию общественного целого, установив порядок и нормы взаимоотношений между людьми.

Важной особенностью этого порядка было закрепление сложившихся социальных ролей и функций, направленное на сохранение существующей общественной системы, которая неизбежно несла на себе отпечат-

ток исторической ограниченности и несовершенства. Государственная власть (например, в абсолютистских, деспотических государствах) могла подавлять существующие в обществе силы и интересы, не выражать общественную волю, а навязывать ей собственную, предписывать нормы и правила общежития, по-своему трактовать важнейшие общественные ценности и идеалы. С современной точки зрения такое государство трудно считать “политической общностью” людей, возникшей в процессе общественной самоорганизации. Однако осуществление реального объединения людей на основе их подчинения общепринятым нормам является именно социальной самоорганизацией, которая характеризовалась тем, что во имя обеспечения совместной жизни людей был создан специальный властный институт – государство. И этот институт, несмотря на свои очевидные пороки и недостатки, с самого начала выступал как институт политический. Даже подменяя интерес общества интересом властующего слоя и представляя его в качестве всеобщего интереса, даже подавляя все иные интересы, государство действовало “от имени” социального целого, во многом олицетворяло общество, выступало в качестве центрального политического института, что здраво проявлялось во взаимоотношениях между различными государствами.

Поэтому следует признать, что возникновение государства стало не только одной из важнейших *форм самоорганизации социума*, ее основополагающим *политическим механизмом*, но и необходимым *этапом социальной самоорганизации*. На этом этапе еще не проявились в полной

мере известные сегодня противоречия между деятельностью государства и процессами самоорганизации в обществе. В общем и целом, основополагающие характеристики государства, с одной стороны, и общества, с другой, – до поры соответствовали друг другу.

Если деятельность государства не редко приобретала экспансионистский характер и подавляла сферы общественной самоорганизации и самоуправления, то подобное положение на ранних этапах истории человечества в основном соответствовало культурной неразвитости большинства членов общества, ограниченным возможностям для их совершенствования в качестве самостоятельных субъектов деятельности. Вся общественная организация основывалась на господстве таких социальных норм, которые предписывали людям определенное поведение и образ жизни, закрепляли подчиненное положение большинства и существенные ограничения для его самодеятельности и самоуправления. Однако с течением времени, в ходе поступательного развития общества, положение постепенно изменялось. Вследствие этого прежние способы организации и формы объединения людей перестали соответствовать новым общественным реалиям, становились тормозом для общественного прогресса. Если развитие общества (совершенствование всей системы деятельности и отношений между людьми) поставлено в зависимость от усмотрения и творческих возможностей меньшинства при значительном ограничении активности большинства членов общества, нельзя не видеть в этом факте существенного

снижения потенциала саморазвития общественной системы в целом.

Именно человеческая деятельность служит субстанциальной основой ее существования, а сознательная и свободная деятельность всех членов общества является главным источником и фактором его развития. Поэтому общество в своей истории неизбежно приходит к такому состоянию, когда оно стоит перед необходимостью кардинального совершенствования (повышения уровня) своей организации, которое обеспечило бы ему более высокие темпы (динамику) общественного развития. Общество начинает испытывать объективную потребность в привлечении новых мощных резервов для своего развития, которые заключены в дремлющих до поры сущностных силах (способностях, деятельности) пассивного большинства своих членов. Ответом на эту общественную потребность и является создание новых форм социальной организации (самоорганизации).

Среди важнейших изменений, которые характеризуют *следующий этап социальной самоорганизации*, следует выделить два тесно взаимосвязанных между собой процесса. *Во-первых*, существенные изменения характера самого государства (в соответствии с принципами конституционализма, парламентаризма, представительной демократии), формирование конкурентной политической среды, полноценной политической системы общества, *механизмов политической демократии*. *Во-вторых*, становление и развитие гражданского общества, включающего в себя (наряду с другими организациями) политические партии как формы политического самоопределения граждан и важнейшие инструменты формирования политической власти в обществе.

Кардинальные изменения в политической сфере привели к раскрепощению индивидов, превращению их

из подданных феодально-абсолютистского государства в свободных и ответственных граждан-собственников. Указанные изменения связаны с глубокими демократическими преобразованиями политической системы общества, направленными на реализацию суверенности каждого члена общества, его прав и свобод, возможности участия в формировании и смене государственной власти, в принятии важнейших общегосударственных решений и контроле за их реализацией. Взаимосвязь между демократическими преобразованиями и формированием гражданского общества является настолько существенной, что последнее нередко считают неким "общим знаменателем подлинной демократии и эффективной рыночной экономики" (Р.Дарендорф).

Иными словами, гражданское общество формируется в борьбе за демократию и достигает расцвета только в условиях демократии, в свою очередь, демократия может сохраняться и развиваться лишь на прочной основе гражданского общества. Последнее служит актуализации дремлющих в обществе движущих сил на основе создания условий для свободной самодеятельности и самоорганизации все большего числа членов общества. В рамках гражданского общества возникают политические партии и движения, которые, выполняя функции выражения и агрегирования интересов, способствуют трансформации экономических, социальных, духовных интересов и потребностей членов общества в политические требования и программы, формируют политическую сферу, создают демократические механизмы формирования государственной власти.

Новый этап социальной самоорганизации, который привел к формированию внутри социума двух относительно самостоятельных форм

общностей и способов организации людей – гражданского общества и государства (политической общности), – не только поставил задачу обеспечения их оптимального взаимодействия, но и обнажил недостатки и пороки предшествующего этапа общественного развития. Прежде всего, речь идет об изначальной ограничительно-карательной функции государственной власти ("палаха Господа", обязанного "охранять существующий мирской порядок силой меча" – М.Лютер). В борьбе за демократию государство как институт подвергалось самому решительному осуждению: оно объявлялось отрицательным по своей природе, вызванным к жизни неспособностью добродетели управлять миром и призванным лишь обуздывать человеческие пороки. У наиболее радикальных мыслителей общество и государство резко противопоставлялись друг другу: "одно поощряет сближение, другое порождает рознь", "первое – защитник, второе – каратель"; поэтому "общество в любом состоянии есть благо, правительство же и самое лучшее есть лишь необходимое зло, а в худшем случае – зло нестерпимое" (Т.Пейн).

За этими крайними оценками отчетливо проступают претензии формирующегося гражданского общества на самоорганизацию и самоуправление. В то же время, сами эти претензии были порождены неспособностью государства и далее управлять делами общества по своему усмотрению, не вполне учитывая реальные интересы своих многочисленных подданных и не пытаясь узнать их мнения о происходящем. Последнее обстоятельство позволяет поставить вопрос в более общей форме: способ-

но ли государство управлять общественными процессами (осуществлять государственное управление) и если способно, то при каких условиях? Ведь скепсиса в отношении возможностей государства предостаточно. Стоит вспомнить острое высказывание Н.Винера: “государство глупее, чем большинство его членов”. Вера в то, что большие сообщества умнее, вызвана, по его мнению, “детским восхищением перед тем, что велико и обильно”. На самом же деле большие сообщества, подверженные подрывному влиянию разного рода (игре за власть и деньги, которая является “од-

ним из основных антигомеостатических факторов в обществе”), “имеют гораздо меньше общественно доступной информации, чем малые сообщества, не говоря уже об отдельных людях, из которых состоят все сообщества”. В свою очередь, “небольшие, тесно спаянные сообщества, обладают высокой степенью гомеостаза”¹². Следовательно, власть организованного меньшинства, как и утверждают сторонники элитизма, неизбежна и неодолима. Вопрос, однако, заключается в том, как это обстоятельство отражается на способности государства к управлению.

Примечания

- ¹ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М.: Наука, 1994.
- ² Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. <http://spkurdyumov.narod.ru/Stepin50.htm>
- ³ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя, 2002. С. 48.
- ⁴ Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980.
- ⁵ Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Изд-во “Новости”, 1992. С. 88.
- ⁶ Седов Е.А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем. // Общественные науки и современность. 1993, № 5; Информационные критерии упорядоченности и сложности организаций // Системная концепция информационных процессов. М.: ВНИИСИ, 1988.
- ⁷ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя, 2002. С. 45.
- ⁸ Там же. С. 32–33, 55–56.
- ⁹ Синергия. Проблемы аскетики и мистики Православия. Научный сб. под общей ред. С.С. Хоружего. М.: изд. Ди-Дик, 1995. С. 108–112.
- ¹⁰ Князева Е.Н. И личность имеет свою динамическую структуру // СПб. Мост. 2000. № 37. С. 21–24; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Там же. С. 84–87.
- ¹¹ Ильин И.А. О сущности правосознания. Собр. Соч. в 10-ти т. Т. 4. М., 1994. С. 291–308 и др.
- ¹² Винер Н. Кибернетика. Или управление и связь в животном и машине. 2-е издание. М.: Советское радио, 1968. С. 233–235.

От подражания к имитации в политической практике

Западные традиции демократии
на постсоветском пространстве

Сусанна Пшизова,
кандидат философских наук,
(Московский государственный университет)

Чуть больше десяти лет назад начался процесс демократизации в странах, ныне именуемых постсоветскими. Тогда они представляли собой единое целое, были частями единой политической системы, хотя и различались по своим социально-экономическим характеристикам. Они практически одновременно начали строительство своих независимых политических институтов, но прошли очень разные пути преобразований.

Сравнивая процессы трансформации частей прежде единой страны, можно выявить факторы, определяющие становление демократических институтов в современном мире. Анализ партийного строительства особенно важен, поскольку сегодня именно характер партий и партийных систем является центральным пунктом при идентификации типа режима сложившегося в той или иной стране.

Среди этих факторов можно выделить *общие* (действовавшие везде) и *специфические* (присущие каждой стране в отдельности). Рассмотрим общие факторы.

Среди самых общих следует назвать саму *идею о необходимости и обязательности партийного строительства*.

Эта идея базировалась на опыте западных демократий и практически никем не подвергалась сомнению. Вообще стремление воспроизвести

привлекательный западный образец было чуть ли не важнейшим стимулом демократических реформ. И не только на постсоветском пространстве. Эта идея безраздельно господствовала на территории всего посткоммунистического мира. В период последней “волны демократизации” внедрение западных образцов политических институтов (выборов, парламентов, конституций, политических партий) происходило повсеместно как в политическую практику вновь возникающих государств, так и в парадигматику формирующихся национальных школ политической науки. Эта идея доминировала и в России. В деятельности наших политических практиков очевидным образом проявлялся конфликт между их пониманием собственной выгоды и целесообразности и представлением о том, “как должно быть”, основанным на опыте развитых демокра-

тий Запада. В свою очередь исследователи “прикладывали” западные модели к реальностям “новых демократий”, чтобы определить уровень их зрелости и приближенности к авторитетным образцам. Несоответствия интерпретировались (и нередко продолжают интерпретироваться) как издержки переходного периода, обусловленные незавершенностью процесса.

Кочевание образцов политических институтов и властных отношений присуще, по всей видимости, едва ли не всем временам. Нынешний процесс “глобальной демократизации” актуализировал фундаментальную проблему соотношения политической формы и ее содержания.

Что именно вырывается из контекста и переносится на новую почву и почему? Дистанция между восприятием образца субъектами переноса и его реальным воплощением может быть весьма значительной.

Какие факторы определяют трансформацию переносимой модели? Что-то отторгается объективно (“почвой”) вопреки воле реформаторов, что-то отвергается осознано, самими же реформаторами, что-то меняется в процессе рецепции.

Насколько соответствует ожиданиям результат политической “трансплантации”? Все эти и другие, связанные с ними вопросы, не то чтобы требуют скорых ответов, но, по крайней мере, несомненно, внимания со стороны политической теории.

Разрушение советской политической системы осуществлялось во имя единого идеала. Причем это не был идеал, выраженный только в демократических принципах. Это был идеал, имевший конкретные полити-

ческие формы. Среди обязательных атрибутов этого идеала были (и продолжают оставаться) политические партии.

Демократия мыслилась (и продолжает мыслиться) только как многопартийная. Именно с политическими партиями ассоциируются фундаментальные функции, определяющие само существование либеральных демократий: структурирование электората, интеграция и мобилизация граждан, агрегирование различных интересов, рекрутование лидеров на публичные должности и формулирование государственной политики. Вообще современное демократическое правление – это партийное правление и именно в качестве такого оно признается легитимным. То есть именно партии выступают в нем основным инструментом институциональной легитимации.

В то же время вопрос о роли партий в политической системе невозможен отделить от вопроса об их собственной легитимности. Лидеры, которых партии рекрутят, программы, которые они формулируют и правительства, которые они контролируют, могут считаться легитимными только при условии, что сами партии легитимны. До сих пор легитимность политических партий на Западе базировалась на их массовости. Партии отражали общественную волю и обеспечивали решающую связь между гражданами и государством. Они делали это как массовые организации, поскольку именно в качестве массовых организаций они принадлежали обществу, из которого они происходили.

Как пишет Питер Майер, прежде всего XX в. был веком массовых партий.

Важнейшими показателями массовости (а следовательно, и легитимности) партий

были их численность и стабильная приверженность значительных сегментов общества (так называемых *grassroots*), влияние членов партий и крупных групп интересов на формирование партийной политики, а также материальная независимость, базировавшаяся на добровольной активности граждан и преобладании среди источников их финансирования членских взносов и институциональных пожертвований.

Таков был образец для подражания.

Первое, что бросается в глаза, когда мы рассматриваем результаты работы по внедрению этого образца: партии в “новых демократиях” мало похожи на свои транзитологические прототипы как организации.

Они не являются массовыми. В большинстве случаев их численность ограничивается количеством, необходимым по закону для регистрации. Да и это число (например, в России) нередко является бумагой мистификаций.

Нет никаких признаков нарастания их численности с течением времени.

Эти организации похожи на головастиков, большая часть тела которых расположена в столице. Вместо культивирования энтузиазма массы членов и активистов они используют услуги оплаченного наемного персонала и консалтинговых фирм.

Сточки зрения идеологии, ситуация не лучше. Партийные лидеры именуют себя в соответствии с чужим идеологическим спектром, а исследователи пытаются расположить их на право-левой шкале, следуя западным образцам. Однако безуспешно, на мой взгляд, поскольку несоответствие совершенно очевидно. Некие идеологические лозунги, хотя и написаны на партийных знаменах, не опираются ни на какие общественные расколы и не подкрепляются соответствующей политикой. Однако все новые партии продолжают

проводить идеологическую ориентацию. И это тоже обусловлено подражанием. Желание воспроизвести западный образец провоцирует появление партий, для которых нет предпосылок на нашей политической почве.

К примеру, поскольку в уважаемых старых демократиях действуют мощные социал-демократические партии, эта модель стала весьма популярной среди теоретиков и постсоветских политиков. В результате мы то и дело видим социал-демократические (или, скажем, с тем же успехом, консервативные) партии, созданные небольшими группами партийных строителей, которые довольно быстро исчезают, либо вялчат жалкое существование, собирая 1–2% голосов.

Похоже, что современные условия не стимулируют возникновение серьезных идеологических и социальных расколов и их отражение в партийных системах. Да и на Западе мощные социальные и идеологические разделения теряют свое значение. Хотя остается традиция и историческая память.

Все знают, кто есть эти старые актеры на политической сцене: кто левые, а кто правые. И пусть они уже не такие левые и не такие правые. И разница между ними уже совсем не так очевидна. Но традиция подсказывает избирателю: кто есть кто. В результате значительное число граждан продолжает руководствоваться старыми идеологическими этикетками партий.

Понятно, что обаяние лидеров при этом не играет решающей роли, а эффективность политической рекламы ограничена.

В “новых демократиях” нет такой исторической памяти. Граждане руководствуются имиджами лидеров, которые поставляет им политическая реклама, главным образом, через СМИ.

В действительности существует не так уж много идеологий. Гораздо больше лидеров, которые хотели бы возглавлять свою собственную поли-

тическую партию. Поэтому партии продолжают множиться.

В России, как правило, идеологическая характеристика – это всего лишь самоназвание, иногда – намерение, и гораздо чаще – инструмент избирательной технологии.

Легкость, с которой активисты переходят из партии в партию, а также заключение самых невероятных политических альянсов свидетельствуют о том, что речь идет всего лишь об имитации. Отсюда в немалой степени и нестабильность и фрагментированность партийных систем “новых демократий”. Институциональные условия, о которых много пишут, видимо не являются здесь определяющими. Да и проблема не в том, чтобы сделать правительство ответственным перед парламентом, а в том, чтобы их обоих сделать ответственными перед гражданами.

Связи партий с гражданами очень слабы во всех постсоветских странах. Твердое убеждение в том, что партии обслуживают свои собственные интересы вместо интересов граждан, является столь широко распространенным, что кажется похожим на правду. Именно разочарование в эффективности новых демократических институтов способствует укреплению популярности преемников коммунистических партий во многих постсоветских странах. После прихода к власти новые партии нередко выступали главным образом как индивидуальные или групповые лоббисты, продвигавшие определенные частные интересы в законодательных или исполнительных органах власти.

Это вполне естественно, если иметь в виду, что партии не зависят

от общества. Финансово они в лучшем случае зависят от государства, в остальных случаях – от частного бизнеса, чаще от обоих, но с доминированием второго. С помощью спонсоров и через СМИ партии манипулируют массовым сознанием во время выборов, чтобы получить легитимацию через демократические процедуры. Но, в конце концов, они – лишь инструменты в борьбе между различными частями элиты, главным образом экономической. Импульсы из других слоев населения практически отсутствуют. Они глубоко вторичны. Не удивительно, что явка на выборы не высока, уровень доверия к партиям очень низок, а флюктуация подаваемых голосов достаточно велика практически везде.

Отсутствие прочной социальной базы, мощных независимых организованных интересов, а также какой-либо гражданской политической активности и общественного контроля над партиями за пределами выборов, делают пропасть между управляющими и управляемыми особенно заметной. А стремление скрыть эти дефекты политических институтов с помощью интенсивного использования рыночных избирательных технологий, продуцирует более радикальную версию “электорально-профессиональной” модели политической партии, известной на Западе (А. Панебьянко). Эта версия больше всего подходит под описание партии бизнес-фирмы, появление которой уже диагностировано исследователями западноевропейских политик. Однако, это явно не тот результат, который планировался при начале партийного строительства.

А вот те характеристики политических партий, появления которых

ожидали (и все еще дожидаются) многие политики и политологи, относятся либо к безвозвратно ушедшему прошлому западных стран, либо являются теоретической нормой никогда не существовавшей на практике.

Не случайно, последние изыскания транзитологов сильно напоминают изощрения советского обществоведения, пытавшегося объяснить затягивавшееся пришествие коммунизма необходимостью новых и новых этапов на пути к нему: сначала "построение основ", потом "полностью и окончательно", затем "развитого"...

Если бы советская система не была демонтирована, видимо, были бы теоретически обоснованы и еще какие-нибудь этапы "большого пути" к светлой цели.

В концепциях транзитологов место коммунизма занимает либеральная демократия, но общий принцип, похоже, примерно, тот же. Достижение (рано или поздно) некоего нормативного образца не подвергается сомнению. Правда, в данном случае образец, вроде бы, не столь утопичен и даже имеет конкретное историческое воплощение. Однако, будучи вырван из контекста Современности (а значит и процесса глобальных взаимодействий и трансформаций), он определенно приобретает черты мифологемы.

Новые политические партии в постсоветских странах совсем не похожи на партии массовой интеграции. Они гораздо больше похожи на вновь возникающие партии, чем на упоминавшиеся авторитетные образцы. В их развитии можно наблюдать самые современные тенденции, которые беспокоят западных политологов, причем в более резкой форме.

Роль лидеров является определяющей.

Как правило, партии организуются вокруг лидеров и выглядят как персональные клиенты. Конфликты между лидерами или неудачные повороты карьеры партийного патрона могут спровоцировать раскол или исчезновение всей организации.

Партии больше заинтересованы иметь известных политиков среди своих членов, чем политики в поддержке партий. Это справедливо отчасти даже для коммунистов. Партия может быть полезна во время выборов, но от нее часто пытаются избавиться после прихода к власти.

Фактически, видные политики не нуждаются в партиях. Напротив, партии нуждаются в них. Партии соревнуются между собой за то чтобы сделать того или иного известного лидера "лицом" своей организации.

Активно используются так называемые "новые политические технологии" (политический маркетинг) и услуги фирм, занимающихся политическим консультированием.

Эти фирмы, скрывающиеся за спиной партий и политиков, организуют весь избирательный процесс: собирают подписи, проводят маркетинговые исследования политического рынка, определяют стратегию и тактику кампании, а также управляют ее проведением, производят рекламу и т.д.

Единственное, что остается гражданам – голосовать. В отличие от традиционных способов партийной активности, когда политики стремились убедить граждан в преимуществах своего политического проекта, новые партии разрабатывают избирательные предложения (визуальные имиджи) в соответствии с результатами маркетинговых исследований, основываясь на текущих требованиях рынка. Таким образом, отношения между партиями и гражданами поменяли свое направление. Избирательная тактика абсолютно доминирует над программами, превращая представительное правление в правление презентаций.

О способах финансирования уже упоминалось выше.

Все эти тенденции сильно беспокоят ученых и политиков на Западе. Предлагаются новые концептуальные модели: электорально-профессиональной партии, партии картеля, партии бизнеса фирмы. Они базируются на изменениях в партийной организации, в системе связей общества и государства, в способах финансирования, ведения избирательной кампании и т.д. Молодые партии в постсоветских странах не становятся похожими на старые мощные западные организации и еще меньше на их исторические прототипы. Если к ним присмотреться, они гораздо больше похожи на вновь возникающие партии Запада, которые формируются на наших глазах.

Похоже, что процесс имеет глобальный характер.

Ведь современный мир, в котором происходит демократизация постсоветских стран совсем не тот, в котором возникали западные демократии. Это постиндустриальный, глобализирующийся мир, в котором такие факторы как новые способы коммуникации действуют повсюду, легко пересекая границы и глубоко воздействуя на внутриполитические процессы независимо от исторических традиций и уровня экономического развития той или иной страны.

Поэтому, возможно неожиданно для западных коллег, в постсоветских странах можно увидеть некоторые явления, не только сходные с самыми современными тенденциями развития “старых демократий”, но даже более радикальные их версии. Радикальные совсем не значит более благоприятные для функционирования демократии как политического режима. Просто в новых демократиях отсутствуют, либо очень слабы ограничения (структуры, традиции, отношения), унаследован-

ные странами Запада от прошлого, которые отчастинейтрализуют последствия современных факторов. В то время как институты, имеющие длинную историю, и возникшие в совершенно иных условиях, претерпевают медленную эволюцию, адаптируясь к новым обстоятельствам, их вновь возникшие копии гораздо более восприимчивы к новым веяниям и, прежде всего, негативным.

Оказалось, что третья волна демократизации – это нечто более сложное, чем простое количественное и территориальное расширение демократии. Образование глобального общества не есть механическое распространение западного влияния. Мы имеем дело с процессом глобального изменения, обладающим единством и универсальностью. Сегодня в транзите находятся не только вчерашние диктатуры, но и вчерашние демократии. Результаты этих трансформаций пока трудно точно описать. Однако, они вряд ли идентичны старой добре системе массовой представительной демократии.

На наших глазах именно в ходе развертывания очередной “волны демократизации” происходит вытеснение либерально-демократической парадигмы политического процесса. Этот парадокс проявился в частности в безуспешных попытках посткоммунистических стран воспроизвести классические образцы политических институтов либеральных демократий Запада. Полученные в результате этих усилий политические режимы сильно отличаются друг от друга.

Их вполне можно и, видимо, нужно ранжировать по уровню “либеральности” (чем с успехом занимается “Дом свободы”). Но даже самые

“свободные” из них вряд ли можно признать вполне “демократическими”, если иметь в виду тот образец, которому они пытались подражать, начиная свои преобразования.

Образец этот базировался на традиционных представлениях о демократии, как системе власти большинства населения, осуществляющей через институты представительства – партии, выборы, парламенты. И именно они в процессе рецепции подверглись самым серьезным испытаниям. Дело в том, что эти институты, сыгравшие ключевую роль в становлении массовых представительных демократий Запада, в современных условиях претерпевают наиболее заметную трансформацию, и безуспешность попыток “новых демократий” выстроить свои версии по устаревшим моделям европейского XX в., стала уже очевидна.

Политики и политологи по инерции все еще заявляют о том, что в будущем электорат станет активнее и “гражданственнее”, а партии укоренятся в обществе, обретут идеальное своеобразие, стабильную организационную структуру и будут агрегировать и представлять в парламенте интересы широких социальных слоев.

На практике же все участники “последней волны демократизации” двигались в направлении от более или менее усердного подражания традиционным демократическим образцам к

Когда-то правители средневековой Европы стремились воспроизвести опыт Древнеримского государства, казавшийся им успешным. Они пытались перенести на родную почву авторитетные образцы, воспринимая римскую политическую символику и церемонии, выстраивая подобия римских властных институтов и отношений.

Сегодня хорошо известно, насколько сильно отличался результат этих усилий от нормативной модели. Однако, вряд ли кто-нибудь решится назвать его “бледной копией” образца.

вольной или невольной их *имитации*. Большая или меньшая либеральность различных режимов, сложившихся в результате этих преобразований, не отменяет этого общего факта.

Это отличает их от диктатур, которые проходили демократизацию после второй мировой войны или открывали “третью волну”. Обнаружилось, что желанный образец остался в невозвратном прошлом. Хотя нынешнее состояние самих западных демократий несет на себе изрядную печать этого прошлого, оно также характеризуется чертами, которые требуют осмыслиения и новых теоретических подходов.

Не так давно известный политолог Ф.Шмиттер писал о почти тотальном отсутствии экспериментирования с новыми институтами в неодемократиях, об их ориентации на воспроизведение того, что обычно считается “демократической нормой”, а, по сути, является “абсолютно рутинной практикой западных демократий”, уже дискредитированной и находящейся в упадке.

По его мнению, это творческое бесплодие и стремление к имитации Западных образцов, в лучшем случае, может привести к появлению бледных отражений западных институтов.

В действительности заявленное стремление к подражанию может означать лишь имитацию западных образцов, которая в тоже время сопровождается внедрением совершенно новых практик.

Новое прочтение истории Кореи

Владимир КИМ,

профессор Московского Государственного лингвистического университета

На книжных полках появился долгожданный, весьма содержательный компактный учебник по истории Кореи для студентов и аспирантов по специальности “Международные отношения”. Основные авторы книги – член-корр. РАН А.В.Торкунов, проф. МГУ им. Ломоносова С.В.Волков, проф. Австралийского университета А.Н.Ланьков, проф. Дипакадемии МИД России Вл.Ф. Ли, проф. МГИМО (У) В.И.Денисов и главный научный сотрудник ИДВ РАН В.П.Ткаченко – опубликовали целый ряд научных исследований, известных в мировой науке. Книга написана в соответствии с новейшими требованиями университетской программы и государственного стандарта и рекомендована Учебно-методическим объединением вузов РФ по образованию в качестве учебника для студентов и аспирантов.

За последние десятилетия в нашей и в других странах, в частности, в КНДР и РК, издан целый ряд работ по истории Кореи. Они имеют свои достоинства и недостатки. Написанные на богатом фактическом материале, некоторые из них подвержены “официальному национализму”, при котором исторические события во многих случаях толкуются одно-

сторонне и тенденциозно. Другие же работы, изданные в советское время в СССР (например, обобщающий двухтомник “История Кореи с древнейших времен до наших дней”. М., 1974) написан в духе своего времени и отдельные его моменты уже значительно устарели.

Новые концептуальные подходы последнего времени требуют создания новых учебников по истории. Рецензируемая работа по истории Кореи написана на основе новой методологии – историко-хронологического и цивилизационного подходов к познанию истории. Вместе с тем этот синтез подходов, видимо, в теоретическом плане ещё нуждается в уточнении. Не совсем уверен, что предлагаемая в книге методология совсем исключает элементы информационного подхода.

Своеобразным методологическим новшеством является попытка рассмотреть “развитие КНДР и Республики Корея на сравнительно-исторической основе в рамках целостных глав” (С.6). Такой способ дает возможность лучше показать особенности и перспективы развития двух корейских государств на современном этапе. Вместе с тем он поневоле вынуждает одновременно делать выво-

ды, не всегда достаточно взвешенные и сбалансированные.

Рассмотрим содержание книги по порядку. Почти половина учебного материала приходится на периоды древности и феодализма. В хронологической последовательности подробно описываются исторические события Кореи на этом этапе. В частности, обстоятельно освещается история возникновения, развития и гибели Древнего Чосона, Трех государств на Корейском полуострове и сложные взаимоотношения с Китаем.

Обстоятельно излагается история единого централизованного государства Корё. Особенно хорошо показаны экономическая и социальная основа государственности, её замечательные культурные достижения. Однако, в освещении истории борьбы с иноземными завоевателями в ряде случаев допускаются неточности и гиперболы. Полагаю, что это результат некритического использования корейских материалов, поданных с позиций националистических доктрин.

Например, утверждается, что в 1010 г. 400 тыс. армия киданей неудачно осаждала крепость Хынхваджин (С. 92), а в 1018 г. 100 тыс. киданьское войско потерпело поражение при передвижении от Хынхваджина к Кэгену (С. 93). При тогдашнем порядке передвижения войск эти цифры сильно преувеличены. Кстати, известный южнокорейский историк Ли Ги Бэк (Южная Корея) называет численность киданьских войск, вторгшихся в 1018 г. 10 тыс. чел. (С. 149). Как видим, разница слишком большая.

Значительное место в работе занимает история государства Чосон в XV–XVIII вв.

Этот период насыщен богатыми событиями. К моменту установления династии Ли страна находилась в состоянии хаоса и смуты. Опираясь на новую конфуцианскую интеллигенцию и военных, пришедших к власти правители стремились к усилению централизации. Они начали развивать промышленность, сельское хозяйство и несколько улучшили жизнь простых людей. В результате в стране постепенно установилась политическая и экономическая стабильность.

Содержательно описано развитие культуры эпохи Чосон.

В частности, заметно выделено создание новой системы письменности и её значение в последующие периоды развития страны. Правда не совсем понятно, почему в эту главу врезаны портреты Ким Ир Сена, Ли Сын Мана, Ким Чен Ира, а также картины, изображающие события Второй мировой войны и корейской войны 1950–1953 гг. Было бы логичнее поместить фотодокументальные материалы в конце книги.

В целом история средневековой Кореи освещена достаточно глубоко, хотя в ряде моментов описание событий без особых надобностей перегружены не столь значимыми фактами (С. 33–40 и др.).

Немало обновленных подходов содержит освещение новой и новейшей истории, хронологически эта часть охватывает небольшой отрезок времени, но она насыщена событиями переломного значения.

Правдиво и взвешенно освещается вопрос о русско-корейских отношениях в конце XIX – начале XX вв. В книге на документальной основе показывается, почему в названный период объективно происходило

сближение позиций России и Кореи и каковы были интересы России на Дальнем Востоке, в частности, в Корее.

Правдивое изображение внешней политики России того периода имеет не только научное, но и политическое значение. Как известно, до сих пор некоторые историки в Республике Корея утверждают, что якобы в российской исторической литературе огульно преувеличивают положительную роль России на Корейском полуострове в конце XIX – начале XX вв.*

В книге аргументированно опровергается и утверждение некоторых авторов КНДР о том, что Корея освобождена прежде всего в результате активной борьбы корейского народа против японского владычества, а не освободительной миссии СССР. Конечно же, корейский народ на протяжении многих десятилетий вел мужественную борьбу против японских колонизаторов. Никто этого факта не приижает. Однако, очевидно и то, что без решающей роли СССР в разгроме японских войск на Дальнем Востоке вряд ли Корея могла быть так стремительно освобождена от колониальной зависимости.

Достаточно четко изложен вопрос о корейской войне 1950–1953 гг. и её последствиях. На новой документальной основе убедительно изложен материал о причинах этой войны и роль великих держав в ней. Теперь намного стало яснее, почему и как началась эта война.

Обращает на себя внимание стремление авторов с предельной объективностью по сравнению с

двухтомной академической “Историей Кореи” 1974 г. подойти к освещению узловых вопросов новой и новейшей истории Кореи.

На основе содержательных корееведческих наработок последних лет авторы по новому раскрывают внутренние и внешние истоки кризиса янбанской деспотии в Корее, движущие силы Первомартовского народного восстания 1919 г., основные причины трагического “Амурского инцидента” 1921 г., последствия раскола и межфракционного соперничества в молодом корейском социалистическом и коммунистическом движении. В отличие от ряда прежних изданий, в которых явно сквозила недооценка патриотических позиций лидеров первомартовского движения, авторы отмечают, что у истоков Декларации независимости от 15 марта стоял цвет корейской нации того времени, в том числе 15 деятелей религиозной секты “Чхондогё”, 16 христианских проповедников, 2 буддиста, которые вели за собой в целом миллионы своих последователей и сторонников (С. 287).

Весьма содержательны последние главы книги о двух путях социально-экономического и политического развития КНДР и РК и проблеме мирного урегулирования корейского вопроса. Дается сравнительная характеристика развития двух корейских государств на современном этапе. Вместе с тем, на наш взгляд, в этих главах имеются излишние подробности и комментарии при констатации фактов. Нужно ли в учебнике в такой мере давать биографические материалы о жизни и деятельности политических деятелей обоих государств. Или же,

* Анализ российской исследовательской литературы по корейской тематике. Сеул, 1977. С. 71.

описывая тяжелое экономическое положение КНДР в 1995–1997 гг. авторы пишут, что “по зарубежным данным (источник не называется – В.К.), в середине 90-х годов в КНДР умерло более 1 млн. человек”, что ежедневная норма выдачи продуктов питания на человека составляла 100–200 г зерна (С. 353).

Сведения такого рода вызывают сомнения.

Допущена неточность при изложении материала о Женевской конференции по корейскому вопросу, (1954 г.). В учебнике почему-то говорится, что она состоялась в конце апреля 1945 г. (С. 342). Видимо, здесь допущена досадная редакционная опечатка.

Вызывает сожаление, что в книге нет историко-хронологической таблицы и указателя имен. Большего внимания заслуживают вопросы сложных взаимоотношений Кореи с внешним миром в XIX–XX вв., а также проблема массовой корейской эмиграции в Китай, Японию, США, Россию и другие страны.

Однако эти недоработки носят частный характер и никоим образом не влияют на достоинства весьма содержательного учебника в целом. Хотелось бы пожелать высокопрофессиональной “команде” российских корееведов во главе с член-корреспондентом РАН А.В.Торкуновым выпустить в свет второе издание книги, которая необходима не только студентам-международникам, но и почти полумиллионной корейской диаспоре в России и других странах СНГ.

“История Кореи. Новое прочтение”. А.В.Торкунов (отв. ред.), С.В.Волков, А.Н.Ланьков, Вл.Ф.Ли, В.И.Денисов, В.П. Ткаченко. М., РОССПЭН, 2003. 430 с.

Глобализация и реалии развития России

Юрий Лебедев,
генерал-майор в отставке

В условиях развивающегося процесса глобализации важно определить и выверить алгоритм развития Российской государства, чтобы оно могло занять достойное место в мировом сообществе, а не оказаться на задворках цивилизации. Именно на решение этой задачи нацелена работа ученых А.И.Подберезкина и С.А.Абакумова “Гражданское общество и будущее российского государства: в поисках эффективного алгоритма развития”.

Строго документальный характер материалов книги и убедительные выводы с привлечением большого статистического материала по всем сферам развития России убедительно подтверждают рекомендации и предложения авторов.

На основе проведенного анализа авторы полагают, что руководству страны необходимо принимать нетрадиционные решения при формировании алгоритма развития России в условиях глобализации. Предлагается перейти от сегодняшнего “инерционного сценария развития” к “интенсивно-технологическому сценарию”.

Среди основных системных политico-экономических средств, которые могли бы помочь России выйти в число государств-лидеров авторы видят три стратегические цели:

- ускорение темпов роста ВВП до 15% ежегодного прироста, прежде всего за счет роста наукоемкой продукции;
- радикального улучшения качества государственного управления;

— максимальной переориентации государства и всего общества на развитие фактора человеческого потенциала, прежде всего в областях образования, науки, здравоохранении, культуры и доступа к информации.

Обосновывая новую модель развития России по новому “интенсивно-технологическому сценарию”, авторы доказательно утверждают, что такой сценарий обеспечил бы выход страны из состояния стагнации и предоставил ей место в ряду великих держав.

Особо хотелось бы обратить внимание будущих читателей книги на раздел о роли военной силы в эпоху глобализации. Опыт последних лет, который авторы подтверждают конкретными фактами, свидетельствует о том, что особую актуальность вновь приобретает вопрос о роли военной силы во внешней политике государства в эпоху глобализации. Справед-

ливо утверждается, что наличие современных и эффективных вооруженных сил становится важным условием интеграции государства в систему международных отношений.

В книге анализируются отношения России с целым рядом стран Запада, Юга и Востока и делается вывод — вопрос о значении и роли военной силы, среди других инструментов внешней политики, снова стал центральным. С глобализацией, в частности, меняются все области военно-го искусства: стратегия, тактика, оперативное искусство, также стремительно растет боевая эффективность вооружений и военной техники.

Книга содержит богатый иллюстрационный материал (диаграммы, графики, таблицы). Из этого материала хорошо видно, что сегодня количественно военный потенциал России сопоставим с США. Но это сегодняшнее, если не вчерашнее, состояние. Исходя из статистических данных, стратегические вооружения России сокращаются как по причине физического устаревания, так и по причине нехватки средств для их пополнения или поддержания в необходимой боеготовности.

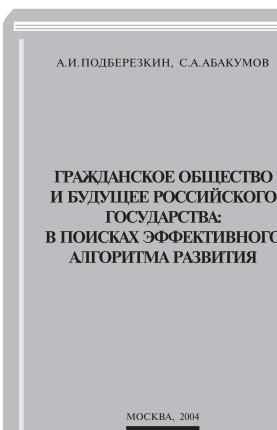
Авторы утверждают, что паритет с США в военной области практически невозможно поддерживать, если сегодня американский бюджет составляет 292,3, а российский 8,36 млрд. долл.

Обоснованно предлагается придать приоритет развитию до относительного уровня стратегических вооружений и систем высокоточного

оружия при повышении финансирования НИОКР в этой области. Внимание уделяется средствам информации и разведки.

В рассматриваемой работе авторы убедительно показали, как паритет в военной области (области, наиболее полно отражающей экономические возможности страны) в ближайшее 10–15 лет будет поддерживаться в России только за счет “продления ресурса” былого могущества.

Справедлив вывод о необходимости создания условий и материально-технической базы для поэтапного перехода России на профессиональ-

ную армию при эффективной системе социальной защиты военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы в запас или отставку. Такие условия позволяют качественно улучшить состав вооруженных сил России.

В целом, авторы на основе анализа объективных условий изложили в своей работе взгляды на проблемы глобализации в областях политики, экономики, безопасности, экологии, демографии и других сферах жизни государства и российского общества.

Намечены пути развития России в обстановке глобализации с целью сохранить в перспективе свой рейтинг ведущего государства.

Вопросы затронутые в книге вероятно будут использованы в дискуссионных обсуждениях по проблемам глобализации и приняты во внимание руководством страны.

Несомненно, книга вызывает интерес широкого круга читателей.

Подберезкин А.И., Абакумов С.А. Гражданское общество и будущее Российского государства: в поиске эффективного алгоритма развития. М., ООО «Имидж-Пресс», 2004. 436 с.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор К 005-93. Код ОКП-95 2110.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель-Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.
ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (095) 959-2253.

E-mail: observer@mail.magelan.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>
Подписано в печать 01.10.2004. Формат 70x100 $\frac{1}{16}$. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Джей Ти Принт». Заказ № 564